Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт государства и права Российской академии наук (ИГП РАН)

На правах рукописи

Викторова Элеонора Юрьевна

ТОЛКОВАНИЕ НОРМ ПРАВА В АНГЛИИ И США

Специальность:
12.00.01 – теория и история права и государства;
история учений о праве и государстве

Диссертация

на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Научный руководитель – член-корреспондент РАН,
доктор юридических наук,
профессор,
Заслуженный юрист Российской Федерации
Савенков Александр Николаевич

Москва - 2019

Оглавление

Введение 3

Глава 1. Исторические аспекты толкования норм права в Англии и США 14

§ 1.1. История раннего периода толкования норм права в Англии и США 14

§ 1.2. Эволюция толкования норм права в Англии и США в XIX–XX вв. 40

Глава 2. Теории толкования норм права в Англии и США 67

§ 2.1. Толкование на базе выявления «законодательного намерения» 67

§ 2.2. Толкование на базе текста закона 93

§ 2.3. Динамичные теории толкования 114

Глава 3. Вспомогательные внутренние и внешние средства толкования норм права в Англии и США 132

§ 3.1. Внутренние средства толкования 132

§ 3.2. Внешние средства толкования 160

Заключение 179

Библиографический список 194

Приложение А

Авторский перевод закона Великобритании «О толковании» 1978 г.. 225

Приложение В

Основные каноны толкования Верховного суда США 259

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы диссертационного исследования. Исследовательский интерес, обусловивший выполнение настоящей работы, направлен на изучение доктрины и практики толкования норм права в странах англосаксонской правовой семьи, в качестве примеров которых были взяты Великобритания и США. Система общего права является одной из самых распространенных, одной из старейших и одной из самых влиятельных правовых систем современного мира[1]. По своим основным параметрам, включая географические (охват национальных правовых систем в разных регионах и частях мира), культурные (распространение на страны с различной политической и правовой культурой), исторические и иные факторы, а также по степени своего влияния на другие правовые системы данная правовая семья, по признанию большинства исследователей, может сравниться лишь со старейшей правовой семьей – системой романо-германского права[2].

Актуальность выбранной темы, таким образом, обусловлена тем, что под регулятивным воздействием правовых норм, доктрин и институтов общего права в настоящее время находится почти одна третья часть земного шара[3]. Общее право уже на протяжении длительного времени действует на территории Великобритании, США, Канады, Австралии, Новой Зеландии, Индии, Ирландии и ряда других государств. Однако отечественная правовая наука до настоящего времени не располагает систематическими знаниями о правоинтерпретационной деятельности различных субъектов, функционирующих в рамках данной правовой семьи. Восполнить этот пробел – одна из задач настоящего исследования.

---

[1] См.: *Леже Р.* Великие правовые системы современности: сравнительно-правовой подход : пер. с фр. М., Волтерс Клувер, 2009. 584 с.; *Марченко М. Н.* Правовые системы современного мира : учеб. пособие. М., 2008.

[2] См.: *Савенков А. Н. Савенков А. А.* Как победить коррупцию: юридические практики Великобритании // Правовое поле современной экономики. 2012. №7. С. 7–16; *Cruz P.* A modern approach to comparative law. Boston : Kluwer, 1993. P. 89.

[3] См.: *Glendon M., Gordon M., Osakwe C.* Comparative legal traditions in a nutshell. St. Paul. Minnesota : West Group, 1982. P. 159.

В наиболее простом и универсальном понимании толкование представляет собой процесс установления содержания правовых норм. При этом «установление» следует понимать в интеллектуальном, а не волевом измерении, т.е. как «доведение содержания до интерсубъективной очевидности». В процессе толкования устанавливаются смысл нормы права, ее основная цель и социальная направленность, возможные последствия применения толкуемого правового акта, выясняются общественно-историческая обстановка его принятия, условия, в которых происходит толкование[4]. Существующие концепции толкования права сходны в том, что касается целей данной деятельности, но расходятся в понимании ее предмета. К примеру, в российской правовой доктрине А.С. Пиголкиным высказывается позиция, что *«для правильного выявления воли, выраженной в нормативном акте, нужно проанализировать сам текст нормативного акта, преамбулу, официальные и неофициальные его разъяснения, другие близкие по содержанию нормы, материалы периодической печати, научные работы и т.д.»* [5] При этом главным объектом толкования остается текст нормативного правового акта, поскольку именно в нем находит свое выражение воля законодателя. Однако доктринальный подход к толкованию, характерный для правовой семьи общего права, имеет в виду совсем иной предмет, хотя конкретные интеллектуальные стратегии остаются теми же самыми. Специфичным является плюрализм правоинтерпретационных подходов, каждый из которых существует наравне с другими, и никакой подход не имеет безусловного преимущества, кем бы оно ни было санкционировано – сообществом ученых либо правоприменителями.

Степень научной разработанности проблемы исследования. Проблема толкования права появляется одновременно с формой правовых предписаний, т.е. текстом, который по своей природе никогда не мог быть приведен к абсолютно однозначному содержанию, хотя именно это всегда и требовалось в процессе

---

[4] См.: Нормография: теория и технология нормотворчества : учебник для бакалавриата и магистратуры / под ред. Ю. Г. Арзамасова. М., 2017. 460 с.

[5] См.: Теория государства и права : учебник / А. С. Пиголкин, А. Н. Головистикова, Ю. А. Дмитриев, А. Х. Саидов ; под ред. А. С. Пиголкина. М., 2005. С. 482.

применения права. Подобная крайне сложная задача, естественно, сопровождалась научным осмыслением способов ее решения. Потому закономерно, что и ранее, и сейчас значительное количество правоведов вносило свой вклад в проблематику теории юридической интерпретации. Вопросы правильного толкования норм права были предметом рассмотрения многих видных русских ученых-юристов XIX – начала XX в., среди которых следует отметить Е.В. Васьковского, А.В. Завадского, Б.А. Кистяковского, Н.М. Коркунова, П.И. Люблинского, Л.И. Петражицкого, Г.Ф. Шершеневича и др.

В советский и современный период проблема толкования права исследовалась в трудах С.С. Алексеева, Ю.Г. Арзамасова, В.К. Бабаева, В.М. Баранова, Н.А. Власенко, Н.А. Вопленко, А.Б. Дидикина, В.Н. Карташова, С.Н. Касаткина, В.В. Лазарева, А.М. Михайлова, П.Е. Недбайло, В.В. Оглезнева, Е.А. Петровой, А.С. Пиголкина, С.В. Полениной, А.Н. Савенкова, А.К. Соболевой, Ю.А. Тихомирова, Е.Н. Тонкова, В.А. Туманова, В.Ю. Туранина, Т.Я. Хабриевой, А.Ф. Черданцева и других ученых-юристов. Специфика ситуации состоит в том, что правовая наука в нашей стране почти всегда была ориентирована исключительно на внутригосударственные элементы и процессы правовой действительности, сравнительно-правовых исследований в отечественной юриспруденции всегда было крайне мало. В российской исследовательской литературе по-прежнему отсутствует комплексный и подтвержденный практическими аргументами анализ методов интерпретации норм права в *Англии и США.* Успеху данного мероприятия препятствует неизвестность широкому кругу научной общественности нормативных основ этой деятельности. До сих пор отсутствуют переведенные на русский язык нормативные источники толкования: закон Великобритании «О толковании» 1978 г. и основные каноны толкования Верховного суда США. Сведения по данному вопросу, которыми могут располагать отечественные авторы, остаются иноязычными, немногочисленные исключения – это исследование А.К. Романова «Право и правовая система Великобритании», в котором есть раздел, посвященный обзору системы толкования норм права Великобритании, а также опубликованные

монографии Е.Н. Тонкова «Толкование закона в Англии» и А.М. Михайлова «Судебная власть в правовой системе Англии», где освещаются вопросы толкования английского закона в целом и уделяется внимание особенностям законодательного процесса и правовой системы Англии, а также философско-правовым парадигмам английской доктрины толкования.

Таким образом, назрела необходимость уделить данной теме пристальное внимание, поскольку все чаще нормы системы общего права, а значит, и вопросы ее толкования, оказываются принципиально значимыми для разрешения споров коммерческого характера между российскими юридическими и физическими лицами как нормы «выборной» системы права, что в определенных случаях может привести и к применению норм публичного права Англии и США.

Цель и задачи исследования. Целью диссертационного исследования является раскрытие на доктринальном уровне основных закономерностей интерпретации правовых текстов органами судебной власти в Англии и США.

Данная цель предполагает решение комплекса научно-исследовательских задач, куда входят:

– спецификация и уточнение разновидностей внешних форм выражения юридических предписаний в интерпретационной деятельности, осуществляемой органами судебной власти Англии и США;

– идентификация социокультурных и историко-политических причин и условий, способствующих неустранимому плюрализму в прояснении смыслового содержания правовых текстов;

– выявление и систематизация стратегий и методик толкования, реализуемых органами судебной власти в Англии и США в ходе осуществления правоприменительной деятельности;

– определение функциональных взаимосвязей между стратегиями толкования и итоговым практическим эффектом по снижению степени неопределенности юридических предписаний в правовых текстах;

– критическое сравнение внешних и внутренних средств толкования норм права органами судебной власти в Англии и США на предмет оснований применения данных средств и пределов их использования;

– идентификация наиболее распространенной юридической аргументации судей Англии и США в пользу отказа от использования отдельных средств и стратегий толкования в ходе применения норм права;

– выстраивание концептуальной согласованности англосаксонской и отечественной доктрин судебного толкования правовых норм для обеспечения возможности восприятия соответствующего зарубежного опыта в юридической науке и практике.

Объектом диссертационного исследования выступают общественные отношения по уяснению и разъяснению смысла и содержания норм права.

Предметом исследования являются правовые доктрины и практика толкования норм права в Англии и США.

Методология исследования. В диссертационной исследовательской работе были использованы общенаучные и частнонаучные методы познания правовой действительности, в частности, методы индукции, дедукции, анализ, синтез, абстрагирование и моделирование, системно-структурный и структурно-функциональный методы. Из специальных юридических методов использовался историко-правовой метод, в рамках которого анализируется возникновение, развитие, эволюция учений о толковании норм права в Англии и США. Формально-юридический метод способствовал анализу действующих источников права (нормативных актов и судебных прецедентов), касающихся толкования норм права в Англии и США. Применение в исследовании сравнительно-правового метода позволило выявить формальные и содержательные сходства и различия правил и способов толкования норм права в правовых системах Англии и США.

Эмпирической основой диссертационного исследования послужили нормативные правовые акты и прецеденты Англии и США, а также судебные решения английских и американских судов. При проведении исследования

проанализированы судебные решения Палаты лордов (26 дел), Апелляционного суда Англии и Уэльса (11 дел), иных английских судов (80 дел), а также практика Верховного суда США (53 дела), судов на уровне отдельных штатов в США (25 дел), канонические правила толкования, применяемые судами штатов и федеральными судами США на основе принципов, сформулированных в практике Верховного суда США.

Теоретической основой исследования послужили труды зарубежных ученых и практикующих юристов У.Д. Попкина, Р. Кросса, К. Эллиотт, Ф. Куинна, У. Эскриджа, Г.Л.А. Харта, Ф. Фрики, А. Скалиа, Э. Подгор, П. Хеннинга, российских ученых А.К. Романова, Е.Н. Тонкова, И.Д. Козочкина, В.М. Шумилова и др.

Научная новизна диссертационного исследования состоит в том, что в нем впервые в отечественной юриспруденции систематизированы теоретические концепции и практика толкования норм права в Англии и США, введены в научный оборот нормативные и доктринальные источники, характеризующие понятия и категории правоинтерпретационной деятельности судов в англосаксонской правовой семье.

На защиту выносятся следующие основные положения, содержащие научную новизну:

1. Для правовой семьи общего права характерно совпадение стратегий толкования, используемых субъектами юридического познания в ходе применения права и в процессах правообразования. Следовательно, приемы, способы и каноны толкования выступают здесь в качестве значимого ресурса развития правовой системы, а также причины ее предметного обогащения и отраслевой специализации.

2. Уникальная роль юридической интерпретации в англосаксонской правовой семье влечет за собой повышенное внимание исследователей к стратегиям толкования и их структурным единицам – приемам и способам логико-лингвистических мыслительных операций, объектами которых выступают правовые тексты. Такого рода структурные единицы принято объединять в теории

толкования. Теорией толкования в англо-американской доктрине принято называть *устойчивую совокупность приемов и способов* интерпретации правовых текстов, прежде всего статутов, используемую судьями и иными субъектами толкования при рассмотрении и разрешении дел. По своей природе теории толкования весьма прагматичны, поэтому не предполагают широких мировоззренческих обобщений и в буквальном смысле научными теориями считаться не могут. Те философские основания, на которые опираются носители данных теорий, как правило, не отражаются в самих теориях, а выявляются лишь в дискурсе, выходящем за рамки правоприменительной деятельности.

3. Ограничиваясь поставленными исследовательскими задачами и проанализированным материалом, имеет смысл рассматривать три теории толкования: текстуальную теорию, теорию поиска намерения и динамичную теорию. *Текстуальная теория* предполагает прочтение правового текста исходя из лингвистических и грамматических средств оценки смысла толкуемых слов. *Теория поиска намерения* предполагает такое прочтение правового текста, при котором главной задачей становится уяснение подлинной мотивации или воли законодателя, имевшей место при создании текста закона. *Динамичная теория* характеризуется опорой на поиск и систематизацию исторических особенностей формирования того или иного правила поведения. В контекстуальном отношении данная теория отличается наивысшей степенью открытости и вариативности. Она претендует на синтез двух описанных выше парадигм, выступая за последовательно идущие семантический анализ текста закона, выявление намерения законодателя и реконструкцию социокультурных факторов, сопровождавших формирование конкретного правового текста.

4. Возникновение теорий толкования в правовой семье общего права шло эволюционным путем, основной движущей силой этого процесса было выявление на практике несовершенств того или иного подхода. Исторически первыми были замечены и отрефлексированы внутренне присущие текстуальной теории ограничения, обусловленные несовершенством юридической техники, затем выявилась неполнота ориентации интерпретатора исключительно на волю

законодателя, поскольку неопределенность источников выявления намерения законодателя, наравне с нечеткими и понятийно размытыми индивидуально-психологическими характеристиками понятия «намерение» не решали поставленной задачи четкого и недвусмысленного толкования нормы права. На сегодняшний день в доктрине Англии и США обсуждаются и внутренние ограничения динамичной теории толкования, причем в Англии юристы выступают за дополнительное применение «золотого правила» с целью отхода от избыточного историзма в толковании закона. Суть этого правила состоит в том, что современное значение правового текста, существующее синхронно с субъектом юридического познания, если оно наименее абсурдно по смыслу, должно превалировать над более абсурдным, хотя и исторически легитимным значением.

5. Ни одна из указанных теорий толкования не обладает безусловным преимуществом, исключающим использование конкурирующих теорий в судебной деятельности. Все они находятся в постоянном взаимном влиянии, взаимодействии и борьбе. Выбор конкретной теории предопределяется не ее внутренними познавательными или конструктивистскими ресурсами, а формируется под влиянием позиции конкретного судьи. Однако обоснование сделанного выбора, если оно оказывается в достаточной степени концептуально выверенным, может образовать дополнительный аргумент в поддержку той или иной теории, стать ее неотъемлемой частью или выступить символом противостояния разных юридических школ, как это имело место между американскими «реалистами» и «процессуалистами».

6. Использование той или иной теории толкования при вынесении судебного решения всегда ограничено определенными ценностными установками, нарушение или игнорирование которых по умолчанию считается недопустимым. Такие установки в явном виде могут быть обнаружены в доктрине, а также в правоприменительных актах (что резко отличает англосаксонскую правовую семью от романо-германской, где ссылка правоприменителя на ценности выступает скорее исключением, нежели правилом). Анализ теорий толкования в

англосаксонской правовой семье позволил выявить следующие установки: системность и последовательность применения наиболее распространенных *канонов толкования*, общеправовая *определенность*, *справедливост*ь судебного решения. Отсылкой к одной из этих ценностей может быть оправдан любой конкретный выбор стратегии толкования статутов. Внешние и внутренние по отношению к тексту закона средства толкования дополняют выбор той или иной теории толкования, однако используются по усмотрению конкретного судьи в соответствии с его взглядами. Кроме обозначенных теорий, суды Англии и США активно используют *презумпции толкования*, *специальные правила и приемы толкования*, каждый из которых имеет свою историю и прецедентную базу.

7. Сложность и многоаспектность теорий, приемов и способов толкования права в англосаксонской правовой семье, их противостояние, отражающееся как в доктрине, так и на практике, объективно влекут за собой герметизацию юридического дискурса, недоступность правовых конструкций для сознания простых граждан, непрерывно растущую значимость профессиональных юристов. В деятельности последних претерпевают радикальную трансформацию те понятия, которые для неподготовленного человека были и остаются абсолютно очевидными по своему содержанию (добросовестность, разумность, честность / нечестность и пр.). Таким образом, само развитие теорий толкования как способов обоснования правильности партикулярного судейского выбора формирует набор правил и канонов толкования, рассчитанных на многократное применение.

8. Представленные в авторском переводе в приложениях А и В к настоящей работе каноны и правила толкования показывают объективную невозможность при осуществлении разъяснения права оставаться в изоляции от контекста, в котором формируются правовые предписания. Неустранимая контекстуальность с методологической точки зрения означает неполноту и принципиальную опровержимость любого интерпретационного результата, и как следствие – незавершенность архитектуры юридического дискурса, ограниченность

концепции истины в правоприменении, равно как и любого другого стандарта оценки результатов такой деятельности.

Теоретическая значимость данного исследования состоит в том, что оно обеспечивает единообразное доктринальное понимание юридической интерпретации в странах общего права, что в свою очередь помогает научными методами отражать и фиксировать общие политико-правовые особенности правовой семьи общего права.

Практическая значимость исследования заключается преимущественно в том, что проанализированная судебная практика на основе обозначенных теоретических доктрин дает возможность правоприменителю и законодателю правильнее и полнее понимать содержание статутов Англии и США, что облегчает решение вопросов о правильности их применения либо рецепции. Полученные результаты исследования могут быть полезны и в учебном процессе при преподавании курсов «Теория государства и права», «История государства и права зарубежных стран» и «Сравнительное правоведение».

Достоверность и обоснованность результатов проведенного исследования обеспечена объемом и содержанием собранного и изученного эмпирического материала, а также использованием надлежащей научной методологии, релевантной тематике работы и ее задачам.

Апробация результатов исследования. Основные положения и выводы диссертационного исследования нашли отражение в выступлениях на ряде всероссийских и международных научно-практических конференций:

1) участие в июне 2017 г. в I Международной научно-практической конференции «Теоретические аспекты юриспруденции и вопросы правоприменения» (г. Москва) с докладом «Вспомогательные внутренние средства толкования норм уголовного права в Великобритании»;

2) участие в июле 2017 г. во II Международной научно-практической конференции «Теоретические аспекты юриспруденции и вопросы правоприменения» (г. Москва) с докладом «Вспомогательные внешние средства толкования норм уголовного права в США»;

3) участие в июле 2017 г. в Международной научно-практической конференции «Юриспруденция: современный взгляд на изучение актуальных проблем» (г. Астрахань) с докладом «Эволюция толкования норм уголовного права в США в XIX–XX веках».

Результаты диссертационного исследования опубликованы в 11 научных публикациях, в том числе 7 статьях из перечня рецензируемых журналов, рекомендованных ВАК России.

Структура настоящей диссертационной работы состоит из введения, трех глав, включающих в себя семь параграфов, заключения, списка литературы и двух приложений.

Объем работы с учетом приложений составляет 270 страниц.

Глава 1. Исторические аспекты толкования норм права в Англии и США

§ 1.1. История раннего периода толкования норм права в Англии и США

Исторически отправным пунктом и основной парадигмой формирования системы толкования норм права в Англии и США явилось отделение законотворческого процесса от судебного. Пока такая постепенная перемена не произошла в период с XIII по XVII в., строго говоря, «толковать» было нечего. Изначально, в XIII в., английский Парламент был постоянно меняющейся в составе группой достаточно влиятельных людей, созванных и уполномоченных Короной. В задачу средневекового парламентария входила дача согласия на уплату налогов (в те времена процедура законотворчества в области налогообложения представляла собой не столько утверждение системы взимания налогов, сколько простое согласие на ассигнование денежных средств для решения конкретного вопроса), рассмотрение вопросов государственного значения (обычно связанных с иностранными элементами) и рассмотрение различных ходатайств и жалоб (что в англо-американской традиции права именуется «законотворчеством, касающимся отдельных лиц»). В те времена критерии отнесения акта к закону были еще не сформированы. В такой обстановке английские судьи прилагали все усилия для разрешения дел на основе имеющихся законодательных материалов, включая все изданные Парламентом акты и иные документы. Таким образом, «разделяемое чувство институциональной общности между Парламентом и судами, основанное на единой системе профессиональной и политической подготовки судей и

законодателей, в перспективе выразилось в размывании правовых границ между данными институтами»[6].

Тем не менее с течением времени Парламент все больше обособлял себя в качестве института, имеющего именно законотворческие функции. В середине XVII в. Парламент получил право оценки квалификации своих членов, снятия их с должности и юридический иммунитет парламентариев от ареста[7]. Данные права и полномочия подкреплялись изданием актов общего законодательства, публикацией документов по итогам сессионной работы, написанием преамбул к законам, процедурами инициирования законотворчества, ведением журналов заседаний (Палата лордов начала вести журналы с 1509 г., а Палата общин – с 1547 г.) и, наконец, возможностью созыва заседаний без согласования с Короной.

Возросшее влияние английского Парламента в конце XVII в. привело к провозглашению парламентской независимости: в ответ на провозглашение независимости Короны в эпоху Стюартов в начале XVII в. Парламент стал все больше расширять свои права, инициировав в 1642 г. гражданскую войну, в результате которой король Чарльз I в 1649 г. был свергнут и обезглавлен, что привело к периоду республиканского правления с 1649 по 1660 г. Период междуцарствия был также ознаменован началом серьезного законотворческого процесса – кодификации правовых актов, включая нормы общего права[8]. Впоследствии монархия в Англии была восстановлена, но продолжившийся конфликт с Короной привел к «Славной революции» 1688 г., которая окончательно установила принцип парламентской независимости. Эти изменения парламентской организации существенно повлияли на соотношение и взаимную

---

[6] См.: *Popkin W. D.* Statutes in court : the history and theory of statutory interpretation. Durham ; London : Duke University Press, 1999. P. 9; *Викторова Э. Ю.* История раннего периода толкования норм уголовного права в Англии // Библиотека уголовного права и криминологии, «Юрлитинформ». 2017. № 1(19). С. 184-189.

[7] См.: *Михайлов А. М.* Судебная власть в правовой системе Англии. М. : Юрлитинформ, 2009. С. 84–96; *Викторова Э. Ю.* История раннего периода толкования норм уголовного права в Англии // Библиотека уголовного права и криминологии, «Юрлитинформ». 2017. № 1(19). С. 184-189.

[8] См.: *Shapiro B.* Codification of the laws in seventeenth century England // Wisconsin Law Review. 1974. P. 428.

зависимость судебного и законодательного процессов, включая вопросы толкования норм права. Однако полного разграничения этих процессов в современном понимании института разделения властей к концу XVII в. еще не произошло. В течение всего этого периода серьезным политическим оппонентом Парламента была Корона, а не суды. В условиях разногласий между Парламентом и Короной законодательный орган и суды обращались к общему праву, которое также наделяло Парламент большинством имевшихся у него прав и привилегий. Таким образом, несмотря на прямые полномочия Парламента принимать новые законы, фактически деятельность законодательного органа сводилась к установлению содержания тех или иных норм общего права. Более того, чувство общности двух юридических институтов подкреплялось тесными политическими и элитарными связями: парламентарий в то время вполне мог быть одновременно и судьей, а значит, при толковании положений закона суды вполне обоснованно могли ссылаться на то, что судьи понимают значение толкуемой нормы лучше, чем кто-либо, поскольку они принимали непосредственное участие в ее создании[9]. В свою очередь Палата лордов передала свои полномочия по принятию юридических решений специальной группе «судебных лордов», которые рассматривали дела в порядке апелляции в Палате как в суде последней инстанции, только после 1800 г.[10] Получается, что судьи и парламентарии видели себя частью единого процесса принятия и толкования законов, что фактически выражалось в должностном, политическом и юридическом переплетении функций данных институтов.

---

[9] См.: Ash v. Abdy (1678) // The English Report. Vol. 35. P. 1014; член Палаты лордов – сэр Ноттингэм – в статусе судьи Апелляционного суда канцлера утверждал, что он понимает значение толкуемого закона лучше (речь шла о статуте о мошенничестве), поскольку он инициировал принятие данного закона в Парламенте.

[10] См.: *Dawson J.* The oracles of the law. Ann Arbor : University of Michigan Law School. 1968. P. 89–90; *Викторова Э. Ю.* История раннего периода толкования норм уголовного права в Англии // Библиотека уголовного права и криминологии, «Юрлитинформ». 2017. № 1(19). С. 184-189.

Толкование по праву справедливости

Несмотря на тесную связь судов и Парламента, существование теории толкования норм по праву справедливости требовало, чтобы толкование все же было подчинено судебному процессу. Суды начали воспринимать законы как единую форму «буквы» и «духа», в которой апеллирование к духу означало поиск «справедливости». Такая «справедливость» имела два значения: 1) соответствие цели статута; 2) соответствие существенным обстоятельствам, способствовавшим принятию закона, которые чаще всего имели свои корни в общем праве. Суды могли выйти за рамки буквы закона, расширив или ограничив ее значение, основываясь на поиске справедливости. Стоит отметить, что суды чаще ограничивали, чем расширяли значение статута, стремясь «ревностно оградить нормы общего права при возникающей угрозе их изменения нормами законодательства»[11], однако прямых доказательств такой тенденции в рамках развития права справедливости конца XVI в. в источниках права (в частности, в комментариях Эдмунда Плаудена[12]) не наблюдается. Плауден прилагал свои комментарии к отчетам о вынесенных судебных решениях, в которых отчетливо высказана его позиция по вопросу толкования норм закона (в частности, по делу *Easton v. Studd* от 1574 г.). Суть его позиции сведена к понятию «дух (душа) закона», который скрыт за его текстом: «Наше право (как и любое другое) состоит из двух частей, тела и духа, буква закона – это тело, а смысл и причина принятия закона – это его душа…»[13]. Плауден утверждал, что знание буквы не всегда подразумевает под собой знание духа закона, поскольку дух закона может быть как более ограниченным по отношению к тексту закона, так и наоборот, выходящим за его рамки. Право справедливости призвано расширять или ограничивать букву закона в рамках своей компетенции. Более того, дух закона –

---

[11] См.: *Popkin W. D.* Statutes in court : the history and theory of statutory interpretation. Durham ; London : Duke University Press, 1999. P. 11.

[12] Эдмунд Плауден (1518–1585) – выдающийся английский юрист, ученый и теоретик эпохи Тюдоров; *Викторова Э. Ю.* История раннего периода толкования норм уголовного права в Англии // Библиотека уголовного права и криминологии, «Юрлитинформ». 2017. № 1(19). С. 184-189.

[13] См.: Plowden’s commentaries on Easton v. Studd, 1574, King’s Bench // The English Reports. Vol. 75. P. 688, 695–696, 698–99.

это именно то, что судьи *должны* искать при толковании закона. Плауден сравнивает закон с орехом, у которого есть как скорлупа (буква закона), так и ядро (дух закона). И «польза от закона проявляется и заключается именно в ядре, а не в скорлупе (оболочке закона)». К тому же «если в законе есть какие-либо неточности или недочеты, он должен быть подкорректирован правом справедливости, которое не является частью закона, но имеет морально-этическое воздействие на него». Плауден описывает судью как лицо, уполномоченное для ведения диалога с предполагаемым законотворцем, о чем позже (в XX в.) будет писать судья Лернед Хэнд[14] в своих работах о статутном толковании. Такой диалог предполагался, когда значение толкуемого положения закона ограничивалось или расширялось по отношению к его тексту, вследствие чего применялось право справедливости, и судья должен был смоделировать ответы и пояснения законотворца на все вопросы судьи, как если бы законодатель присутствовал при решении дела.

Таким образом, работы Плаудена несут в себе несколько важнейших выводов для истории и теории статутного толкования в целом:

1) Плауден поощряет использование судьями так называемого «судейского усмотрения» при принятии решений;

2) понятие закона в его филологическом осмыслении не приравнено строго к его тексту, а представляет собой нечто большее;

3) право справедливости может и должно применяться при толковании норм закона; это морально-этический регулятор права, который его корректирует;

4) судьи должны обладать естественным осознанием своей правовой компетенции, которая должна проявляться в способности судьи взять на себя ответственность за выражение истинного смысла принятого закона, который лишь выражен словами, отражающими волю законодателя.

---

[14] Биллингс Лернед Хэнд (1872–1961) – американский судья и философ (статус судей и функционирование судебной системы). С 1909 по 1924 г. был судьей окружного суда Соединенных Штатов по Южному округу Нью-Йорка и затем с 1924 по 1961 г. – судьей Апелляционного суда США по Второму округу.

Поскольку слова, по выражению Плаудена, представляют собой лишь «сотрясание воздуха» (*verberation of the air*)[15], то именно в познании такой воли и заключается задача судьи как самого близкого к законодателю звена в правовой цепочке толкования. Необходимо отметить – Плауден был не единственным сторонником «разумного судейства», еще одним сторонником такого подхода был лорд-канцлер сэр Кристофер Хэттон[16], утверждавший, что «разумность праву придает возможность его толкования, к которому призваны судьи; власть их весьма обширна, и мы все должны трактовать данное ими толкование как пророчества оракулов»[17].

Естественно, для современного взгляда на процесс толкования норм права, который основывается на теории разделения властей, присвоение судейству ярлыка «всезнающего оракула» выглядит по меньшей мере высокопарно, однако и такое восприятие может быть уже устаревшим. Несмотря на то, что судьи XVI в. были чрезмерно уверенными в своей правоте, они выносили решения в совершенно иной правовой обстановке: ни законы, ни законодатели не представляли собой те институты права, к которым мы привыкли сегодня. Законы имели скорее выборочный, нежели всеобъемлющий характер, а судьи несли ответственность за создание правовых норм наравне с законодателями, что было устранено впоследствии введением в правовую систему общества института разделения властей. Такой подход был необходимым и оправданным, поскольку законы носили одновременно выборочный и очень общий характер в отношении конкретных определений. Например, уголовный закон определял «преступление» весьма общим образом, тогда как суды исключили несовершеннолетних и душевнобольных из списка лиц, подлежащих ответственности за совершенное

---

[15] См.: Patridge v. Strange & Croker (1553) // The English Report. Vol. 75. P. 123, 130; *Викторова Э. Ю.* История раннего периода толкования норм уголовного права в Англии // Библиотека уголовного права и криминологии, «Юрлитинформ». 2017. № 1(19). С. 184-189.

[16] Сэр Кристофер Хэттон (1540–1591) – английский политик, с 1588 по 1591 г. лорд-канцлер Англии; *Викторова Э. Ю.* История раннего периода толкования норм уголовного права в Англии // Библиотека уголовного права и криминологии, «Юрлитинформ». 2017. № 1(19). С. 184-189.

[17] См.: *Hatton C.* A Treatise concerning statutes or acts of Parliament and the exposition thereof. London : Tonson, 1677. P. 30.

ими преступление; также закон определял «соучастника» преступления как любое лицо, которое предоставляло пищу преступнику, однако суды исключили из данного понятия жен, которые предоставляли пищу своему мужу-преступнику. Эти примеры, в которых было устранено излишне широкое толкование формулировки закона, уже стали традиционными для общего права в отношении установления уголовной ответственности и нормативного регулирования супружеских отношений. Однако некоторые правила, привычные для уголовного права сегодня, не были отмечены Плауденом, как, например, правило снисходительности (*rule of lenity*), о котором более подробно будет сказано ниже. В своих комментариях к делу *Easton v. Studd* Плауден отрицает необходимость принятия какого-либо особого правила для уголовного права, утверждая, что «право справедливости не должно проводить различие между уголовным правом и иными отраслями, поскольку поиск истинного намерения законодателя (что является единственной задачей права справедливости…) должен соответствовать единым принципам как в уголовном праве, так и в любой другой области права»[18]. Действительная же судебная практика по уголовным делам того времени неизвестна, поскольку одни теоретики права (Сэмюэль Торн) утверждали следующее: уголовное право не могло быть расширено правом справедливости, но могло быть ограничено – к примеру, понятие «парк» не могло включать в себя лес[19]. Однако Хэттон настаивал – некоторые уголовные статуты все же могут быть расширены правом справедливости, когда это приводит к устранению большего ущерба; тем не менее такое расширение не может иметь места, если закон налагает за совершение преступления «тяжкое наказание», за исключением случаев, когда сами формулировки закона несут в себе применение справедливого

[18] См.: Plowden’s commentaries on Easton v. Studd, 1574, King’s Bench // The English Reports. Vol. 75. P. 688, 695–696, 698–699.

[19] См.: *Thorne S.* The equity of a statute and Heydon’s case // Illinois Law Review. 1936. Vol. 31. P. 202, 213; *Викторова Э. Ю.* История раннего периода толкования норм уголовного права в Англии // Библиотека уголовного права и криминологии, «Юрлитинформ». 2017. № 1(19). С. 184-189.

подхода (как, например, когда убийство «хозяина» будет иметь те же последствия, что и убийство «хозяйки»)[20].

Другие примеры из комментариев Плаудена отражают попытки судей прийти на помощь законодателю в достижении целей эффективного законотворчества – путем расширения или ограничения смысла текста закона: (i) закон, направленный на пресечение вымогательства от заключенных в тюрьме со стороны смотрителей, не распространялся на традиционное для того времени вознаграждение смотрителя за выполнение определенных услуг; (ii) требование закона к шерифу об удержании и неприкосновенности товаров потерпевших кораблекрушение, с целью оставления для собственника возможности истребовать владение позже, не распространялось на скоропортящиеся товары; (iii) понятие «душеприказчик» включало в себя администраторов наследства; (iv) фраза в законе «пожизненно или на протяжении нескольких лет» также распространялась на сделку сроком на один год. Хэттон также приводит пример ограничительного толкования уголовного закона судами: если в тюрьме был пожар, то закон, налагающий ответственность за побег из тюрьмы, не применялся[21]. Тем не менее разумное и ограничительное расширение роли судов в толковании норм закона не всегда осуществлялось на практике. Ярким примером чрезмерно дискреционного судебного толкования является применение единых норм права как к юридическому факту смерти супруга, так и к разводу супругов[22]. Таким образом, на протяжении XVI и XVII столетий в Англии происходил постоянный поиск баланса между представлениями законодателя, выраженными в текстуальной форме конкретной правовой нормы, и разумным

---

[20] См.: *Hatton C.* A Treatise concerning statutes or acts of Parliament and the exposition thereof. London : Tonson, 1677. P. 66, 73.

[21] См.: *Hatton C.* A Treatise concerning statutes or acts of Parliament and the exposition thereof. London : Tonson, 1677. P. 32–34, 42, 51–53.

[22] См.: *Thorne S.* The equity of a statute and Heydon's case // Illinois Law Review. 1936. Vol. 31. P. 210; *Викторова Э. Ю.* История раннего периода толкования норм уголовного права в Англии // Библиотека уголовного права и криминологии, «Юрлитинформ». 2017. № 1(19). С. 184-189.

толкованием данной нормы судами[23]. Дело в том, что некоторые законы, такие как закон «О правах пользования землей» 1535 г., который устанавливал запрет на передачу земельных участков, лишающую короля феодального права на получение доходов с такого земельного участка (аналог норм законодательства об избежании налогообложения), просуществовали в Англии в неизменном виде более 100 лет. Потому сложно обвинить средневековых судей в попытке весьма свободного толкования таких норм. Последней иллюстрацией такого толкования является дело 1610 г. о запрете нелицензированной врачебной практики (*Thomas Bonham v. College of Physicians*[24]), в котором лорд Кук указал следующее: «в большинстве случаев общее право будет контролировать акты Парламента, иногда даже приводя их действие к нулю, в частности, когда акт Парламента противоречит сущности общего права, является противоречивым сам по себе или не может быть исполнен»[25]. В дальнейшем это утверждение будет использоваться судами для оправдания принятия решений, полностью противоречащих нормам действующего законодательства, с целью «защиты основных фундаментальных прав и свобод»; иными словами, судьи будут чрезмерно свободно толковать закон. Однако Сэмюэль Торн настаивает на том, что такая позиция лишь отражала

---

[23] Этот период развития теории толкования права В. В. Лазарев относит к классическому периоду развития юридической науки, в рамках которого толкование рассматривается как способ познания права. См.: *Лазарев В. В.* Толкование права: классика, модерн, постмодерн // Журнал российского права. 2016. № 8. С. 17.

[24] Г-н Бонам получил степень доктора физической медицины Кембриджского университета и в 1606 г. начал осуществлять медицинскую практику в Лондоне без лицензии Лондонского медицинского колледжа, который на тот момент обладал юрисдикцией и контролем над любым осуществлением медицинской деятельности в Лондоне. Экзамен колледжа г-н Бонам не выдержал, однако не прекратил практику, считая, что полученный им диплом Кембриджского университета является вполне достаточным основанием для законности осуществляемой им медицинской деятельности, за что был несколько раз оштрафован и даже заключен под стражу. Г-н Бонам подал встречный иск о незаконном аресте. Верховный судья Кук принял исторически знаменательное решение по этому делу, опираясь на нормы общего права о том, что никто не может быть судьей в своем же деле (колледж получил половину от штрафов, уплаченных доктором, наделяя себя одновременно правоохранительной и правоприменительной функциями), что впоследствии привело к установлению целой доктрины верховенства норм общего права над актами Парламента.

[25] Цит. по: *Thorne S.* Dr. Bonham's case // Law Quarterly Review. 1938. Vol. 54. P. 543, 544; *Викторова Э. Ю.* История раннего периода толкования норм уголовного права в Англии // Библиотека уголовного права и криминологии, «Юрлитинформ». 2017. № 1(19). С. 184-189.

стремление судей выяснить истинный смысл закона, а не вступать в конфликт с Парламентом.

Таким образом средневековые суды не только рассматривали и использовали общее право как первостепенный и первоочередной источник права, но и воспринимали законы ***исключительно в их взаимосвязи*** с общим правом, причем они обладали чрезвычайно широкими полномочиями в выборе средств и способов толкования закона, что позволяло обходить острые углы несправедливого или противоречивого законодательства, служа цели главенства общего права как квинтэссенции справедливости.

Однако XVIII в. был ознаменован новым этапом роста и реализации парламентской самостоятельности, оформлением парламентского суверенитета в 1688 г. и увеличением объема принимаемого законодательства, что неизбежно отразилось на роли судов в процессе толкования законов. Вектор понятия справедливого толкования был смещен в сторону текста закона, постепенно устанавливая для судей все более строгие рамки толкования. В 1742 г. встречается следующее мнение о взаимоотношениях Парламента и судов по вопросам толкования: «Если текст закона вызывает сомнения или неточен, надлежащим поведением будет являться попытка выяснения истинного намерения законодателя; однако судьям весьма опасно чрезмерно углубляться в поиски такого намерения, если законодатель выразил свою позицию четким и ясным языком»[26]. А в 1785 г. судьям запрещается неограниченно свободное толкование по праву справедливости, а именно самостоятельное расширение какого-либо списка закона (*casus omissus*)[27], чтобы включить в него недостающие юридические факты.

Ведущим правоведом XVIII в. в Англии принято считать сэра Уильяма Блэкстона. В своем наиболее известном труде *«Комментарии к законам Англии»* Блэкстон указывает, что «наиболее разумным и рациональным методом

[26] См.: Colehan v. Cooke (1742) // The English Report. Vol. 125. P. 123.

[27] См.: *Baade H.* The casus omissus : a pre-history of statutory analogy // Syracuse Journal of International Law & Commerce. 1994. Vol. 20. P. 89.

толкования можно считать путь выяснения *воли*[28] законодателя *на момент*[29] принятия закона, полагаясь на наиболее подходящие признаки такой воли, а именно: текст закона, контекст принятия закона, предмет закона, юридическое действие и последствия закона для общества, или дух и смысл закона»[30], которые должны применяться к толкованию норм права только в таком порядке. Блэкстон предлагает следующий алгоритм действий при толковании закона:

а) слова текста закона, по мнению Блэкстона, должны использоваться и толковаться в их обычном и наиболее узнаваемом употреблении, с ориентацией не столько на грамматику и конкретную формулировку, сколько на всеобщее понимание смысла использованных слов;

б) выходить за рамки текста закона при толковании разрешено лишь в том случае, когда формулировка закона вызывает сомнения; следующим шагом будет обращение к контексту принятого закона, а именно к его преамбуле;

в) далее следует анализ предмета закона, что для современного института толкования представляет собой, скорее, более глубокий анализ текста закона, с индуктивным выведением логической цепочки общей цели и назначения закона на основе его формулировок;

г) после исчерпания «текстуальных» средств толкования Блэкстон предлагает обратиться к юридическому действию и последствиям закона для общества, указывая, что слова при прямом их прочтении в ходе толкования закона могут приводить к абсурдным выводам, дающим право «слегка отклониться» от строгих и прямых формулировок. В качестве примера Блэкстон приводит право г. Болоньи (Италия), гласящее, что «любой, кто прольет кровь на улицах города, должен быть сурово наказан»; после длительного обсуждения данная формулировка закона была признана не распространяющейся на врача, которому пришлось сделать кровопускание лицу, испытывавшему на улице судороги;

---

[28] Выделено автором.

[29] Выделено автором.

[30] См.: *Blackstone W.* Commentaries on the laws of England. Vol. I. Oxford : Clarendon Press, 1765. P. 59–62.

д) в заключение Блэкстон упоминает толкование по праву справедливости, указывая, что «наиболее универсальным и эффективным способом выяснения истинного смысла закона при неясности его формулировок является обращение к духу закона или, иными словами, к причине, по которой законодатель решил принять закон»[31]. Лучшим помощником в этом процессе, по мнению Блэкстона, является право справедливости, которое дедуктивно помогает распространять общие положения закона на конкретные случаи, корректируя видимые неточности общей формулировки закона и заполняя законодательные пробелы норм права.

Несмотря на столь обширный инструментарий процедуры толкования, Блэкстон устанавливает главный его принцип – ***верховенство закона по отношению к праву справедливости***. В противном случае, считает Блэкстон, «судьи получат неограниченные возможности по толкованию норм закона, которые без права справедливости в своей сложности и противоречивости, тем не менее, более полезны для общества, чем право справедливости без норм закона, когда каждый судья считает себя законодателем, результатом чего является непоследовательность принятия судебных решений и правовой беспорядок в целом»[32]. Таким образом Блэкстон подчеркивает, что закон в силу своего верховенства может быть скорректирован правом справедливости только в тех случаях, когда это необходимо для предотвращения неразумности или абсурдности принимаемого на основе такого закона судебного решения. Поскольку Парламент не в силах предвидеть все возможные варианты правоприменения, судьи должны обладать всеми необходимыми полномочиями и возможностями для справедливого толкования законов. В качестве примера Блэкстон приводит норму закона, уполномочивающую судью на «рассмотрение

[31] См.: *Blackstone W.* Commentaries on the laws of England. Vol. I. Oxford : Clarendon Press, 1765.

[32] См.: Ibid.

всех типов дел»[33], которая должна толковаться как исключающая дела, в которых судья сам является стороной.

Современная оценка взглядов Блэкстона позволяет адекватно воспринять понятие верховенства закона, существовавшее в XVIII в. Законы принимались часто, но были весьма противоречивыми, поверхностными и непоследовательными с точки зрения юридической техники, даже содержали ошибки[34], что часто использовалось как аргумент против позиции Блэкстона о верховенствующей роли Парламента в толковании. По мнению правоведов XVIII в., само понятие верховенства закона могло быть реализовано на практике несколькими путями:

1) исходя из юридического факта принятия закона Парламентом как акта доброй воли от лица всего общества (общее право в такой ситуации сложно приравнять к закону, поскольку его содержание не всегда является четко очерченным и формируется судебной системой[35]);

2) через разрешение судьям развивать общее право, призванное служить лишь средством реализации статутного права (однако необходимо отметить – лишь *некоторые* судьи XVIII в. в действительности имели такое право, что часто приводится как критический аргумент действовавшего в XVIII в. права справедливости[36]);

3) через признание исключительной суверенности законодательства с сохранением ведущей и также исключительной роли судов в толковании закона, заполнении его пробелов и разрешении неточностей, вытекающих из его

---

[33] См.: *Blackstone W.* Commentaries on the laws of England. Vol. I. Oxford : Clarendon Press, 1765. P. 91.

[34] См.: *Lieberman D.* The province of legislation determined. Cambridge : Cambridge University Press, 1989. P. 18.

[35] См.: Ibid. P. 222–236; *McIlwain C.* The High Court of Parliament and its supremacy. Connecticut : Archon Books, 1962. P. 95. Такую же точку зрения высказывали и американские авторы, см.: *Zainaldin J.* Law in antebellum society : legal change and economic expansion. New York : Alfred a Knopf Inc., 1983. P. 84.

[36] См. подробнее: *Baade H.* The casus omissus : a pre-history of statutory analogy // Syracuse Journal of International Law & Commerce. 1994. Vol. 20. P. 77; *McIlwain C. H.* The High Court of Parliament and its supremacy : an historical essay on the boundaries between legislation and adjudication in England. Connecticut : Archon Books, 1962. P. 293.

практической реализации. Однако судьи при толковании общего права часто выходили за рамки очерченного для них поведения, «изменяя или игнорируя общий смысл закона, что могло быть исправлено только изданным напрямую указом Парламента или Короны»[37].

Другой позиции в отношении взаимовлияния общего права и законодательства XVII в. придерживался влиятельный судья и юрист Мэттью Хейл, который указывал, что «право есть не что иное, как взаимодействие актов Парламента и норм общего права, причем законы не могут иметь какого-либо юридического действия до тех пор, пока они не получают всестороннего общественного признания, или, иными словами, пока они не становятся частью общего права»[38]. Однако такая установка фактически исключает принцип верховенства закона, поскольку «если принятый закон не находит своего места и отражения в общем праве, законодательство превращается в оторванный от реальности свод правил, применяемый только в строго очерченных текстом закона рамках и не имеющий общего действия на правовую систему в целом»[39]. Получается, что понятие «верховенство закона» в XVII–XVIII вв. подразумевало главенствующую роль закона в отношении Короны, формально закрепленную после «Славной революции» 1688 г., а не пассивность судебной системы.

Суды были и имели право быть активными в процессе толкования; этому способствовало и то, что юристы-судьи и юристы-законодатели Англии XVIII в. имели общие институциональные представления о праве как выпускники «судебных иннов», своеобразных «политических клубов»[40], позволяющих судьям заявлять о наличии знаний в отношении законодательного намерения при толковании, ведь многие из них были членами Парламента в то или иное время в ходе своей юридической карьеры. Судьям не запрещалось быть членами Палаты

---

[37] См.: *Haines C.* The american doctrine of judicial supremacy. California : Russell&Russell, 1959. P. 36.

[38] См.: *Postema G.* Bentham and the common law tradition. Oxford : Clarendon Press, 1986. P. 25–26.

[39] См.: Ibid.

[40] См.: *Jones W.J.* Politics and the Bench : the judges and the origins of the English Civil War. London : Allen and Unwin, 1971. P. 47.

представителей до 1873 г.[41], в период с 1727 по 1760 г. 57% судей были членами Парламента, с 1760 по 1790 г. их количество сократилось до 50%, Блэкстон был законодателем с 1761 по 1770 г. и судьей с 1771 по 1780 г.[42] Все это явно свидетельствует о том, что, несмотря на раннюю риторику интерпретационного текстуализма, возникшую с зарождением института парламентского суверенитета, английские судьи XVIII в. настойчиво продолжали через судебные прецеденты «вписывать» законы в широкую правовую систему общества, подстраивая и корректируя его формулировки под нужды конкретного случая.

В **США** история толкования норм права развивалась иным образом, в первую очередь вследствие следующих факторов: 1) само понятие суверенности законотворческого процесса оформилось в США гораздо раньше, чем в Англии Нового времени; парламентская суверенность была не абстрактной теорией, а квинтэссенцией выражения воли народа, самостоятельной и независимой от судов ветвью власти; 2) законодательная власть установила представительские отношения с населением, наладила связь между народом и властью, которая от его лица принимала конституции штатов (за исключением штата Массачусетс, где конституция была ратифицирована самим населением штата в 1778 и 1780 гг.).

Другим важным фактором установления прерогативы законодательной власти было всеобщее недоверие к судейскому корпусу. Одним из ключевых положений, которые легли в основу Декларации независимости, являлась «полная зависимость судей от воли короля на весь срок их полномочий, подкрепляемая выдаваемым им жалованием»[43]. Хотя ситуация в Англии и осложнялась тем, что судьи могли быть лишены полномочий по инициативе Парламента только с согласия короля, такое согласие предполагалось уже с середины XVIII в. в любом

---

[41] См. подробнее: *Duman D.* The judicial bench in England: 1727–1875: the reshaping of a professional elite. London : Royal Historical Society, 1982. P. 21; Supreme Court of Judicature Act, 1891, chapter 66, section 9.

[42] См.: *Lockmiller D. Sir William Blackstone.* Chapel Hill : University of North Carolina, 1938. P. 47–48.

[43] См.: *Black B.* Massachusetts and the judges : judicial independence in perspective // Law & History Review. 1985. Vol. 3. P. 101, 105–108.

случае, и перечень оснований для такого прекращения полномочий был весьма широким[44]. Однако в США судьи по праву справедливости обладали широкими полномочиями без какого-либо участия присяжных заседателей, тогда как общее право, «импортированное» из Англии, весьма скудно удовлетворяло потребности новой республики, свободной, по ее мнению, от недостатков феодального и аристократического обществ[45]. Член Верховного суда США из штата Нью-Гэмпшир Джон Дадли (находился на посту в период с 1785 по 1797 г.), обращаясь к суду присяжных, как-то указал: «Осуществляйте правосудие именно для сторон спора; не опираясь на игру слов закона по Куку или Блэкстону, книгам, которые я никогда не читал и уже не прочитаю, а только в соответствии со здравым смыслом… как мужчина с мужчиной»[46].

Однако принятые конституции в ставших независимыми штатах смогли ограничить всевластие судейского корпуса несколькими путями. *Во-первых*, большинство конституций штатов устанавливали полный контроль назначения судей на должность, а также процедуры смещения с должности и выплаты жалования[47]. *Во-вторых*, суды стали весьма ограничены в рассмотрении дел по праву справедливости, тогда как присяжные заседатели получили полномочия по разрешению вопросов не только факта, но и права[48]. *В-третьих,* новые конституции хотя и закрепили рецепцию общего права[49], но с условием возведения в дальнейшем всех его «тонкостей» в рамки закона (многие конституции предусматривали прямое верховенство закона над общим правом).

---

[44] См.: *Smith J.* An independent judiciary : the colonial background // University of Pennsylvania Law Review. 1976. Vol. 124. P. 1104, 1109–1110.

[45] См.: *Popkin W. D.* Statutes in court : the history and theory of statutory interpretation. Durham ; London : Duke University Press, 1999. P. 31.

[46] См., например: *Zainaldin J.* Law in antebellum society : legal change and economic expansion. New York : Alfred a Knopf Inc., 1983. P. 83; *Bloomfield M.* American lawyers in a changing society, 1776–1876. Cambridge : Harvard University Press, 1976. P. 57.

[47] См.: *Wood G.* The creation of the american republic, 1776–1787. Chapel Hill : The University of North Carolina Press, 1969. P. 160–161.

[48] См.: *Stimson S.* The american revolution in the law. Princeton : Princeton University Press, 1990. P. 49.

[49] См.: Seminole Tribe of Florida v. Florida (1996) (с особым мнением судьи Дж. Саутера) // The United States Reports. Vol. 517. P. 44, 161.

Даже кодификация общего права рассматривалась как один из возможных способов систематизации законодательства[50].

Таким образом, законодательные органы не только предприняли серьезные шаги по установлению контроля над судебной системой, но и принимали законы, которые сегодня можно было бы охарактеризовать как «законы-судебные решения». К числу таких законов в основном относились решения конкретных вопросов частного права, характерные для XVIII в., такие как утверждение уставных документов частной компании или выдача разрешения на развод, на освобождение от долгов. Однако в большинстве случаев такие «законы-решения» отменяли принятое судом постановление и отправляли дело на новое рассмотрение[51]. Чрезмерная судебная самостоятельность вызывала обеспокоенность, распространилось мнение, что «значение закона целиком и полностью зависит от субъекта толкования»[52]. В 1777 г. высказывалось мнение, что «нельзя представить более опасной аксиомы, чем возведение в большую степень значимости толкования духа закона, а не его буквы»[53]. Такого же мнения придерживался и сам Томас Джефферсон, называя судебную систему лишь «машиной»[54], которая обеспечивает интересы законодательства. Третьего президента США серьезно беспокоил «излюбленный мэнсфильдизм» Блэкстона, в котором он видел чрезмерную свободу судейского толкования, а также влияние *«Комментариев к законам Англии»* на молодых юристов[55]. Четко прописанная в законодательстве гарантия защиты прав граждан представлялась автору Декларации независимости США существенно более надежной, чем опора на

---

[50] См.: *Wood G.* The creation of the american republic, 1776–1787. Chapel Hill *:* The University of North Carolina Press, 1969. P. 300–301.

[51] См.: Plaut v. Spendthrift Farm, Inc. (1995) // The United States Reports. Vol. 514. P. 211, 218, 223. (в части, касающейся обсуждения законодательной реверсии судебных решений).

[52] См.: *Jordan C.* “Old worlds” in “new circumstances” : language and leadership in post-revolutionary America // American Quarterly. 1988. Vol. 40. P. 491, 495.

[53] См.: *Wood G.* The creation of the american republic, 1776–1787. Chapel Hill : The University of North Carolina Press, 1969. P. 301.

[54] См.: *Wood G.* The creation of the american republic, 1776–1787. Chapel Hill : The University of North Carolina Press, 1969. P 161.

[55] См.: *Waterman J.* Thomas Jefferson and Blackstone’s commentaries // Essays in the History of Early American Law. Chapell Hill : University of North Carolina Press, 1969. P. 459, 462.

общее право, весьма дискреционно и часто даже противоречиво интерпретируемое судами, что дало новый виток развития в том числе и институту присяжных заседателей в судах права справедливости[56].

Предреволюционный период с 1776 по 1789 г. был охарактеризован вновь возникшим недоверием к законодательной власти, что в дальнейшем отразилось на принятии федеральной Конституции. Количественный рост законов (вопреки ожиданиям законодателей) привел лишь к увеличению дискреционных полномочий судов в вопросах толкования[57], что весьма насторожило даже такого сторонника исключительного управленческого приоритета законодательной власти, как Джефферсон, который назвал «слияние законодательной, судебной и исполнительной властей деспотическим государством»[58]. Общество также всколыхнуло и введение специальных норм законодательства о средстве судебной защиты от самих же судебных решений. Это приводило к полной дискредитации судебной функции как таковой[59]. К концу 1780-х гг. законодатель выступал в глазах рядовых граждан такой же угрозой, какую десять лет назад представляли собой суды, вольно трактующие тексты законов, что иногда проявлялось в массовых протестах граждан и закрытии судов (в частности, в штате Массачусетс)[60]. В ответ на такие реакции суды некоторых штатов, опираясь на учение Кука о возможном лишении законов юридической силы, принимали

---

[56] См.: Ibid. P. 468–469.

[57] См.: *Wood G.* The creation of the american republic, 1776–1787. Chapel Hill : The University of North Carolina Press, 1969. P. 302–303; *Corwin E.* The progress of constitutional theory between the Declaration of Independence and the Meeting of the Philadelphia Convention // American History Review. 1924-1925. Vol. 30. P. 511, 534.

[58] См.: *Jefferson T.* Notes on the State of Virginia. Reprint ed. New York : Library of America, 1984. P. 123.

[59] См., например: *Corwin E.* The progress of constitutional theory between the Declaration of Independence and the Meeting of the Philadelphia Convention // American History Review. 1924-1925. Vol. 30. P. 514; *Haines C.* The american doctrine of judicial supremacy. California : Russell&Russell, 1959. P. 70–71.

[60] См., например: *Soifer A.* The Supreme Judicial Court of Massachusetts and the 1780 Constitution // The History of the Law in Massachusetts : The Supreme Judicial Court, 1692–1992 / R. Osgood (ed.). 1992. P. 214-215; *Grinnell F.* The judicial system and the bar // Commonwealth History of Massachusetts / A. Hart (ed.). 1930. P. 38.

решения, которые отменяли законодательные положения[61]. Другие же судьи опирались в своих решениях на «власть, предоставленную им народным суверенитетом через конституционные нормы и общее право»[62], которое рассматривалось как обычай, санкционированный народной волей. Таким образом можно констатировать – общее право, обусловленное английскими правовыми традициями, снова заняло главенствующую роль в толковании как «верховный» источник прав и свобод, находящихся под защитой судебной власти. Ярким примером процесса рецепции США английского общего права является его включение в декларации прав и свобод конституций штатов, а также включение первых восьми статей Билля о правах в федеральную Конституцию США. Однако целесообразно отметить – толкование в принципе не находилось в центре внимания законодателей, которых больше интересовали технико-организационные вопросы: количество палат в законодательном органе, их состав, избрание исполнительного органа и его вето, контроль судейского корпуса через процедуры назначения, смещения с должности, выплаты жалования и др. Если речь и заходила о толковании, то это касалось исключительно норм Конституции США, поэтому о толковании норм права в период с 1776 по 1789 г. можно судить лишь по косвенным источникам, касающимся особенностей взаимоотношений законодательной и судебной власти в рамках новой конституционной структуры США.

Период принятия ранних конституций характеризовался с точки зрения обозначения роли судебной системы прежде всего двумя основными положениями: 1) включением в конституции пункта о назначении судей на должности и последующем контроле за ними; 2) включением в тексты конституций положения о разделении властей. Однако прямых положений о роли

---

[61] См., например: *Haines C.* The american doctrine of judicial supremacy. California : Russell&Russell, 1959. P. 88–121; *Wood G.* The creation of the american republic, 1776–1787. Chapel Hill : The University of North Carolina Press, 1969. P. 453–463; *Goldstein L.* Popular sovereignty, the origins of judicial review, and the revival of unwritten law // The Journal of Politics. 1986. Vol. 48. P. 51, 62.

[62] См.: *Stimson S.* The american revolution in the law. Princeton : Princeton University Press, 1990. P. 133–136.

судов в развитии института толкования периода 1776–1789 гг. найти не удается[63]. Тем не менее можно выделить несколько характерных черт взаимодействия законодательной и судебной властей, что непосредственно отражалось и на институте толкования норм права. *Во-первых*, характерным для данного времени было стремление существенно *ограничить* законодательную власть, исходящее из представления о неотъемлемости свободы личности от государства, управление которым подвластно различным порокам человеческой природы[64]. В настоящее время такие взгляды правоведов XVIII в. претерпели существенные изменения: законодательно утверждается доверие к государственному строю США, подкрепленное верой в более оптимистичную и гуманную природу человека[65]. *Во-вторых*, вопрос о роли судебной власти в управленческой системе решался по-разному на уровне штатов и на уровне федерации: если штаты тяготели к большему контролю законодателя за судами, то федеральная Конституция отдавала приоритет судебной независимости. Но наибольший интерес для данного исследования представляет вопрос реализации принципа разделения властей.

В первую очередь необходимо отметить, что только шесть штатов прямо прописали принцип разделения властей в своих конституциях[66], наиболее известной из которых является конституция штата Массачусетс 1780 г., поскольку она формулировала данный принцип весьма четко: *«В настоящем государственном управлении законодательная власть никогда не должна осуществлять функции исполнительной и/или судебной властей; исполнительная власть никогда не должна осуществлять функции законодательной и/или судебной властей; наконец, судебная власть никогда не должна осуществлять*

---

[63] См.: *Popkin W. D.* Statutes in court : the history and theory of statutory interpretation. Durham ; London : Duke University Press, 1999. P. 35.

[64] См.: *Kurland P.* The rise and fall of the “doctrine” of separation of powers // Michigan Law Review. 1986. Vol. 85. P. 592, 601.

[65] См.: *Popkin W. D.* Statutes in court : the history and theory of statutory interpretation. Durham ; London : Duke University Press, 1999. P. 35.

[66] The Federalist Papers / Max Beloff (ed.). Oxford : Oxford University Press, 1987. Nr 78. P. 47, 248–251. (Статья Джеймса Мэдисона о включенном в конституции штатов принципе сдержек и противовесов, а не разделения властей).

функции законодательной и/или исполнительной властей; поскольку государство должно быть конгломератом законов, а не людей»[67]. Конституция штата Нью-Гэмпшир, несмотря на то, что во многом по своему содержанию копировала текст конституции штата Массачусетс, в данном случае, напротив, требовала «реализации принципа разделения властей лишь в той мере, в какой это было необходимо для функционирования конституции в целом»[68]. Другими штатами, которые включили прямые указания на принцип разделения властей в свои конституции, были Северная Каролина, Мэриленд, Вирджиния и Джорджия. Удивительным остается, однако, тот факт, что федеральная Конституция *не имела* в своем тексте прямого указания на принцип разделения властей. Поправки в Конституцию США о разделении полномочий трех основных государственных департаментов были внесены Джеймсом Мэдисоном[69], однако были одобрены только Палатой представителей, но не Сенатом[70]. Более того, фундаментальной проблемой оставалось и многообразие значений самого принципа разделения властей[71]. Рассмотрим три основных значения.

А. «Герметизированный отсек»

Доктрина «герметизированных отсеков» довольно образно раскрывает сущность принципа разделения властей: законодатель только принимает законы, судья только судит. И никакого взаимного сообщения данные «отсеки» не имеют. Однако при таком строгом подходе все равно остаются неразрешенные вопросы: может ли, к примеру, судья использовать при принятии решения хотя бы какие-то элементы нормотворчества? Каким было судебное решение образца XVIII в.: приводила ли дискреционная политика судей к формированию какого-либо

---

[67] Massachusetts Declaration of Rights (1780), art. 30 // The Federal and State Constitutions, Colonial Charters, and Other Organic Laws of the United States. 2nd ed. Benjamin Poore, 1878. Part 1.

[68] New Hampshire Constitution, Bill of Rights, art. I, sec. 37. Benjamin Poore, 1883. Part 2.

[69] См.: *Casper G.* An essay in separation of powers : some early versions and practices // William & Mary Law Review. 1989. Vol. 30. P. 211, 221.

[70] См.: Ibid. P. 221–222.

[71] См.: *Gwyn W.B.* The meaning of the separation of powers : an analysis of the doctrine from its origin to the adoption of the United States Constitution. New Orleans : Tulane University, 1965.

явного нормотворческого потенциала судебных решений?[72]. Ситуация осложняется также и тем, что судьи США конца XVIII в. не использовали термин «нормотворчество» для описания своей деятельности в принципе, а ограничивались лишь понятием «выяснения содержания права» (*discovering the law*), и таких традиций выяснения содержания права было две[73]. Первая традиция брала истоки в учении Кука и основывалась на требовании наличия так называемой «искусственной причины» для раскрытия содержания права теми, кто обладает соответствующими юридическими знаниями. Эта причина, согласно Куку, кроется в существовании *общего права* в раннем периоде истории Англии, сущность и смысл которого и предстоит раскрыть судьям. Однако исследования Кука по раскрытию «древнего права», содержащие творческие подходы к вопросу судейства, все же не позволяют проследить явно дискреционную деятельность судов того времени[74]. Вторая традиция связана с Мэтью Хейлом, который совсем иначе смотрел на общее право и его роль в толковании[75]. Согласно теории Хейла общее право при всей своей неразрывной связи с прошлым постоянно претерпевает существенные изменения, и судьи, принимая решения по своему усмотрению, адаптируют общее право к нуждам и условиям своего времени. Такой же точки зрения придерживался и Генри Хоум, лорд Кеймс, шотландский судья и философ, утверждая, что «право… должно созревать… в жарких дебатах законодателей и в прохладе судебного усмотрения», а также что «право обязано поспевать за историческим развитием и социальными изменениями»[76].

Помимо унаследованных американскими юристами английских теорий, сугубо американский подход к решению вопроса о судейском усмотрении

---

[72] См.: *Kent J.* Of statute law // Commentaries on American Law / J. Kent. New York : O. Halsted, 1826. Vol. 1. P. 421.

[73] См.: *Postema G.* Bentham and the common law tradition. Oxford : Clarendon Press, 1986. P. 3–38; *Викторова Э. Ю.* История раннего периода толкования норм права в США // Образование и право. 2019. –№ 2. – С. 332–338.

[74] См.: *Popkin W. D.* Statutes in court : the history and theory of statutory interpretation. Durham ; London : Duke University Press, 1999. P. 39.

[75] См.: *Hamburger P.* The Constitution’s accommodation of social change // 88 Michigan Law Review. 1989. Vol. 88. P. 239, 255.

[76] См.: *Lieberman D.* The province of legislation determined. Cambridge : Cambridge University Press, 1989. P. 165.

заключался в развитии концепции «здравого смысла», поддержанной как оппозиционером идеи федерации Томасом Джефферсоном[77], так и федералистом Джеймсом Уилсоном[78]. Общая идея концепции заключалась в том, что каждый человек имеет здравый смысл, который направляет его к принятию правильных решений, однако возможный собственный интерес и отсутствие надлежащего образования могут «затуманить» его восприятие[79]. Однако сторонники данной теории, тем не менее, не могли прийти к согласию о содержании и границах здравого смысла, который «как и вкус, у каждого человека свой»[80]. Теория «здравого смысла» нацеливалась в первую очередь на «освобождение от Бастилии слова» и «замену искусственно созданного языка законодательных текстов на имманентный язык природы правового явления»[81]. В результате были приняты новые законодательные акты, написанные более простым, понятным языком «здравого смысла», который по задумке должен был быть понятен представителям всех слоев общества. Сторонники «философии здравого смысла» в отношении вопроса судебного толкования видели возможность через нее отойти от сдержанной английской идеи дискреционного судейства к более функциональной и близкой к народу концепции принятия судом решений на основе здравого смысла[82].

---

[77] См.: *May H.* The enlightenment in America. Oxford : Oxford University Press, 1976. P. 346.

[78] См.: *Stimson S.* The american revolution in the law. Princeton : Princeton University Press, 1990. P. 92, 128.

[79] См., например: *Hamilton W.* The works of Thomas Reid. 6th ed. Edinburgh : Machlachlan & Stewart, 1863. Vol. 2. P. 751–752; *McCloskey R.* The works of James Wilson. Cambridge : Harvard University Press, 1967. Vol. 1. P. 209; *Howe D.* The political psychology of the federalist // William & Mary Quarterly. 1987. Vol. 44. P. 485, 496–497.

[80] См., например: *McCloskey R.* The works of James Wilson. Cambridge : Harvard University Press, 1967. Vol. 1. P. 377; *May H.* The enlightenment in America. Oxford : Oxford University Press, 1976. P. 296.

[81] См., например: *Gustafson T.* Representative words: politics, literature, and the american language, 1776–1865, Cambridge : Cambridge University Press, 1992. P. 200; *Jordan C.* “Old worlds” in “new circumstances”: language and leadership in post-revolutionary America // American Quarterly. 1988. Vol. 40. P. 491; *Kramer M.* Imagining language in America: from the revolution to the civil war. Princeton : Princeton University Press, 2014.

[82] См.: *Stimson S.* The american revolution in the law. Princeton : Princeton University Press, 1990. P. 131–136.

Естественно, столь размытая формулировка судебного решения, ставящая его в зависимость от здравого смысла конкретного судьи, вызывала споры. Мэдисон высказался на этот счет следующим образом: *«Составляющие человеческого разума (сознания) еще никогда не были настолько четко разделены и определены даже самыми выдающимися философами, насколько это метафизически необходимо. Понятия "чувства", "восприятия", "оценки" (judgement), "желания", "воли", "памяти", "воображения" теперь отделимы друг от друга, рассматриваются через призму тонких граней и малейших отклонений, а их границы отныне неподвластны даже самым тщательным исследованиям, оставаясь источником изобретательных дискуссий и противоречий»*[83]. Таким образом, очевидно, что никакой единой теории и общности взглядов на роль судов в системе организации власти и, соответственно, в вопросах толкования норм права в тот период не существовало.

B. Система сдержек и противовесов

Система сдержек и противовесов представляла собой концепцию, согласно которой каждая ветвь власти осуществляла контроль за деятельностью другой ветви. В вопросах организации судебной деятельности законодатель осуществлял такой контроль путем назначения и смещения судей с должности. Суды также могли осуществлять проверку конституционности законов[84]. В Нью-Йорке, к примеру, через Совет по пересмотру[85] судьи оказывали весьма серьезное влияние на политический и законотворческий процессы, поскольку могли налагать вето на принятие закона, в случае если он «не соответствовал духу конституции или публичному порядку»[86]. В вопросах толкования норм права также высказывалась

---

[83] The Federalist Papers / Max Beloff (ed.). Oxford : Oxford University Press, 1987. Nr 37. 1987. P. 178.

[84] The Federalist Papers / Max Beloff (ed.). Oxford : Oxford University Press, 1987. Nr 78. P. 398.

[85] См.: *Barry J.* The Council of Revision and the limits of judicial power // University of Chicago Law Review. 1989. Vol. 56, nr 1. P. 235; *Street A.* The Council of Revision of the State of New York. Albany : William Gould, 1859.

[86] См.: *Popkin W. D.* Statutes in court : the history and theory of statutory interpretation. Durham ; London : Duke University Press, 1999. P. 42.

точка зрения о положительном влиянии независимости судей на процесс контроля за законодателем, как на конституционном уровне, так и на уровне штатов[87]. Однако такой Совет по пересмотру на конституционном уровне так и не был одобрен, как противоречащий теории «герметизированного отсека», поскольку мог бы наделить суды прямыми законодательными полномочиями[88].

C. Запрет на занятие нескольких должностей одновременно

Принцип разделения властей в отношении судебной власти также воспринимался многими скорее как прямой запрет занимать несколько должностей одновременно, чем как разграничение государственных функций[89]. Иными словами, интерпретационная функция судебной власти приобретает субъективный характер, если судья и законодатель совмещены в одном лице[90].

Немало споров вызывал и вопрос о возможности судов пересматривать законы[91]. До принятия федеральной Конституции суды опирались на решение Кука по делу *Thomas Bonham v. College of Physicians* о незаконности норм, противоречащих общему праву. Однако и после принятия письменных конституций штатов приверженность судебной власти приоритету и верховенству «великих основополагающих принципов права и общественной морали» оставалась весьма значимой[92]. Такое «агрессивное» вмешательство в законодательную деятельность отражалось и на процессах толкования норм права. Лишь в одном судебном решении была проведена четкая граница между

---

[87] The Federalist Papers / Max Beloff (ed.). Oxford : Oxford University Press, 1987. Nr 78. P. 400–401.

[88] См.: *Farrand M.* The records of the Federal Convention of 1787. New Haven : Yale University Press, 1911. Vol. 1. P. 211.

[89] См.: *Corwin E.* The progress of constitutional theory between the Declaration of Independence and the Meeting of the Philadelphia Convention // American History Review. 1924-1925. Vol. 30. P. 516.

[90] State of Massachusetts, Colony to Commonwealth : documents on the formation of its Constitution, 1775–1780 / ed. R. J. Taylor. Chapel Hill : University of North Carolina Press, 1961. P. 79–80.

[91] См.: *Nelson W.* Changing conceptions of judicial review : the evolution of constitutional theory in the States, 1790–1860 // University of Pennsylvania Law Review. 1972. Vol. 120. P. 1166.

[92] См. подробнее: The United States Reports. Vol. 3. P. 386, 388; *Haines C.* The law of nature in State and federal decisions // Yale Law Journal. 1916. Vol. 25. P. 617, 625–631.

терминами «судебный пересмотр» (*judicial review*) и «толкование норм права» (*statutory interpretation*).

В 1784 г. в деле штата Нью-Йорк (*Rutgers v. Waddington*) суд признал верховенство и конституционность закона без возможности его судебного пересмотра, но тем не менее истолковал закон узко с целью сохранения нормы общего права. Дело касалось судебного иска против подданного Великобритании, который находился на территории штата Нью-Йорк, предварительно покинув британские войска в ходе военных столкновений США и Великобритании. Суду предстояло решить, может ли ответчик воспользоваться международным правом, которое в то время являлось частью общего права, или же закон не позволяет ему сделать это. Суд выбрал «толкование по праву справедливости» с целью сохранения нормы общего права, толкуя закон так, как будто судья находится на месте законодателя, спрашивая его о том, как бы он поступил *как разумный человек*[93]. В итоге суд постановил, что «неразумные» результаты толкования «общих слов» закона без учета сопутствующих обстоятельств дела, которые не могли быть «предусмотрены законодателем», соответственно, не могут быть приемлемы при решении дела судом[94]. Дело вызвало резонанс, поскольку суд фактически решился на изменение буквы закона в ходе его толкования[95]. Однако до апелляции дело так и не дошло: ввиду неопределенности правовых последствий решения и общественного резонанса стороны пришли к мировому соглашению[96].

Таким образом, все рассмотренные выше теории позволяют сделать вывод о том, что роль судебной власти в организации государственного устройства США XVIII в. весьма неоднозначна. Авторы ранних конституций пытались уйти от крайностей монархического и законодательного суверенитетов одновременно,

---

[93] См.: *Hamilton A.* The law practice of Alexander Hamilton / Goebel J. (jr.) ed. New York : Columbia University Press, 1969. Vol. 1. P. 396.

[94] См.: Ibid. P. 415.

[95] См.: *Stimson S.* The american revolution in the law. Princeton : Princeton University Press, 1990. P. 115–116.

[96] См.: *Hamilton A.* The law practice of Alexander Hamilton / Goebel J. (jr.) ed. New York : Columbia University Press, 1969. Vol. 1. P. 311.

создавая нечто уникальное с правовой точки зрения и не оглядываясь на то, вписывается новая система взаимоотношений законодательной и судебной властей в какие-либо уже существующие теоретические рамки или нет. Согласно унаследованной США английской традиции толкования норм права, законы могли толковаться судами как расширительно, так и весьма узко, как противоречащие нормам общего права. Задача английских судов состояла в соблюдении фундаментальных принципов избегания *абсурдности* и *несправедливости* принимаемого решения, что кажется логичным и системным, с одной стороны. Но более глубокое изучение судебной практики того времени убеждает в том, что во главе такой судебной системы находился элемент *субъективности* процесса толкования. Это не могло устроить авторов молодых американских конституций, вследствие чего единственно верным шагом на пути к формированию принципиально нового государственного устройства и системы права американские правоведы и политики конца XVIII в. считали отход от широких границ судейского усмотрения, опиравшегося на правовые традиции Англии[97]. Принятие федеральной Конституции США от 17 сентября 1787 г. во многом предопределило вектор развития взаимоотношений законодательной и судебной властей, «охладив» революционный пыл правовой элиты и установив четкую иерархию системы права и государственного устройства страны[98]. Однако право толковать законы судам США предстояло еще отстоять.

[97] См.: *Popkin W. D.* Statutes in court : the history and theory of statutory interpretation. Durham ; London : Duke University Press, 1999. P. 44.

[98] См.: Судебные системы западных государств / Урьяс Ю. П., Туманов В. А., Егоров С. А. [и др.] ; отв. ред. В. А. Туманов ; Акад. наук СССР, Ин-т государства и права. М. : Наука, 1991. 235 с. (Юридические науки).

§ 1.2. Эволюция толкования норм права в Англии и США в XIX–XX вв.

Характерной особенностью института толкования норм права в Англии XIX в. явилось признание юридическим сообществом необходимости ответить на два главных вопроса теории и практики толкования:

1) какие основополагающие принципы управляют процессами толкования и разъяснения текста закона, принятого Парламентом;

2) какими основополагающими принципами должен пользоваться субъект толкования при попытке установить намерение законодателя, когда оно не является очевидным[99].

Первым и самым главным подходом к толкованию, по мнению Питера Максвелла Бенсона[100], должен быть «буквальный» подход: словам в тексте закона «технически» должно придаваться то значение, которое им присвоено по факту; если такое значение отсутствует, тогда слово толкуется в его наиболее «популярном» значении, принятом в обществе на конкретный период времени; в расчет также должны приниматься нормы и правила грамматики[101]. В случае, когда текст закона прост, ясен и понятен каждому, суд не может спекулировать поиском намерения законодателя, даже если четкий и понятный текст кажется ему неразумным в какой-то его части[102]. В качестве примера применения такой

---

[99] См.: *Maxwell P. B.* On the interpretation of statutes. London : Sweet and Maxwell Ltd., 1875. P. 1.

[100] Сэр Питер Максвелл Бенсон занимал должность Председателя Верховного суда колонии Стрейтс-Сетлментс (Сингапур) в период с 1867 по 1871 г.

[101] См. подробнее: Cull v. Austin // Law Reports, Common Pleas. Vol. 7. P. 234 ; R. v. Castro (1873) // Queen's Bench Reports. Vol. 9; Warburton v. Loveland (1831) // Dow and Clark's House of Lords Cases. Vol. 2. P. 480–489; Becke v. Smith (1836) // Meeson and Welsby's Exchequer. Vol. 2. P. 191; Everett v. Wells (1841) // Macnaghten and Gordon's Chancery Reports. Vol. 2. P. 269; R. v. Pease (1832) // Barnewell and Adolphus' Reports. Vol. 4. P. 41; McDougal v. Paterson (1851) // Common Bench Reports. Vol. 11. P. 775; Mallan v. May (1843) // Meeson and Welsby's Exchequer Reports. Vol. 13. P. 511; Mattison v. Hart (1854) // Common Bench Reports. Vol. 14. P. 385; Abbott v. Middleton (1858) // Clarke's House of Lords Cases. Vol. 7. P. 681–614; R. v. Mills (1838) // Clark and Finnelly's Reports. Vol. 10. P. 749.

[102] См. подробнее: Lord Brougham in Gwynne v. Burnell (1840) // Clark and Finnelly's Reports. Vol. 7. P. 572, 696; *Wigram J.* An examination of the rules of law respecting the admission of

последовательной логики толкования Бенсон приводит уголовное дело, судебное преследование по которому подлежит прекращению, если предъявление обвинения было произведено позже установленного законом срока на расследование, даже если такое преследование было начато в период установленного законом срока, а также уже был назначен день судебного рассмотрения дела[103].

Однако таких ситуаций, когда текст закона не вызывал бы каких-либо споров и разногласий у субъектов толкования, крайне мало. По словам лорда Бэкона, «двусмысленность или неоднозначность слов и выражений, в особенности тех, которые имеют привычное звучание в своем общепринятом смысле, является самым сложным из всех софизмов»[104]. И для целей определения того или иного значения таких слов и выражений правоведы в XIX в. все еще обращаются к учению Кука, предлагая определить:

1) какой была норма права до принятия того или иного спорного закона;

2) что осталось за скобками текста закона, в каких вопросах его смысл и значение остались непонятными;

3) какое средство правовой защиты предлагает Парламент в такой ситуации;

4) какова причина выбора именно такого средства правовой защиты[105].

Взгляды Плаудена о поиске истинного значения текста закона через анализ внешних обстоятельств, сопутствовавших принятию закона, его истории и контекста, также оставались весьма популярными[106]. Надо отметить, что название

---

extrinsic evidence in aid of the interpretation of wills. London : Printed for Charles Hunter : Law Bookseller, 1835. P. 7.

[103] См. подробнее: R. v. Bellamy (1986) // Barnewell and Cresswell's Reports. Vol. 1. P. 500; R. v. Tolley// East's King's Bench Reports. Vol. 3. P. 467; Pellew v. Inhabitants of Wonford // Barnewell and Cresswell's Reports. Vol. 9. P. 135; Farrell v. Tomlinson (1761) // J Brown's Parliamentary Cases. Vol. 5. P. 438; Adam v. The Inhabitants of the City of Bristol (1834) // Adolphus and Ellis' Reports. Vol. 2. P. 389; R. v. Mainwaring (1982) // Criminal Appeal Reports. Vol. 74. P. 99.

[104] См.: *Bacon F.* The advancement of learning. Philadelphia, Pennsylvania : Paul Dry Books, 2001. 263 p. Book 2.

[105] См.: Heydon’s case (1584) // The English Reports. Vol. 67. P. 637; *Maxwell P. B.* On the interpretation of statutes. London : Sweet and Maxwell Ltd., 1875. P. 18.

[106] См., например: Stradling v. Morgan, Plowden’s commentaries on Easton v. Studd, 1574, King’s Bench // The English Reports. Vol. 75. P. 204, 465; *Maxwell P.* B. On the interpretation of statutes. London : Sweet and Maxwell Ltd., 1875. P. 18.

закона (*title*) лишь в 1496 г., в период правления Генриха VII, было официально признано частью закона и стало рассматриваться с его текстом как единое целое[107]. Однако суды при толковании законов в XIX в. отказываются использовать название закона[108] для выяснения намерения законодателя, равно как не принимают во внимание сноски и пунктуацию[109], в отличие от преамбулы закона[110]. Преамбула не могла ограничивать или расширять значение толкуемого текста, когда текст являлся четким, понятным, не вызывающим сомнений в отношении как значения, так и сферы действия закона[111]. Довольно примечательным было и выработанное судебной практикой правило о двух противоречащих друг другу положениях закона: превалирующим считалось то положение, которое было последним, по аналогии с завещаниями, где учитывалась именно последняя воля наследодателя.

Однако ключевым правилом толкования являлось все же «правило строгого смысла» текста закона, который подлежал расширению только в случае, когда того требовала задача, поставленная ***предметом*** законодательного акта, что касалось даже уголовных законов[112] того времени. Для выявления точного соответствия с предметом закона суды пытались оценить предполагаемый эффект последствий того или иного толкования текста закона, и прежде всего – каких

---

[107] См.: *Maxwell P. B.* On the interpretation of statutes. London : Sweet and Maxwell Ltd., 1875. P. 34.

[108] См. подробнее: Poulter’s case // Retirement and Estate Planning. Vol. 11. P. 33; Mills v. Wilkins (1704) // Modern Reports. Vol. 6. P. 62; Attorney-General v. Lord Weymouth // Ambler's Chancery Reports. Vol. 22; Hunter v. Nockolds (1846) // McN & G. Vol. 1. P. 651; Salked v. Johnson (1848) // Exchequer Reports. Vol. 2. P. 283; Graves v. Ashford (1867) // Law Reports, Common Pleas. Vol. 2. P. 417; Hadden v. The Collector (1866) // Wallace's Supreme Court Reports. Vol. 5. P. 107; *Maxwell P. B.* On the interpretation of statutes. London : Sweet and Maxwell Ltd., 1875. P. 34.

[109] См.: Claydon v. Green (1867) // Law Reports. Common Pleas. Vol. 3. P. 511; Barrow v. Wadkin (1857) // Beavan's Reports. Vol. 24. P. 327.

[110] См.: Halton v. Cove (1830) // Barnewell and Adolphus' Reports. Vol. 1. P. 558; Beard and other v. Rowan (1835) // Peters' Supreme Court Reports. Vol. 9. P. 317.

[111] См.: R. v. Athos // Modern Reports. Vol. 8. P. 144; Trueman v. Lambert // Maule and Selwyn's King's Bench Reports. Vol. 4. P. 239; Wright v. Nuttall // Barnewell and Cresswell's Reports. Vol. 10. P. 492; Crespigny v. Wittenoom (1792) // Taxation Reports. Vol. 4. P. 790; Salter’s Co. v Jay // Queen's Bench Reports. Vol. 3. P. 10.

[112] См.: R. v. Lloyd // East PC. Vol. 2. P. 1122; а также другие дела, процитированные в данном деле.

последствий суд хотел бы избежать[113]. Степень строгости толкования текста уголовного закона в большей мере зависела от степени суровости наказания за то или иное правонарушение[114]. Так, § 22 и 23 уголовного закона г. Ковентри, метрополии графства Уэст-Мидлендс, предусматривали смертную казнь за нанесение тяжкого вреда здоровью, но лишь в случае, когда такой вред был нанесен с умыслом и при выжидании жертвы, т.е. с явным намерением совершить данное деяние. Более того, дебаты в юридической среде возникали и из-за самого намерения злоумышленника: считалось, что лицо, намеревавшееся лишь покалечить жертву, но не убить ее, не должно подпадать под действие данного закона[115]. Из примеров более мягкого уголовного наказания можно привести норму о том, что лицо, получившее сертификат на торговлю пивом в розницу «как достойный человек» (*a person of good character*), не привлекалось к уголовной ответственности за нарушение использования сертификата, в частности, за то, что им осуществлялось сожительство с женщиной без оформления с ней брачного союза[116]. Так, уголовное законодательство было подчинено принципу ***строгого толкования,*** в отличие от норм процессуальных законов, которые могли дополняться новым значением уже после их принятия законодателем в ходе толкования[117]. Ярким примером подобного двойственного принципа толкования является законодательство о возмещении ущерба, причиненного вследствие несчастного случая на производстве: владелец шахты, под угрозой уголовного наказания, был обязан в случае: 1) смерти любого работника в ходе несчастного случая или 2) причинения тяжкого вреда здоровью по причине взрыва – сообщать о таком несчастном случае соответствующему должностному лицу в течение 24 часов с момента смерти. Очевидно, что закон сформулирован таким образом, что при строгом толковании данной нормы

[113] См.: *Maxwell P. B.* On the interpretation of statutes. London : Sweet and Maxwell Ltd., 1875. P. 65.

[114] См.: Ibid. P. 239.

[115] См.: Lord King and Yates J. in R v. Coke; B.; *Maxwell P. B.* On the interpretation of statutes. London : Sweet and Maxwell Ltd., 1875. P. 241.

[116] См.: *Maxwell P. B.* On the interpretation of statutes. London : Sweet and Maxwell Ltd., 1875. P. 242.

[117] См.: Dawes v. Painter (1674) // Freeman's Chancery Reports. Vol. 1. P. 175–176.

владелец шахты совершенно не обязан направлять такое уведомление в случае причинения тяжкого вреда здоровью при взрыве, хотя законодатель, вероятнее всего, просто «опустил» второй случай из общего действия нормы по ошибке. Тем не менее суд отказался «додумывать» текст данной нормы за законодателя и, несмотря на итоговую неразумность результата толкования, постановил, что уведомление о взрыве было необязательным для владельца шахты[118]. Если бы такое упущение присутствовало в процессуальном законе, суд, вероятнее всего, исправил бы его[119]. Также при применении принципа строгого толкования текста суды руководствовались следующими правилами:

1) смысл, придаваемый словам в тексте закона, должен был максимально соответствовать общему контексту, задачам и предмету такого закона;

2) основной задачей суда в процессе толкования как уголовных, так и иных законов было установление законодательного намерения;

3) правило строгого толкования не нарушалось при придании словам в тексте закона их «полного» значения или более расширительного значения из двух возможных, если такое расширительное или, наоборот, более узкое значение лучше раскрывало намерение законодателя[120].

Так, уголовный закон предписывал преследование мужчины, бросившего свою жену и «детей» на содержание церковного прихода; причем под термином «дети» законодатель имел в виду только законно рожденных детей, тем самым подчеркивая отсутствие обязанности по обеспечению мужчиной своих внебрачных детей[121].

Так, английские суды в XIX в пришли к выводу – границы между строгим и «эффективным» толкованием (*beneficial construction*) все же постепенно должны

---

[118] См.: Underhill v. Lougridge // Law Journal Magistrates' Cases. Vol. 29. P. 65.

[119] См.: Phillips' Chancery Reports. Vol. 1. P. 258.

[120] См.: *Maxwell P. B.* On the interpretation of statutes. London : Sweet and Maxwell Ltd., 1875. P. 247.

[121] См. подробнее: R. v. Maude// Dowling’s Bail Court Reports. New Series. Vol. 2. P. 58; *Maxwell P. B.* On the interpretation of statutes. London : Sweet and Maxwell Ltd., 1875. P. 248.

размываться[122]. Это выражалось в том, что ближе к концу XIX в. многие процессуальные законы стали толковаться более строго, а уголовные статуты – более рационально с учетом основной задачи и намерения законодателя[123].

Получается, что выработанное в свое время делом Хейдона (*Heydon's case*) правило целевого, исторического толкования (*mischief rule*), о котором мы расскажем подробнее в соответствующей главе, посвященной теориям толкования норм права, перестало удовлетворять потребности толкования за счет постоянно растущего количества принимаемых законов. На смену ему в XIX в. приходит правило буквального смысла (*literal rule*), ориентированное на «точное и недвусмысленное» прочтение текста закона, о котором было рассказано выше в настоящем параграфе. Однако обстоятельства времени и ход развития толкования норм права привели к формированию третьего правила – «золотого» (*golden rule*). Оно позволяло отступать от буквального прочтения текста закона, если такое прочтение противоречило другим положениям закона или, по мнению суда, приводило к абсурдным результатам толкования. Практическим следствием применения «золотого» правила толкования является включение в закон слов, которых там изначально не было, или же, наоборот, игнорирование присутствующих в законе слов и формулировок. Одним из первых дел, в которых было сформулировано отношение юридического сообщества к данному правилу, было дело 1836 г. *Becke v. Smith:* «Это очень полезное правило при толковании закона: придерживаться обычного смысла использованных в тексте закона слов, а также их грамматической конструкции, если нет явного противоречия с намерением законодателя, что должно явно просматриваться в тексте самого закона, а также если это не приводит к абсурдности или непоследовательности, что, в свою очередь, дает субъекту толкования право изменить или подправить текст закона, но лишь во избежание обозначенных выше результатов, и не

---

[122] См.: *Maxwell P. B.* On the interpretation of statutes. London : Sweet and Maxwell Ltd., 1875. P. 256.

[123] См.: Hull Dock Co. v. Browne // Barnewell and Adolphus' Reports. Vol. 2. P. 59; Fennell v. Ridler (1826) // Barn. & Cres. Vol. 5. P. 409; R. v. Charretie (1849) // Queen's Bench Reports. Vol. 13. P. 447; R. v. Zulueta (1843) // Carrington and Kirwan's Reports. Vol. 1. P. 215.

более»[124]. Однако очевидно – злоупотребление данным правилом может привести к непоправимо отрицательным последствиям, о чем в 1910 г. судьи высказывались следующим образом: *«Вкладывать отсутствующие слова в текст акта Парламента – это очень серьезный, и если осуществляемый без явной необходимости, то крайне неправильный подход к толкованию»*[125].

Позже в обзоре вопросов толкования норм права Правовой комиссии 1969 г. было отмечено, что многие судьи Англии и Уэльса демонстрируют склонность к переоценке правила буквального смысла, отказываясь выходить за строгие рамки сформулированного текста законодательного положения в свете его непосредственного и лишь самого очевидного контекста[126]. В обзоре было предложено использовать подход «поиска цели закона» (*purposive approach*), т. е. задаться при толковании текста закона вопросом: а какую же главную цель ставил перед собой законодатель при принятии закона? Хотя данный подход имеет много общего с целевым, историческим толкованием *(mischief rule)*, последнее было признано весьма архаичным и даже вводящим в заблуждение: «Данное правило (*mischief. – Прим. авт.*) предполагает, что законодательство направлено исключительно на то, чтобы искоренить какое-либо зло, а не на реализацию неких положительных социальных задач; а ведь общая законодательная цель, на основе которой формулируется положение закона, может также возникнуть вследствие уже принятых на эту тему законов о том же предмете или из других источников, берущих свое начало из юридических, социальных и экономических аспектов, о которых судья не может не знать»[127]. Таким образом, подход поиска цели закона занял главенствующую роль в толковании норм закона. Способствовало этому и небезызвестное дело *Pepper v. Hart*, которое мы охарактеризуем более подробно в следующей главе.

---

[124] См.: *Cross R., Bell J., Engle G.* Statutory interpretation. 3rd ed. Oxford : Oxford University Press, 2006. P. 16.

[125] См.: Thompson v. Good & Co (1910) // Appeal Cases. Vol. 1. P. 409–420; Vickers, Sons and Maxim Ltd v. Evans (1910) // Appeal Cases. Vol. 1. P. 444–445.

[126] См.: The interpretation of Statutes. The Law Commission nr 21 and The Scottish Law Commission no 11, London : ordered by The House of Commons. 1969. Para 80(c).

[127] См.: The interpretation of Statutes. The Law Commission nr 21 and The Scottish Law Commission no 11, London : ordered by The House of Commons. 1969. Note 77, para 33.

Необходимо также упомянуть о принятых в XIX и XX вв. законах о толковании. Первыми были законы «О толковании» 1850 и 1889 гг. Но действующим на сегодняшний день является закон «О толковании» 1978 г., авторский перевод которого можно найти в Приложении А к настоящей диссертации. Данный закон устанавливает общие правила толкования, которые распространяются на всю территорию Англии и Уэльса, а также служит общим законом по отношению к специальным положениям иных законов о толковании. Среди таких общих положений закона «О толковании» 1978 г. можно отметить следующие: единственное число включает в себя множественное, мужской род включает в себя женский род и наоборот, и др. Закон содержит также положения о толковании ряда специальных уголовно-правовых терминов: «правонарушение, преследуемое по обвинительному заключению», «правонарушение, преследуемое в порядке упрощенного судопроизводства» и некоторых других.

Безусловно, существование такого закона во многом помогает субъектам толкования систематизировать и упростить понимание некоторых слов, выражений и терминов иных законов. Однако поскольку он носит весьма общий характер, то разрешить сформировавшиеся за долгие годы противоречия в подходах и правилах толкования норм права в Англии и Уэльсе он не в состоянии. Ситуацию осложнило и вступление Великобритании в ЕС. Начиная с того, что в разделе 2 Договора о ЕЭС 1972 г. не был решен вопрос о том, имеет ли силу акт Парламента Великобритании, принятый после ее вступления в ЕС, если такой акт противоречит ранее принятым правилам права ЕС, что в итоге было разрешено лишь в судебном порядке[128], и заканчивая тем, что вступление в ЕС – это дополнительный массив нормативных актов, которые также должны толковаться в том числе и в национальных судах. Однако в силу ограниченности объема данной работы автор считает целесообразным оставить рассмотрение данного аспекта толкования норм права в Англии и Уэльсе за рамками своего исследования.

[128] См.: Factortame Ltd v. Secretary of State for Transport (1991) // The All England Law Reports. Vol. 1, nr 2. P. 70.

Таким образом, к концу XX в. в Англии и Уэльсе сформировалась целая система правил толкования, каждое из которых имело свою длительную историю формирования. Взаимовлияние и взаимодействие всех обозначенных выше правил толкования, а также подробное рассмотрение внешних и внутренних вспомогательных источников толкования норм права станет объектом нашего пристального внимания в двух последующих главах диссертационного исследования.

В **США** в XIX столетии наблюдались две противоречивые тенденции в толковании норм закона: с одной стороны, существенно возросло доверие к закону, но с другой стороны, юридическое сообщество еще не было готово принять законодательство как основополагающий источник права[129]. Тем не менее XIX в. был ознаменован появлением большого объема юридической литературы по вопросам статутного толкования, что косвенно, но все же способствовало «признанию» значимости толкуемого судами законодательства.

После гражданской войны 1861–1865 гг. федеральное законодательство приобрело особую значимость, что выразилось прежде всего в принятии большого количества законов о правах человека в виде поправок к Конституции США, а также в форме отдельно принимаемых законодательных актов (антитрестовский закон Шермана 1890 г., закон о налоге на прибыль корпораций 1894 г. и др.). Однако самым ярким свидетельством роста значимости федерального законодательства можно назвать первую кодификацию права США, проведенную в 1874 г.[130], и прекращение ранее действовавшей практики неформального учета документов законодательных дебатов Конгресса США посредством обращения к частным издателям под прямым контролем Правительственной типографии США в 1873 г.[131]. Однако доминирующей точкой

---

[129] См.: *Popkin W. D.* Statutes in court : the history and theory of statutory interpretation. Durham; London : Duke University Press, 1999. P. 59.

[130] Act of June 20, 1874, 43d Cong., Ist Sess., chap. 333, 18 Stat. 113.

[131] См.: *McPherson E. G.* The history of reporting the debates and proceedings of Congress: ph. d. diss. 1940. P. 210.

зрения юридического сообщества того времени оставалась уверенность в том, что растущий объем принимаемых законов лишь «залатал» собой по-прежнему превалирующее общее право, поскольку «большинство законов в целом… не изменяли или не отменяли принципов общего права»[132]. Джозеф Стори, знаменитый американский адвокат и юрист, работавший в Верховном суде США с 1811 по 1845 г., утверждал: «Человек может прожить целый век, чувствуя на себе действие законов лишь в отношении своих прав или обязанностей; но общее право окружает его везде, как атмосфера, которой он дышит»[133]. С течением времени возросло и количество публикаций, посвященных вопросам толкования норм права: если в 1803 г. издание «Комментариев к законам Англии» Блэкстона Джорджем Такером[134] содержало лишь небольшой отрывок, посвященный вопросам толкования норм Конституции, не распространяясь на тему статутного толкования в целом, то уже к середине XIX в. появились многочисленные работы (E. Fitch Smith. *Commentaries*, 1848; Theodore Sedgwick. *A Treatise on the Rules Which Govern the Interpretation and Construction of Statutory and Constitutional Law*, 1857), намеренно подчеркивающие, что невнимание к столь важному вопросу, как статутное толкование, недопустимо.

Рассмотрим краткую историю эволюции взглядов на статутное толкование в XIX в. Американский юрист и теоретик права Джеймс Кент в 1826 г. придерживался строгой линии общего права, которое он считал «кормильцем», по сравнению с законом – «тираном». А значит, толкование, даваемое судами по общему праву, а не по закону, по его мнению, было единственно достоверным[135]. Более того, законы, направленные на «всеобщее благо», он считал возможным

---

[132] См.: *Hilliard F.* The elements of law. Reprint. ed. New York : Arno Press, 1972. P. 5.

[133] См.: *Story J.* Law, legislation and codes // Encyclopedia Americana. 1831. Appendix 7. P. 576, 586.

[134] См.: *Blackstone W.* Commentaries on the laws of England. Vol. 1. Rev. ed. / by S. G. Tucker. New York : Augustus Kelly, 1969. P. 151–154, 369–370.

[135] Цит. по: *Raack D.* To preserve the best fruits : the legal thought of Chancellor James Kent // American Journal of Legal History. 1989. Vol. 33. P. 320, 354. Следует отметить, что Кент указывал на следующую особенность статутного права: «Самым существенным недостатком закона и всех типов кодификации, при углублении вопроса в детали, является неспособность законодательных правил подстраиваться под обстоятельства конкретного дела (негибкость закона)».

толковать настолько расширительно, насколько это было необходимо для достижения цели общественной пользы, поставленной законом, «однако все же *с минимально возможным ущербом для частного интереса*»[136]. Среди причин для активной роли судейского толкования Кент называет «несовершенство человеческого языка», «отсутствие четких технических навыков составления актов у законодателя» и «исключительную разумность общего права»[137]. В результате Кент настаивал на том, что законы должны «толковаться в соответствии с принципами общего права, поскольку законодательство не может внести нечто новое в общее право, за редким исключением, когда того требуют *особые* обстоятельства»[138].

Однако правовед Джозеф Стори уже в 1831 г. был менее оптимистично настроен в отношении общего права. К примеру, он активно отстаивал значимость выявления законодательного намерения в ходе «естественного толкования слов закона», указывая при этом, однако, на различные «неудобства», связанные с таким толкованием[139]. Вместе с тем Стори утверждал – законы, противоречащие нормам общего права, должны толковаться очень строго (узко)[140], а вопрос широкого (распространенного) или узкого толкования в принципе должен решаться судьей исключительно на основе доктрины общего права в каждом конкретном случае[141].

Главным вопросом, которым Стори риторически предвосхищал возможное развитие теории Аристотеля о роли суда в толковании закона, было указание на неспособность закона меняться: «Возможно ли предвидеть или хоть как-то предусмотреть заранее... все возможные случаи?»[142]. Однако увидев в общем

---

[136] См.: *Horwitz M.* The Transformation of american law, 1780–1860. Cambridge : Harvard University Press, 1977.

[137] См.: *Kent J.* Of statute law // Commentaries on american law / J. Kent. New York : O. Halsted, 1826. Vol. 1. P. 434.

[138] См.: Ibid. P. 433.

[139] См.: United States v. Dickson (1841) // The United States Reports. Vol. 40. P. 141, 163, 164.

[140] См.: McCreery v. Somerville (1824) // The United States Reports. Vol. 22. P. 354, 361.

[141] См.: Charles River Bridge v. Warren Bridge (1837) // The United States Reports. Vol. 36. P. 420, 588.

[142] См.: *Story J.* Law, legislation and codes // Encyclopedia Americana. 1831. Appendix 7. P 587.

праве основной юридический источник, Стори не верил во всемогущую силу общего права, в отличие от Кента. Стори рассматривал общее право не как статичную традицию права, а как динамичный механизм правотворчества, призывая пересмотреть решение Верховного суда США против Хадсона и Гудвина 1812 г.[143], где указывалось на отсутствие федерального общего уголовного права. Однако закон призван вносить посильные изменения в общее право[144]. В вопросах статутного толкования Стори строго придерживался точки зрения Блэкстона.

Немецко-американский юрист Френсис Либер (профессор истории и политической экономии в Университете Северной Каролины) в 1839 г. в своем труде «Юридическая и политическая герменевтика» высказывал явные опасения в отношении использования всеобщего (чрезмерного) судейского усмотрения, оставляя за судами право толкования законов лишь в случаях, касающихся вопросов фундаментальных прав и свобод человека и гражданина. В попытке найти справедливое соотношение источников толкования норм права Либер в пользу «истинного толкования» прибегал к терминам «здравый смысл» и «добросовестность» как основным ориентирам судьи[145]. Само понятие «толкование» привязывалось Либером к необходимости подстраивания законов под обстоятельства конкретного дела, поскольку «люди, которые используют слова для выражения своей мысли… не могут предвидеть всех возможных случаев[146]. Следовательно, чем старее текст закона, тем свободнее должно быть

---

[143] Решение Верховного суда США заключалось в том, что уголовное наказание может быть назначено обвиняемому лишь в том случае, когда принят соответствующий законодательный акт по этому вопросу. Ответчики обвинялись в клевете на Президента и Конгресс США: якобы последние выделили 2 млн долл. США Наполеону Бонапарту для заключения договора с Испанией. Решение считается классическим для установления принципа *nulla poena sine lege* («нет наказания без закона») в федеральном законодательстве США.

[144] См.: *Story J.* Law, legislation and codes // Encyclopedia Americana. 1831. Appendix 7. P. 591.

[145] См.: *Lieber F.* Legal and political hermeneutics. New York : Charles Little & James Brown, 1839. P. 89.

[146] См.: Ibid. 121.

его толкование»[147]. Теоретически Либер находится где-то «посередине» между сторонниками и критиками дискреционного толкования, уже серьезно отдалившись от воззрений Кента, но демонстрируя незыблемую веру в необходимость сохранения свободы толкования в тех вопросах, которые, по его мнению, являются «первостепенными, жизненно важными и вопросами всеобъемлющего значения для общества»[148]. Такую же позицию занимал и верховный судья Джон Маршалл, о чем будет сказано ниже.

Убежденными противниками толкования по праву справедливости были Фитч Смит и Теодор Сэджвик. Смит в своем трактате «О законодательном и судебном толковании» (1848) активно протестует против «компетентного толкования» судами в пользу явно выраженного и недвусмысленного текста закона, который может «стать жертвой толкования по праву справедливости»[149]. По мнению Смита, ни одно правило толкования «не может быть более опасным, чем то, которое проводит границу между текстом закона и намерением, которое законодатель закладывает в этот текст, поскольку такая граница может вполне привести к ситуации, когда какое-либо дело будет исключено из сферы действия закона, основываясь на мнении судьи о намерении законодателя, вопреки прямому указанию текста закона, и наоборот!»[150] Смит настаивает на решении этой дилеммы исключительно через неукоснительное соблюдение судьями текста закона как единственного проводника в принятии правильного решения по делу[151].

Теодор Сэджвик (как и Смит) верил в увеличивающуюся компетентность законодательного органа[152] и, в отличие от Кента, с большим недоверием

---

[147] См.: *Lieber F.* Legal and political hermeneutics. New York : Charles Little & James Brown, 1839. P. 134.

[148] См.: *Lieber F.* Legal and political hermeneutics. New York : Charles Little & James Brown, 1839. P. 139–140.

[149] См.: *Smith E. F.* Commentaries on statute and constitutional law and statutory and constitutional construction. Albany : Gould, Banks & Gould, 1848. P. 831.

[150] См.: Ibid. P. 831–832.

[151] См.: Ibid. P. 588–589.

[152] См.: *Sedgwick T.* A Treatise on the rules which govern the interpretation and construction of statutory and constitutional law. New York : Baker, Voorhis & Co. Publishers, 1857. P. 265–266.

высказывался о компетентности судебной. В 1857 г. он подчеркивал – институциональная общность законодателей и судей (характерная для Англии позднего Средневековья) уже совершенно не актуальна для правовой системы США[153], поскольку «судьи и законодатели уже давно, как минимум, не заседают в одном помещении, а также не принадлежат к одному классу, кругу, чтобы утверждать о персональной осведомленности намерений законодателя при принятии того или иного закона, количество которых несоизмеримо растет с каждым годом»[154]. Тем не менее необходимо отметить – практически все известные судьи в США того времени ранее были законодателями или занимали крупные посты в органах исполнительной власти[155]. В итоге, говоря о превалирующей точке зрения, под влиянием судьи Джона Маршалла на федеральном уровне закрепилась традиция более умеренного судебного толкования, с преимущественным строгим подходом к толкованию дел, касающихся фундаментальных прав и свобод человека.

Судья Джон Маршалл был председателем Верховного суда США в период с 1801 по 1835 г. Он был федералистом, приверженцем идеи «неотчуждаемых просоциальных прав» (*inalienable prosocial rights*), а значит, и сторонником независимой судебной власти, призванной защищать эти права посредством конституционного и статутного толкования[156]. Там, где речь шла о фундаментальных правах и свободах, законы не должны были толковаться так, чтобы каким-либо образом нарушать такие права и свободы, при условии отсутствия четкого волеизъявления законодателя об обратном[157]. В остальных

---

[153] См.: *Sedgwick T.* A Treatise on the rules which govern the interpretation and construction of statutory and constitutional law. New York : Baker, Voorhis & Co. Publishers, 1857. P. 205.

[154] См.: Ibid.

[155] См., например: *White G. E.* The american judicial tradition : profiles of leading american judges. New York; Oxford : Oxford University Press, 1988. P. 37; *Reid J.* Chief justice – the judicial world of Charles Doe. Cambridge : Harvard University Press, 1967. P. 60–74; *Marshall C. T.* A history of the court and lawyers of Ohio. American Historical Society, 1934. Vol. 1. P. 231–265.

[156] См.: *White G. E.* The american judicial tradition. Oxford : Oxford University Press, 1988. P. 18, 21–22, 24.

[157] См.: *Yoo J.* Marshall's plan: the early supreme court and statutory interpretation // Yale Law Journal. 1992. Vol. 101. P. 1607.

случаях толкование закона должно было быть исключительно строгим[158]. Важно отметить следующее: Маршалл вовсе не призывает субъектов толкования отказаться от поиска и выяснения истинного намерения законодателя, однако «такое намерение должно усматриваться в общих формулировках текста закона, которые законодатель использовал для передачи своей мысли, духа права через инструмент слова»[159].

Таком образом, позиция Маршалла отразила очень важный аспект теории и практики толкования в США XIX в.: если в Англии на примере воззрений Кука в деле *Thomas Bonham v. College of Physicians* очевидно, что толкование по праву справедливости не ограничивается только вопросами фундаментальных прав и свобод человека и гражданина, то в США такие широкие полномочия судей подверглись серьезным испытаниям, сначала через принятие Конституции, а потом и через всеобщее установление принципа строгого толкования текста закона, за исключением вопросов, касающихся фундаментальных прав и свобод, как раз закрепленных в Конституции США. В конечном итоге, позиция Маршалла сформировала так называемое золотое правило толкования[160] – приверженность тексту закона, за исключением случаев, когда прямое толкование приводит к «абсурдному» или несправедливому результату.

Вторая половина XIX в. была ознаменована повсеместным созданием в США коллегий адвокатов. В 1870 г. была учреждена коллегия адвокатов Нью-Йорка, далее примеру города последовали Чикаго, Цинциннати, Айова, Бостон, и в 1878 г. появляется Американская коллегия адвокатов[161]. Это было обусловлено процессами более активного отделения юридического сообщества от «народа», что также выразилось в закреплении за присяжными заседателями права решать лишь вопросы факта, а не права и факта, как было раньше. Другой важной

---

[158] См.: Huidekoper's Lessee v. Douglass (1805) // The United States Reports. Vol. 7. P. 65–70.

[159] См.: Oneale v. Thornton (1810) // The United States Reports. Vol. 10. P. 53, 68; Thompson v. United States (1820) // Federal Cases. Vol. 23. P. 1107, 1109.

[160] См.: *Dougherty V.* Absurdity and the limits of literalism : defining the absurd result principle in statutory interpretation // American University Law Review. 1994. Vol. 44. P. 127.

[161] См.: *Pound R.* The lawyer from antiquity to modern times. St. Paul, Minnesota : West Publisher Co., 1953. P. 254, 259.

тенденцией второй половины XIX в. стала новая попытка «кодификации», а точнее, пересмотра (*revision*) общего права – попытка устранения пробелов в единообразном понимании норм общего права, в которой принимал участие даже Стори[162]. Противников же кодификации общего права как таковой было великое множество, включая Американскую коллегию адвокатов: статутное право не в состоянии было вместить в себя все принципы и особенности норм общего права[163]. Это значимо и с точки зрения вопроса толкования норм права, поскольку в правовом поле того времени действовал так называемый канон противоречия (*derogation canon*), гласивший, что законы, противоречащие нормам общего права, должны толковаться узко. Среди сторонников этого канона был Томас Кули, председатель Верховного суда штата Мичиган, написавший в 1872 г. в своей редакции «Комментариев к Блэкстону» следующее: «Если закон не отменяет действие норм общего права, то они должны иметь равную юридическую силу… Закон, который вносит изменения в нормы общего права, должен толковаться очень строго»[164]. Однако иные правоведы были настроены противоречиво: превалирующая роль общего права отвергалась, однако же толкование по праву справедливости ***в судах*** было допустимым. Таким образом, общее право не игнорировалось, но и не требовало специальных мер защиты[165]. Складывалась такая ситуация, когда суды в целом пытались сохранить общее право, иногда даже относясь к законам пренебрежительно, но это не поддерживалось юридическим сообществом, да и законы часто оставляли место для более свободного толкования, не противоречащего нормам общего права.

---

[162] См.: *Newmyer R. K.* Supreme Court Justice Joseph Story : statesman of the old republic. Chapel Hill : The University of North Carolina Press, 1985. P. 278–279.

[163] См., например: Address of John W. Stevenson : 8 Report of American Bar Association. Philadelphia : E. C. Markley & Son, 1885. P. 149, 150; Address of Alexander R. Lawton : 6 Report of American Bar Association. Philadelphia : E. C. Markley & Son, 1883. P. 137, 174–175; Address of Edward J. Phelps : 4 Report of American Bar Association. Philadelphia : E. C. Markley & Son, 1881. P. 141, 170. По вопросу особенностей современной кодификации в США см.: *Петрова Е. А.* Особенности систематизации американского законодательства // Вестник ЮУрГУ. 2012. № 7. С. 25-28.

[164] См.: *Blackstone W.* Commentaries on the laws of England. Volume I. 3rd ed., rev. / by T. M. Cooley. Chicago : Callaghan and Company, 1873. P. 89.

[165] См.: *Endlich G. A.* A Commentary on the interpretation of statutes founded on Maxwell's treatise. Jersey City, N. J. : F. D. Linn, 1888. P. 172–175.

Ярким примером использования «канона противоречия» могут служить дела об имущественных правах супруги, свободных от притязаний супруга. Типичной формулировкой закона была следующая: *имущество супруги не является объектом распоряжения ее супруга, на него не может быть обращено взыскание за долги супруга, оно может быть объектом наследования, дарения, передачи, завещания и владения супруги, как если бы она не была замужем*[166]. Такие законы были «слишком свободными» для многих судей, и они применяли «канон противоречия» норм такого закона общему праву довольно часто в отношении дел данной категории. К примеру, если супруга вступала в имущественные отношения с супругом, то суд лишал ее данной законом привилегии на имущественную самостоятельность. Тот же результат ждал женщину, если она хотела стать бизнес-партнером своего супруга[167]. Суды восклицали: «Невозможно, чтобы женщина могла пользоваться и распоряжаться своим имуществом после свадьбы так же полноценно, как и до нее; ведь именно супруг является главой семьи»[168]. Нормы общего права также не закрепляли за женщинами того времени права становиться членами коллегий адвокатов[169].

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что суды США в XIX в., «цепляясь» за общее право, относились «с подозрением» к активно принимаемому законодательству[170]. Однако судебная практика показывает: обвинить в таком подходе суды сложно, поскольку чаще всего приоритет общего права над текстом закона был продиктован необходимостью разрешить

---

[166] См.: Billings v. Baker (1859) // Barb. Vol. 28. P. 343, 347, 348.

[167] См.: Board of Trade of City of Seattle v. Hayden (1892) // Pacific Reporter. Vol. 30. P. 87, 88, 92.

[168] См.: *Popkin W. D.* Statutes in court : the history and theory of statutory interpretation. Durham; London : Duke University Press, 1999. P. 111.

[169] См., например: Chicago Legal News / ed. by M. Bradwell. Illinois. 1869. Vol. 55. P. 535, 540; In the matter of the motion to admit Miss Lavinia Goodell to the Bar of this Court // Wisconsin Reports. 1875. Vol. 39. P. 232; *Leonard. M. G.* Application of Leonard // Oregon. 1885. Vol. 12. P. 93; *Lelia J.* Robinson's Case // Massachusetts Supreme Judicial Court Reports. 1881. Vol. 131. P. 376–381.

[170] См.: Holy Trinity Church v. United States (1892) // The United States Reports. Vol. 143. P. 457, 458, 460.

двусмысленность такого текста ввиду несостоятельной законодательной техники или же для достижения здравого смысла того или иного решения[171].

Ситуация значительно поменялась в XX в., когда суды столкнулись с новой правовой реалией – задачей достижения цели закона (*purposivism*). Законодательство XX в. как на федеральном уровне, так и на уровне штатов разрасталось в геометрической прогрессии, постепенно заменяя собой нормы общего права. Были созданы новые федеральные агентства: Комиссия по контролю за пищевыми продуктами и лекарственными средствами США в 1906 г.[172], Федеральное резервное управление в 1913 г.[173], Федеральная комиссия по торговле в 1914 г.[174] Увеличилось количество законов, регулирующих вопросы компенсации работникам и налогообложения. Правоведы начала XX в. старались обосновать научную парадигму законодательного процесса, который способен быстрее и эффективнее подстраиваться под изменяющуюся социально-политическую атмосферу, в отличие от норм общего права. Позже активное законодательство начнет ассоциироваться с принципом демократии как таковой, устраняя пропасть между правом и населением и одновременно ограничивая суды в свободном толковании законов как документов общественной воли. Результатом возросшего доверия правового сообщества к законодательству стал поиск информации об истинной причине принятия того или иного закона через установление «законодательного намерения».

Теория научного взгляда на законодательный процесс была впервые представлена в начале XX в. Эрнстом Фройндом[175], ученым-политологом, преподававшим на правовом факультете Чикагского университета. По его мнению, судебное обоснование применения той или иной нормы права основывалось на принципах, уже не способных адекватно реагировать на

---

[171] См.: Campbell v. Colorado Coal & Iron Co. (1886) // Pacific Reporter. Vol. 10. P. 248, 250, 251.

[172] Federal Food and Drugs Act of 1906, chap. 3915, 34 Stat. 768.

[173] Federal Reserve Act of 1913, chap. 6, 38 Stat. 251.

[174] Federal Trade Commission Act of 1914, chap. 311, 38 Stat. 717.

[175] См.: *Freund E.* Prolegomena to a science of legislation // Illinois Law Review. 1918. Vol. 13. P. 264, 269–270.

современные правовые проблемы, которые могли быть решены с помощью «традиционной формы, административных мероприятий и, конечно же, компромисса и уступки – исключительных спутников статутного права». Ярким примером такой позиции можно назвать законы о компенсации работникам, которые ранее регулировались только нормами общего права, запрещавшими возмещать работникам ущерб, причиненный несчастными случаями на производстве. По действовавшему общему праву, пострадавший работник должен был сам доказывать вину работодателя, а работодатель в ответ мог ссылаться на небрежность потерпевшего (*contributory negligence*), принятие работником на себя риска (*assumption of risk*) и принцип освобождения нанимателя от ответственности за вред, причиняемый друг другу лицами, работающими у него по найму (*fellow servant rule*)[176]. Хотя суды иногда отходили от данных принципов, правило для работника доказывать свою вину было неизменным. Проблема значительно усугубилась к XX в., и решение пришло через принятие законодательства, установившего минимальный размер компенсации пострадавшему работнику, применимый в любых случаях, а также наделившего административные агентства полномочиями по рассмотрению таких дел. Компромисс достигался за счет того, что работодатели (отныне ответственные за вред, причиненный работнику) были обязаны выплачивать компенсацию лишь в установленных размерах, которые зависели от заработка работника и серьезности его физических увечий. Финансирование таких выплат было осуществлено благодаря фондам самострахования работодателей. Без принятия соответствующего закона такой порядок урегулирования был бы просто невозможен.

Наряду с постепенным изменением отношения к законодательному процессу как к научной деятельности, изменилось и отношение судейского корпуса к истории принятия законодательства как к источнику поиска истинного намерения

[176] См.: *Popkin W. D.* Statutes in court : the history and theory of statutory interpretation. Durham ; London : Duke University Press, 1999. P. 120.

законодателя[177]. Одним из первых судебных дел, установивших новую тенденцию, было дело *Holy Trinity v. United States*, которое мы рассмотрим ниже. Важно отметить следующее – законодательные дебаты и обсуждения, которые вышли из британской традиции настоящего «спора» в Парламенте без возможности установить единую позицию группы его членов, весьма разумно не принимались во внимание судами в XIX в., пока в рамках законотворческого процесса не были сформированы постоянно действующие комитеты и комиссии[178]. Немалую роль сыграли в этом и новые средства фиксации: фонографы появились в широком доступе для нужд законодательных органов лишь с 1870-х гг.[179] Сомнению также подвергался и тот факт, что мнение меньшинства в Парламенте все же стоит учитывать, выясняя истинное намерение законодателя. Верховный суд США в 1881 г. высказался по этому вопросу следующим образом: «Мнения отдельных членов Парламента не должны определять общего мнения Парламента, однако они могут указать вектор развития обсуждения, в котором и проявляется главное намерение законодателя…»[180].

Среди первопроходцев формирования теории поиска цели статута (*purposivism*) следует назвать двух ученых-правоведов – это декан Гарвардского факультета права с 1916 по 1936 г. Роско Паунд и судья Верховного суда США с 1902 по 1932 г. Оливер Вэнделл Холмс-младший.

Роско Паунд был сторонником социологической юриспруденции, предполагавшей, что развитие норм права подчинено социальным процессам, должно их обрамлять, учитывая все возможные социальные последствия реализации любой правовой доктрины[181]. Такая позиция не могла одобрять негативное отношение сторонников общего права к законам, о чем он пишет в

---

[177] См.: Ibid. P. 121.

[178] См.: *Baade H.* Original intent in historical perspective : some critical glosses // Texas Law Review. 1991. Vol. 69. P. 1006–1011.

[179] См.: *McPherson E. G.* The history of reporting the debates and proceedings of Congress : ph. d. diss. 1940. P. 201–202, 205, 210.

[180] См.: Statutory Construction // Washington Law Reporter. 1881. Vol. 9. P. 321.

[181] См.: *Pound R.* The scope and purpose of sociological jurisprudence, III // Harvard Law Review. 1912. Vol. 25. P. 489, 512–516.

своей статье *«Общее право и законодательство»* в 1907 г., настаивая на том, что «статутное право должно быть либо приоритетнее, либо иметь равную юридическую силу с нормами общего права» для целей развития самого общего права, однако ученый признавал, что многие юристы могут посчитать такую идею «абсурдной»[182]. Соответственно, в вопросах толкования Паунд был убежден, что статутные принципы должны побороть пристрастие судов XIX в. к узкому толкованию законов, противоречащих нормам общего права. Исключение составляло лишь «правило снисходительности» (*rule of lenity)*, применяемое в уголовном праве, гласящее, что «если уголовный закон предусматривает лишение или какое-либо ограничение жизни, свободы или имущественных прав, то согласно принципу политической свободы, текст закона требует четкой и ясной формулировки такого состава правонарушения»[183]. Таким образом Паунд был лишь в преддверии формирования теории поиска цели закона, однако поддерживал именно «свободное толкование, отражающее полный спектр общественных отношений, обозначенных законом»[184], где причина и дух закона должны приниматься во внимание лишь **после** того, как буквальный смысл текста закона и его контекста не сможет прояснить ситуацию[185]. Другие подходы к толкованию норм права судами Паунд называл «туманными» (*spurious*).

Наиболее известное изречение Холмса о статутном толковании звучит так: «Для нас нет необходимости устанавливать, что *хотел* сказать законодатель, необходимо смотреть лишь на то, что в итоге сказано в законе»[186]. На первый взгляд кажется, что это позиция ярого текстуалиста. Однако иные высказывания Холмса подтверждают его практическую приверженность к теории поиска цели закона. К примеру, в деле *Irwin v. Gavit*[187]. Холмс отклонил явно текстуалистские доводы другого судьи и истолковал закон о подоходном налоге так, чтобы «была

---

[182] См.: *Pound R.* Common law and legislation // Harvard Law Review. 1908. Vol. 21. P. 385.
[183] См.: *Pound R.* Common law and legislation // Harvard Law Review. 1908. Vol. 21. P. 387.
[184] См.: Ibid. P. 385.
[185] См.: *Pound R.* Spurious interpretation // Columbia Law Review. 1907. Vol. 7. P. 379, 381.
[186] См.: *Holmes O. W.* (jr.) The theory of legal interpretation // Harvard Law Review. 1899. Vol. 12. P. 417, 419; U.S. v. Officers & Crew of U.S. Steamer Mangrove (1903).
[187] См.: Irwin v. Gavit (1925) // The United States Reports. Vol. 268. P. 161, 166.

достигнута общая цель закона». К тому же такой фразой он, вероятно, обозначил недопустимость сужения смысла текста закона в интересах общего права, равно как и применения недостоверных источников об истории законодательных обсуждений. Тем не менее практическая деятельность Холмса иногда «грешила» фразами о «многозначности слов» в тексте закона.

Более уверенную позицию, утвердившую теорию поиска цели закона, занимали судьи середины XX в. Лернед Хэнд (Второй апелляционный округ США) и Феликс Франкфуртер (Верховный суд США). Квинтэссенцией точки зрения Хэнда считается следующее его высказывание: «Безусловно, используемые слова, в том числе в их буквальном значении, являются основным и обычно наиболее достоверным источником толкования смысла любого письменного документа: будь то закон, договор или же любой другой документ. Однако признаком зрелой и сформировавшейся системы права является не построение правовой крепости из словарей, а понимание принципа наличия конечной цели и объекта конкретного закона, которых он призван достичь, активный и творческий поиск которых и является лучшим помощником в определении их значения»[188]. Примером позиции Хэнда может служить дело *Lehigh Valley Coal Co. v. Yensavage*[189], где судья истолковал понятие «работник» без использования конструкции общего права, а более широко, исходя из общей цели закона, направленного на защиту работников шахты от потенциально опасных условий труда. Работодатель смог избежать в своих договорных отношениях использования традиционного понятия «работник», однако судья Хэнд все же распространил действие данного закона на этот случай, поскольку считал «абсурдным» приравнивание работников шахты, не имеющих ни капитала, ни самостоятельной финансовой ответственности, к независимым подрядчикам, на чем настаивал ответчик[190]. Свои взгляды Хэнд также отразил в сборнике статей

---

[188] См.: Cabell v. Markham (1945) // Federal Reporter. Second Series. Vol. 148. P. 737, 739.

[189] См.: Federal Reporter. Vol. 218. P. 547; NLRB v. Hearst Publications, Inc. (1944) // The United States Reports. Vol. 111.

[190] См.: Federal Reporter. Vol. 218. P. 553.

под названием «Дух свободы»[191], где он высказывал опасения по поводу «угадывания» судьями того, что не сказал законодатель, а также относительно предпочтения при решении дела «здравого смысла» тексту закона[192]. Таким образом, Хэнд может считаться сторонником строгого поиска цели закона, когда судья не вкладывает в текст закона больше, чем он должен, но и делает все возможное для достижения общей цели статута.

Несколько иную позицию занимал Феликс Франкфуртер. Имея большой политический и управленческий опыт за плечами, судья пытался найти пограничный вариант взаимодействия текста закона и иных источников выяснения общей цели закона: «Задача суда в том, чтобы толковать не просто английский язык, а язык Конгресса; проблема заключается не в том, чтобы определить, что значат обычные английские слова, а в том, чтобы выяснить, что Конгресс имел под ними в виду»[193]. Особенностью практики Франкфуртера является поиск цели закона через анализ множества иных законов схожей направленности, выявления их совокупной общей цели для толкования иного, но схожего законодательства. Примером может служить дело *United States v. Hutcheson* (1941)[194]. Принятый в 1890 г. закон Шермана установил, что некоторые виды объединений работников являются уголовно наказуемыми. Последующие законы 1932 г. не давали четкого ответа на вопрос, признаются ли уголовно противоправными межсоюзные объединения работников, и поскольку по вопросам трудовых организаций в Конгрессе постоянно были разногласия, смелое решение судьи о декриминализации таких объединений на основе анализа дебатов и прений Конгресса вызвало много критических замечаний в адрес судьи, вплоть до обвинений в узурпации системы разделения властей[195].

---

[191] См.: *Hand L.* The spirit of liberty. 3rd ed., enl. Chicago : University of Chicago Press, 1977. 262 p.

[192] См.: *Hand L.* How far is a judge free in rendering a decision // Spirit of Liberty / L. Hand. Chicago : University of Chicago Press, 1960. P. 103–110.

[193] См.: Commissioner v. Acker (1959) // The United States Reports. Vol. 464. P. 206, 214.

[194] См.: The United States Reports. Vol. 312. P. 219.

[195] См.: Ibid. P. 246.

Как видно, «борьба» разных точек зрения привела к формированию двух групп ученых, которых условно можно назвать «реалистами права» и «процессуалистами». Первые были открытыми сторонниками теории поиска общей цели закона: они верили в социологию права, которая определяет способность законодателей и судей работать в тандеме для достижения общей цели закона через его толкование, а значит, и общего блага. Процессуалисты, напротив, возлагали большие надежды на здравый смысл судей, ожидая, что они *обязаны* определить, какое значение следует придавать толкуемым понятиям в тексте закона, используя общую цель закона как ориентир своей деятельности[196]. Поскольку в данной ситуации найти «общий знаменатель» было крайне трудно, то дальнейшее развитие теории толкования норм права в США «столкнулось» с новыми реалиями – отказом от чрезмерного оптимизма в отношении роли и силы законодательного процесса, на которые полагались сторонники современного подхода поиска общей цели закона для толкования, равно как и отказом от восстановления веры в роль и силу судебного процесса и компетентность судей в вопросе толкования. Появляется так называемая современная пограничная (между описанными выше тенденциями) теория «простого судейства» (*ordinary judging*), выдвинутая правоведом *William D. Popkin*, а также ряд других теорий, которые мы более подробно рассмотрим в последующих главах. Теория «простого судейства» восходит к идее правового прагматизма, но при этом отражает роль законодательства в его временном ракурсе, принимая во внимание как прошлое, так и будущее конкретного закона[197]. Вера в силу законодательства не выдержала испытания серьезными социально-политическими обстоятельствами XX в.: Вторая мировая война политизировала законотворческий процесс, дав основания сомневаться в выраженности именно публичной воли в тексте законов. Все это привело к борьбе двух основных тенденций толкования норм права: 1) с одной стороны, судьи пытались скорректировать закон через определение

---

[196] См.: *Hart H. M.* (jr.), Sacks A. M. The legal process : basic problems in the making and application of law. St. Paul : Foundation Press, 1994. P. 1374.

[197] См.: *Popkin W. D.* Statutes in court: the history and theory of statutory interpretation. Durham ; London : Duke University Press, 1999. P. 151.

законодательного намерения; 2) а с другой стороны, укоренялась теория строгого толкования текста закона. Вопрос о развитии и взаимовлиянии этих двух тенденций в наше время будет рассмотрен в следующей главе диссертационного исследования.

Подводя итоги главы 1, необходимо еще раз отметить поступательное движение и развитие теорий и правил системы толкования норм права как в Англии и Уэльсе, так и в США.

Рост самостоятельности Парламента как законодательного органа в XVI–XVII вв. в Англии заложил основы современной системы толкования норм права. В результате отхода от совмещения должностей законодателя и судьи в одном лице, толкование норм права стало обретать новый смысл: это было и толкование как поиск справедливости по праву, и сочленение Плауденом тела и духа закона через букву закона и причину его принятия, это было и достигнутое торжество общего права над законодательством в деле *Thomas Bonham v. College of Physicians*, и установленный в свое время Блэкстоном принцип верховенства закона по отношению к праву справедливости. Ранний текстуализм продолжил свое победоносное шествие в XIX веке, ведь он был подстроен под систему судебных прецедентов, которые в определенной мере «корректировали» законы. Позднее же установился принцип оценки ясного смысла текста закона как основного критерия толкования нормы права. Бенсон настаивал на том, что судья не должен спекулировать на смысле толкуемой нормы права, если ее текст четко и ясно разъясняет порядок действия такой нормы. Наряду с этим оформляется принцип строгого толкования отрасли уголовного права, тогда как в процессуальном праве наблюдается весьма широкая свобода толкования.

Однако с течением времени правоведы приходят к выводу, что однозначной и четкой системы толкования норм права достичь сложно, и предлагают внедрение правового механизма сосуществования различных подходов и правил толкования: *mischief rule, literal rule, golden rule, purposive approach.* Все подходы и правила толкования находятся в постоянном взаимовлиянии и взаимосвязи,

которые мы подробнее рассмотрим в последующих главах настоящей диссертации. Переплетаясь, «обрастая» прецедентами и имея каждый свою многовековую историю развития, данные подходы и правила формируют огромный пласт правовой информации для любого юриста-практика Англии и Уэльса, которую он обязан учитывать при решении конкретного дела в суде. Казалось бы, принятие закона «О толковании» 1978 г. должно было внести ясность и единство воззрений на проблему токования норм права Англии и Уэльса, однако (как уже говорилось выше) данный закон носит общий и даже в некоторой мере юридико-технический характер, для того, чтобы всецело регулировать систему толкования норм права.

Тем не менее историческая ретроспектива способна помочь разобраться в том, как именно и под влиянием каких факторов были сформированы действующие и по сей день правила толкования, а также раскрыть причинно-следственные связи взаимодействия разных подходов к толкованию, особенно в свете наличия внешних и внутренних средств толкования, выработанных современной практикой.

Говоря о США, стоит начать с того, что по сравнению с Великобританией, при всей однородности институтов системы общего права, в США суверенность законотворческого процесса все же оформилась значительно раньше. Переселенцы всемерно отрицали феодальность и аристократичность английской системы государственного устройства, а значит, и английской системы права. Тем не менее отход от системы права Англии был очень постепенным и осторожным. Возрастающее число принимаемых в США законов внушало недоверие юридического сообщества к системе толкования этих законов судебными инстанциями. Различия наблюдались также на уровне штатов и федерации: если в штатах повсеместно была предпринята попытка осуществить контроль за судьями через закон и процедуры назначения судей и смещения их с должности, то на уровне федерации наблюдалась практика предоставления судьям независимости. Выход из ситуации был найден через развитие теории разделения властей: через «герметизированный отсек» толкования, систему сдержек и противовесов и

распространенный запрет занимать нескольких должностей одновременно. Борьба общего права и права справедливости как квинтэссенции здравого смысла с ролью закона активно продолжалась и в XVIII в. В итоге к его концу удалось совершить отход от субъективности судебного усмотрения, да и в целом от английских правовых традиций через принятие Конституции 1787 г., которая установила четкую иерархию как системы права, так и системы государственного устройства в целом.

Предпринятая в XIX в. попытка установить доверие к закону, а значит, и к толкованию в целом привела к постепенному доктринальному переходу от всеобъемлющего уважения общего права в толковании (Кент, Стори) к формированию позиции допущения исключения из строгого толкования в пользу фундаментальных прав и свобод человека (Либер), и в конечном итоге – к ярому противоборству с правом справедливости (Смит, Сэджвик) и полному признанию главенства текста закона. Судья Маршалл сформулировал «золотое» правило толкования, в соответствии с которым строгое толкование может «разбиться» лишь о правовой айсберг «абсурдности» судебного решения. Однако закон все еще «борется» за существование. В XX в. с подачи Паунда и Холмса появляется новый подход к толкованию – поиск цели закона (*purposivism*). Данный подход, теоретические основы которого развивали Хэнд и Франкфуртер, делит юридическое сообщество на реалистов права и процессуалистов, но при этом формирует основную тенденцию современного толкования – борьбу главенства текста закона и поиска намерения законодателя, что будет более подробно рассмотрено в последующих главах.

Так, и в Англии, и в США исторически толкование прошло тернистый путь, сначала претендуя на то, чтобы быть признанным неотъемлемой частью системы права, а затем – отстаивая свою роль в формировании этой системы. Однако сегодня не осталось сомнений в том, что путь поиска наиболее подходящего правила толкования нормы права для разрешения конкретного дела и есть одна из основных задач как законодателя, так и судьи.

Глава 2. Теории толкования норм права в Англии и США

§ 2.1. Толкование на базе выявления «законодательного намерения»

Терминология. Необходимо подробнее остановиться на понятии «толкование» в системе общего права. Данный институт в Великобритании и США подразделяется на два вида познавательной деятельности: первый – *interpretation* (толкование-уяснение) и второй, более интересный с точки зрения нашего исследования вид – *construction* (толкование-разъяснение). В первом случае речь идет о восприятии нормы права субъектом толкования при отсутствии какой-либо двойственности прочтения данной нормы, тогда как второй случай касается выяснения истинного значения толкуемой нормы при возникновении сомнения. Именно во втором случае субъект толкования сталкивается с необходимостью применять весь арсенал средств и способов толкования, основываясь на той или иной теории толкования, и именно в рамках этого процесса спорной норме права дается «толкование» в значении *construction*, когда смысл нормы доводится до сведения заинтересованного круга лиц. Поэтому в интересах терминологической определенности в настоящей работе понятие «толкование» будет использовано в значении «толкования-разъяснения» *(construction)*. Также исходя из необходимости четкого терминологического разграничения, понятие «общее право» не следует отождествлять с понятием «английское право» или «британское право». Строго говоря, как резонно отмечает Р. Давид, сфера применения английского права ограничивается только **Англией и Уэльсом**. Оно не является ни правом Объединенного Королевства, ни правом Великобритании, поскольку такие их составляющие части, как Северная Ирландия, Шотландия, острова Ла-Манша и остров Мэн, не подчиняются английскому праву[198]. Потому несмотря на то, что английское право составляет

[198] См.: *Давид Р.* Основные правовые системы современности : (сравнит. право) / пер. с фр. М. А. Крутоголова и В. А. Туманова. М., 1967. С. 252.

«стержень» британского права в целом, в силу ограниченности предмета настоящей работы канонами и правилами толкования, выработанными английским правом, а не шотландским или ирландским, в соответствующих разделах и главах данной работы мы будем придерживаться строгой терминологии географического региона изучения – *Англии*. Тем не менее в тексте закона Великобритании «О толковании» будут приведены и статьи, касающиеся Северной Ирландии и Шотландии. В заключение, необходимо отметить, что в предмет данного исследования не входит рассмотрение особенностей толкования норм Конституции США, требующих освещения в рамках отдельной работы ввиду верховенства данного акта в иерархии нормативных источников права США, сложившейся собственной прецедентной базы толкования норм права, а также применения более строгих концептуальных подходов, правил и приемов толкования норм Конституции США.

По словам Бенниона[199], одного из самых влиятельных английских правоведов современности в вопросе толкования норм права, «точкой отсчета» в статутном толковании является «нормативный акт, значение которого в отношении конкретной фактической ситуации и следует выяснить»[200]. Текст такого нормативного акта может быть определен и как закон, принятый Парламентом, и как отдельное положение закона, или даже как совокупность различных положений нескольких законов. Определив объем толкуемого текста, интерпретаторы могут приступать к толкованию, что также часто приводит к необходимости решения вопроса о выявлении «воли законодателя» или же поиска «намерения Парламента». Это происходит в связи с тем, что судьи часто подвергаются критике в своей строгой «привязанности» к словам закона без учета и попытки выяснить предшествовавшее принятию закона намерение Парламента. Таким образом в статутном толковании есть два основных процесса: анализ

[199] Фрэнсис Алан Роско Беннион (1923–2015) – барристер Соединенного Королевства. Автор ряда ведущих юридических книг Великобритании, включая «Статутное толкование» 1984 г.

[200] См.: *Bennion F. A. R.* Statutory interpretation. London : Buterworths, 1990. P. 137.

текста закона и попытка выявления законодательного намерения – и судья должен стараться их гармонизировать. Однако такое восприятие несколько обманчиво: в английской правовой доктрине все же преобладает мнение о том, что эти процессы тесно связаны, но предпочтение отдается тексту закона, в котором уже выявлена и отражена воля законодателя. Такая позиция берет свое начало в общем подходе к пониманию значения любого текста, как юридического, так и нет[201]. Роль судьи заключается в том, чтобы искать намерение авторов закона исходя из того, что написано в тексте закона, а не на основе субъективного мнения этих авторов (если предположить, что оно все же может быть достоверно установлено). Таким образом, обозначенная выше критика судей в их излишней привязанности к тексту закона относится не к тому, что судьи выбирают неправильный предмет толкования, а скорее к тому, что они при толковании используют весьма узконаправленный подход к оценке контекста, в котором должен читаться текст закона. Далее перейдем к рассмотрению «революционного» судебного дела, которое вывело процесс поиска законодательного намерения на качественно новый уровень.

Говоря об **Англии** в контексте данной главы, следует упомянуть дело *Pepper v. Hart*[202] 1992 г. Данное дело иллюстрирует степень отличия подхода выявления «законодательного намерения» от иных подходов. Вкратце изложим суть спора. Педагогам колледжа Малверн (частной школы) была предложена льготная ставка для членских взносов (1/5 от обычной ставки) по оплате обучения их детей в школе, если имеются свободные места. Налогообложение данного дохода производилось в соответствии с п. 61(1) закона «О бюджете» 1976 г. по статье «денежные средства, эквивалентные доходу, получаемому работником от работодателя». Однако п. 63(1) и 63(2) предусматривали, что такие

---

[201] См., например: *Abraham K. S.* Statutory interpretation and literary theory : some common concerns of an unlikely pair // Rutgers Law Review. 1979. Vol. 32. P. 676; Interpretation Symposium // Southern California Law Review. 1985. Vol. 58, nr 1; *Fish S.* Doing what comes naturally : change, rhetoric, and the practice of theory in literary & legal studies. Durham : Duke University Press, 1990. 624 p.

[202] См.: *Cross R., Bell J., Engle G.* Statutory interpretation. 3rd ed. Oxford : Oxford University Press, 2006. P. 3.

«эквивалентные денежные средства» должны исчисляться исходя из «стоимости предоставленного блага» (*cost of benefit*), которое выражалось в расходах работодателя по предоставлению этого блага. Налоговое управление и Апелляционный суд истолковали понятие «расходы работодателя на предоставление блага» как подразумевающее под собой сумму, равную льготе, полученной педагогами (т.е. 4/5 от обычного взноса). Дело дошло до Палаты лордов, которая в своем большинстве была решительно настроена на отклонение апелляции педагогов о том, что с них налог не должен взиматься. Тем не менее судья Гриффит обратил внимание лордов на историю принятия закона «О бюджете» 1976 г., в ходе изучения которой выяснилось, что Парламент не намеревался облагать налогом педагогов в данном случае. В процессе прохождения законом стадии обсуждения в комитетах абзац об уточнении такого подхода к налогообложению был *намеренно* удален. Если бы его оставили в законе, то с педагогов вполне можно было бы взыскать налог на неуплаченную сумму льготы. Однако члены Парламента предусмотрели такую возможность и исключили уточняющие положения из закона. Расходы работодателя на предоставление данной льготы минимальны, как заявил судья Гриффит после анализа «законодательного намерения», и выражаются в принятии данных детей в школу, что представляет собой административную процедуру, не требующую больших материальных затрат. Дело было отправлено на новое рассмотрение, и педагоги в итоге добились своего права не платить налог на данную льготу[203]. Так, данное дело утвердило в последующей прецедентной практике по-новому открытый, но уже существовавший источник толкования – отчеты обсуждений комитетов и дебаты в Парламенте[204].

До принятия решения по делу *Pepper v. Hart* общим правилом был запрет на использование официальных отчетов о заседаниях английского Парламента

---

[203] См.: *Cross R., Bell J., Engle G.* Statutory interpretation. 3rd ed. Oxford : Oxford University Press, 2006. P. 18–19.

[204] См. подробнее: *Dickerson R.* The interpretation and application of statutes. Boston : Little, Brown & Co, 1975. P. 7; *MacCallum G. S.* Legislative intent // Yale Law Journal. 1966. Vol. 75. P. 754.

(*Hansard*[205]) для целей толкования статута[206]. По сути, дело *Pepper v. Hart* радикально не изменило общего правила о запрете. Однако в этом деле лорд Брауни-Уилкинсон установил четкие критерии использования таких отчетов:

(а) если законодательство является двусмысленным или неясным («туманным»), или ведет к принятию абсурдного решения;

(б) если материалы, на которые дается ссылка при толковании, состоят из одного или нескольких утверждений министра или другого инициатора закона, совместно с иными парламентскими материалами, необходимыми для выяснения значения этих утверждений;

(в) если утверждения, на которые дается ссылка, являются четкими и ясными.

В случае с делом *Pepper v. Hart* именно министром было дано разъяснение о том, как следует применять закон. Данное разъяснение гласило, что ст. 63(2) закона «О бюджете» 1976 г. предполагала рассмотрение предоставляемой педагогам льготы с налоговой точки зрения как расходов работодателя, а не полной коммерческой стоимости обучения детей в частной школе, с которой должен взиматься налог. Наличие столь четких критериев применения истории принятия закона способствует правовой стабильности в судебной практике.

Другим ярким примером применения *Hansard* может служить дело *R v. Warwickshire County Council, ex parte Johnson* (1993)[207]. При вынесении решения лорд Роскилл ссылался на заявление лорда Бивербрука, министра, инициировавшего принятие закона, на стадии обсуждения в отношении того, кто должен подвергнуться уголовному преследованию по закону (впоследствии

---

[205] Hansard («Хансард») – традиционное название для обозначения официальной стенограммы заседаний палат Парламента в Великобритании и странах Британского Содружества, по имени Томаса Хансарда (1776–1833), первого лондонского издателя, официально нанятого Парламентом Вестминстера. Стоит отметить, что на сегодняшний день в отчетах заседаний удаляются повторы и ошибки технического и грамматического характера, а также излишне долгие обсуждения, не влияющие на суть рассматриваемого вопроса.

[206] См.: Beswick v. Beswick (1968) // Appeal Cases. Vol. 58; Davis v. Johnson (1979) // Appeal Cases. Vol. 1. P. 264; Hadmor Productions Ltd v. Hamilton (1983) // Appeal Cases. Vol. 1. P. 191.

[207] См.: All England Law Reports. Vol. 1. P. 299. См. также: Steele Ford & Newton (a firm) v Crown Prosecution Service (1993) // The All England Law Reports. Vol. 2. P. 769.

ставшем законом «О защите прав потребителя» 1987 г.). Дело касалось управляющего (работника по найму) магазина розничной торговли *Dixons*, против которого выдвигалось обвинение по ст. 20 закона «О защите прав потребителя» о предоставлении вводящей в заблуждение информации о цене ***в ходе осуществления торговой деятельности (in the course of a business of his).*** Управляющий заявлял, что как директор он не может быть привлечен к ответственности, поскольку торговой деятельностью занимается именно компания *Dixons Stores Group Ltd*. Палата лордов поддержала данный аргумент, ссылаясь на заявления в ходе парламентских дебатов о том, что фраза *"a business of his"* в законе относилась именно к деятельности торговых компаний, а не частных лиц – директоров, менеджеров, помощников продавцов и т.д.

Основными аргументами **против** использования *Hansard* являются:

1) рост судебных издержек, а также более длительное рассмотрение дела в суде, поскольку если бы данный источник толкования всегда принимался судом, то юристы были бы *обязаны* прибегать к его рассмотрению каждый раз, что также увеличило бы расходы сторон на юридическую помощь;

2) достоверность утверждений, полученных после изучения материалов;

3) цитирование материалов практически в каждом судебном деле о толковании[208].

Однако в первом случае было отмечено, что такая проблема все же решаема. Современные технологии позволяют собрать интересующие парламентские материалы довольно быстро, что снижает размер издержек. Также опыт использования данного источника толкования в Австралии и Новой Зеландии показывает, что опасения об увеличении сроков рассмотрения дела и удорожании расходов на юридическую помощь преувеличены. Ставка делается на здравый смысл судьи, который не позволит тратить время на изучение лишних материалов. За попытки увеличить срок рассмотрения дела за счет затягивания

---

[208] См.: *Cross R., Bell J., Engle G.* Statutory interpretation. 3rd ed. Oxford : Oxford University Press, 2006. P. 158–160; *Викторова Э. Ю.* Теория выявления намерения законодателя в толковании права в Англии и США // Труды Института государства и права РАН. 2019. – Т. 14, № 2. – С. 186–206.

процесса изучения истории принятия закона юристы могут быть оштрафованы судом через присуждение стороне значительных судебных издержек.

Во втором случае обеспокоенность вызвана прежде всего тем, что члены Парламента в ходе обсуждения закона могут намеренно лоббировать интересы каких-либо групп, зная, что повторное прочтение дебатов может оказать влияние на судью. Лорд Хэйлсман также высказывал следующие опасения по этому поводу: *«С практической точки зрения я не вижу, как коллективная воля Парламента в процессе прохождения законом всех стадий обсуждения в обеих Палатах может отличаться от частных высказываний отдельных членов Парламента из разных групп, в разное время суток, направленных на разное число слушателей в аудитории по самым различным вопросам… То, что было сказано министром или членом Парламента в 2 часа в жаркий июньский день на стадии обсуждения закона, больше запутает, чем прояснит ситуацию… не говоря уже о нежелательности какой-либо судебной критики такого утверждения»*[209].

В третьем случае следует привести в пример дело *Petch v. Gurney (Inspector of Taxes)*, в котором лорд Миллетт указал, что значение п. 4 ст. 56 закона «О налоговом администрировании» 1970 г. было «слишком ясным для обсуждения» и обращение к материалам истории принятия закона было бы излишним. Тем не менее он все же указал, что парламентские материалы, представленные ранее юристом одной из сторон по делу, поддерживают его толкование статьи. На практике получается – судьи ***обязаны*** рассмотреть аргументы, основанные на изучении парламентских материалов, только когда значение закона двусмысленно, туманно или буквальное его прочтение может вести к абсурдному результату. Но по факту юристы сторон часто пользуются этим приемом дополнительного влияния на мнение суда, проводя самостоятельные поиски материалов истории принятия закона за рамками требований закона[210].

---

[209] См.: *Hogg Q.* Hamlyn revisited : the british legal system today. London : Sweet & Maxwell, 1983. P. 69.

[210] См.: Practice Note (procedures : reference to Hansard) [1995] // All England Law Reports. Vol. 1. P. 234; Rules of civil court practice. London : Butterworths, 1996. В российской теории

Здесь необходимо также остановиться на теоретическом обосновании применения истории принятия закона при толковании норм права – это так называемый **прием толкования исходя из цели закона (*purposive approach*)**. Этот прием ассоциируется с другим приемом толкования – *mischief rule*, о котором мы поговорим в § 3 настоящей главы, но он представляет собой более свободную версию *mischief rule*. Обоснование приема толкования исходя из цели закона дал лорд Деннинг в деле *Magor and St Mellons Rural District Council v. Newport Corporation* (1952): *«Мы находимся здесь не для того, чтобы разобрать слова членов Парламента по кускам и превратить их в бессмыслицу… мы находимся здесь для выявления воли и намерения Парламента, которые нам предстоит исполнить, и сделаем мы это лучше всего путем заполнения пробелов в тексте закона, которые мешают ему работать, а не путем деструктивного анализа»*[211]. Поначалу при апелляции по данному делу Палата лордов описала данный подход как «*полностью узурпирующий судебную функцию… под предлогом решения вопроса о толковании… Если выявлен пробел в законе, то лучшим способом его устранения должен стать закон, вносящий в него изменения*». Однако с течением времени Палата лордов пришла к выводу – все же данный прием толкования можно использовать в некоторых случаях. Одним из относительно современных дел, в которых вопрос о толковании был решен в пользу применения *purposive approach*, было дело *R (Quintavalle) v. Secretary of State for Health* (2003). Речь шла о толковании закона «Об оплодотворении человека и эмбриологии» 1990 г. Так, ст. 1 данного закона определяет эмбрион как «живой человеческий эмбрион с завершенным процессом оплодотворения», и использование эмбрионов должно регулироваться только государственным органом, а именно Управлением по оплодотворению и эмбриологии человека (HFEA). Однако уже после принятия закона учеными был изобретен новый

права данный контекст толкования раскрывается А. К. Соболевой и В. А. Тураниным. См.: *Соболева А. К.* Законодательная дефиниция как способ преодоления многозначности слова в юридическом дискурсе // Юридическая техника. 2007. № 1. С. 116–122; *Туранин В. Ю.* Феномен юридической терминологии : монография / под ред. Н. А. Власенко. М. : Юрлитинформ, 2018. 184 с. (Теория и история государства и права).

[211] См.: *Elliott C., Quinn F.* English legal system. Harlow : Pearson, 2014. P. 59.

способ оплодотворения через клонирование, когда создание эмбриона происходит не за счет оплодотворения яйцеклетки, а за счет пересадки клетки другого человека в ядро яйцеклетки. Позиция государственных органов в споре заключалась в том, что данный вид оплодотворения должен, тем не менее, подпадать под сферу регулирования HFEA. Истцы (организация «За жизнь» – *Pro-Life Alliance*) просили суд признать, что HFEA действует за рамками своих полномочий. Палата лордов решила обратиться к намерению Парламента при принятии данного закона. Было отмечено: «Маятник качнулся в пользу толкования исходя из цели закона вследствие влияния европейских тенденций толкования». Итогом решения стало признание того факта, что Парламент не ставил задачу исключить клонированное оплодотворение из числа объектов регулирования закона[212].

Все же нельзя с уверенностью сказать, что в Англии толкование на базе выявления «законодательного намерения» единогласно принимается всеми правоведами. К примеру, лорд Скарман по этому поводу говорил следующее: *«Если Парламент… говорит одно, а имеет в виду другое, то, согласно историческим принципам общего права, это не дает судам прерогативы исправлять такое несоответствие. Этот общий принцип должен безоговорочно действовать в обществе: мы должны быть связаны не намерениями Парламента, а его нормативными актами»*[213].

Важно отметить, что «намерение Парламента» в отношении общей цели принятия того или иного закона не должно означать, по мнению английских юристов, конкретного намерения или мнения отдельных членов Парламента, поскольку в момент обсуждения закона многие из членов Парламента могут отсутствовать (быть за рубежом) и даже не знать о существовании закона[214]. Некоторые английские юристы придерживаются теории «агентских отношений» в Парламенте. Речь идет о взаимоотношениях инициаторов закона и составителей

---

[212] См.: *Elliott C., Quinn F.* English legal system. Harlow : Pearson, 2014. P. 60.
[213] См.: House of Lord Official Report. 5th Series. 1981. Vol. 418 (9 march). Col. 65.
[214] См.: *Marshall G.* Constitutional theory. Oxford : Clarendon Press, 1971. P. 76.

его текста. Иными словами, инициаторы закона объясняют составителям текста свое намерение, а составители уже воплощают его в формулировках норм статутов, а значит, действуют как агенты инициаторов закона. По данному поводу лорд Саймон (из Глейсдейла) отметил следующее: *«Суд иногда задается вопросом, что именно составитель закона хотел выразить в тексте. Такой вопрос весьма разумен: ведь именно составитель закона точно знает, что хотел передать в тексте инициатор (автор) закона, который в настоящее время почти всегда представляет собой орган исполнительной власти; именно составитель текста знает, какие каноны толкования суды будут применять, и именно он должен выразить свое мнение по неясному тексту закона, которое должно лечь в основу толкования того или иного статута»*. Но составитель текста, тем не менее, не является агентом самого Парламента[215].

Как справедливо отмечает Дворкин, профессор права Оксфордского, Нью-Йоркского и Йельского университетов и ученик сэра Руперта Кросса, «вопрос о законодательном намерении не связан с историческими или гипотетическими взглядами авторов закона, а больше ориентирован на то значение, которое придается тексту закона в конкретных обстоятельствах. Основная задача толкования статута заключается далеко не в том, чтобы реконструировать модель психологического восприятия Парламентом или его авторами/составителями текста закона, а в выявлении того потенциального решения спора, к которому пришли бы члены Парламента, если бы они могли предвидеть возникновение соответствующих не предусмотренных в законе обстоятельств»[216]. Однако в деле *Black-Clawson International Ltd v. Papierwerke Waldhof-Aschaffenburg AG* лорд Рейд довольно четко подметил: *«…мы (судьи) часто говорим, что ищем намерение Парламента, но это не совсем так. Мы ищем значение слов, которое*

---

[215] См.: *Cross R., Bell J., Engle G.* Statutory interpretation. 3rd ed. Oxford : Oxford University Press, 2006. P. 25. В российской юридической науке на важность точности соблюдения логико-языковых требований применительно к юридическим конструкциям указывает Н. А. Власенко. См.: Власенко Н. А. Логико-языковые требования к юридическим конструкциям // Юридическая техника. 2013. № 7 (ч. 2). С. 164–167.

[216] См.: *Dworkin R. M.* Political judges and the rule of law // Proceedings of the British Academy. 1978. Vol. 64. P. 270–274.

использовал Парламент. Мы ищем не то, что Парламент имел в виду, а то истинное значение слов, которое Парламент придал тексту закона». Таким образом, очевидно, что в английской доктрине и практике также нет единого мнения в отношении способов, целей и методологии надлежащего выяснения «законодательного намерения»[217].

Самой распространенной критикой толкования посредством выявления «законодательного намерения» является своеобразное «обвинение» судей в том, что они неправильно понимают задачу толкования. Лорд Оливер высказался по данному поводу следующим образом: «Те, кто заявляет о том, что они способны выявить истинное намерение Парламента при принятии закона, *неправильно понимают* задачу, которую они должны выполнять как судьи и как интерпретаторы законов. Данная задача заключается в том, чтобы при помощи предоставленных судье законом средств – широко принятых презумпций и канонов толкования – определить не спекулятивное и невыраженное намерение Парламента, а сферу действия письменно обозначенных норм права, которые Парламент принял для регулирования прав и обязанностей граждан. Поскольку судья является единственным посредником между законом и гражданином, который обязан ежедневно соблюдать существующие законы, судья должен исходить из толкования закона, которое обычный разумный гражданин Великобритании будет придавать прочитанному тексту. Иными словами, толкование закона должно быть доступно всем»[218].

Но стоит задаться вопросом: как именно установить содержание законодательного намерения? Одним из самых распространенных способов выявления законодательного намерения является **анализ истории принятия** того или иного закона. Однако не менее важно определиться с тем, что именно входит в это понятие. История принятия закона включает в себя: (а) все материалы заседания, предшествовавшие принятию положения, включая соответствующие

---

[217] См.: *Cross R., Bell J., Engle G.* Statutory interpretation. 3rd ed. Oxford : Oxford University Press, 2006. P. 26.

[218] См.: *Oliver P. R.* Judicial view of modern legislation // Statute Law Review. 1993. Vol. 14, iss. 1. P. 2.

положения предыдущих нормативных актов, с любыми изменениями; (б) «предпарламентские» материалы, имеющие отношение к принятому положению или закону в целом, а именно отчеты комитетов и комиссий, изучающих нормы действующего законодательства и предлагающих изменения; (в) парламентские материалы, т.е. сам текст закона (как в первой, так и в последующих его редакциях), пояснительные меморандумы, протоколы заседаний комитетов и парламентских дебатов[219]. Хотя все три вида законодательной истории претендуют на то, чтобы быть и считаться непосредственной частью закона, для их применения есть строгие основания: 1) судья должен быть не уверен в четком понимании смысла текста закона в его контексте, что было определено в деле *A-G v. Prince Ernest Augustus of Hanover* (1957)[220]; 2) должно проводиться разграничение ситуаций, когда история принятия закона используется в поиске оснований для толкования той или иной нормы права, и ситуаций, когда судья получает доступ к такой информации в подтверждение уже данного им толкования. В последнем случае история принятия закона играет вспомогательную роль, так же, как и используемые судьями орфографические и толковые словари[221].

Основной принцип использования законодательной истории на сегодняшний день выражен в деле *Fothergill v. Monarch Airlines Ltd.* (1981)[222]: *«Одной из основных функций судов как субъектов толкования письменного права, отраженного в актах Парламента, часто называется процесс установления "намерения Парламента"; однако данная часто используемая и "удобная*

---

[219] В советской правовой доктрине способ толкования намерений и воли законодателя определялся аналогичным образом. Как отмечал П. Е. Недбайло, «норма права есть также воля законодателя, без которой мысль не может стать нормой, велением, предписанием» (*Недбайло П. Е.* Применение советских правовых норм. М., Госюриздат, 1960. С. 364). С. В. Поленина и Н. В. Сильченко полагают, что основой такого способа толкования могут быть методы типологии, классификации и моделирования в нормотворческой деятельности. См.: *Поленина С. В. Сильченко Н. В.* Научные основы типологии нормативно-правовых актов в СССР / отв. ред. Р. О. Халфина; Акад. наук СССР, Ин-т гос-ва и права. М. : Наука, 1987. 150 с.

[220] См.: All England Law Reports. Vol. 1. P. 49.

[221] См.: *Cross R., Bell J., Engle G.* Statutory interpretation. 3rd ed. Oxford : Oxford University Press, 2006. P. 152.

[222] См.: Appeal Cases. Vol. 1. P. 251, 279–280.

метафора" не отражает роли суда в процессе толкования как медиатора между государством при выполнении своей законотворческой функции и частными гражданами, для которых нормы права, устанавливаемые Парламентом, обязательны для исполнения и санкционированы исполнительной властью. Доступ к правосудию требует, по меньшей мере, правовой ясности, т.е. гражданин, связанный нормами права, должен иметь возможность четко установить все правовые источники для толкования нормы. Источником, к которому должен отсылать Парламент, является сам текст закона: именно в нем и выражаются намерения и логика членов законодательного органа. Если текст закона точен и недвусмыслен, а также не приводит решение к абсурдному или заведомо неразумному результату, было бы крайне несправедливо полагать, что гражданин должен отыскивать материалы истории принятия закона с целью выяснить, содержат ли они свидетельство иного намерения Парламента, чем то, что было отражено в тексте закона»[223].

Данный подход однако дополняется мнением лорда Гриффита в деле *Pepper v. Hart* (1992)[224]: *«Суды в настоящее время чаще применяют целевой принцип толкования, который ставит своей задачей поиск истинной цели принятия того или иного закона, а значит, готовы рассматривать довольно обширный объем материалов, связанных с принятием закона».* Таким образом, правила, используемые судами при толковании норм права, демонстрируют некий компромисс между жесткими правовыми требованиями четко придерживаться текста закона и «верностью» намерениям Парламента.

Необходимо также отметить, что в деле *R v. Secretary of State for the Environment, Transport and the Regions, ex parte Spath Holme Ltd* (2001) Палата лордов дала строгое толкование применению прецедента *Pepper v. Hart.* Истцом была компания-арендодатель некоторой собственности, ходатайствующая о судебном пересмотре приказа об арендной плате 1999 г., принятого в

[223] См.: *Cross R., Bell J., Engle G.* Statutory interpretation. 3rd ed. Oxford : Oxford University Press, 2006. P. 153.

[224] См.: All England Law Reports. Vol. 1. P. 42–50.

соответствии со ст. 31 закона «Об арендодателе и арендаторе» 1985 г. Истец полагал – приказ подлежит пересмотру, поскольку он не учитывает интересы арендатора по вопросу повышения размера арендной платы в отношении некоторых видов имущества, тогда как прочтение *Hansard* позволяло сделать выводы о том, что издание таких приказов должно было способствовать исключительно снижению инфляционного бремени арендаторов. Палата лордов постановила следующее: вопрос о толковании в деле *Pepper v. Hart* затрагивал лишь фразу «стоимость полученного блага» (*the cost of a benefit*) и министр дал исчерпывающее пояснение значения этой фразы. В данном же деле речь больше идет о направленности закона, его политике, а не о смысле конкретной фразы, поэтому использование парламентских материалов недопустимо[225].

В другом деле – *Wilson v. Secretary of State for Trade and Industry* (2004) – Палата лордов опять дала строгое толкование применению дела *Pepper v. Hart.* На этот раз речь шла о том, что пояснения слов (употребленных в законе) может быть предложено только министром или иным инициатором закона. Остальные утверждения, закрепленные в *Hansard*, должны игнорироваться. Это решение имело весьма серьезное обоснование. Конституционный принцип организации государственной власти в Великобритании устанавливает норму о разделении властей – законодательной и судебной, в частности. Парламент принимает законы, а суды их толкуют. Например, ст. 9 Билля о правах 1689 г. гласит, что «свобода слова и дебатов в Парламенте не должны ставиться под вопрос в суде или ином, чем Парламент, месте». Поэтому в деле *Wilson v. Secretary of State for Trade and Industry* Палата лордов установила, что дополнительному изучению и выяснению подлежат только слова в законе, а не политика законодательного акта. Использовать *Hansard* **допустимо** лишь в случае, когда неясность возникает в отношении конкретных слов или формулировок закона, а не направленности действия закона в целом[226]. Таким образом, эти два дела ограничили сферу

[225] См.: *Steyn J.* Pepper v Hart : a re-examination // Oxford Journal of Legal Studies. 2001. Vol. 21, nr 1. P. 59.

[226] См.: *Elliott C., Quinn F.* English legal system. Harlow : Pearson, 2014. P. 67.

применения истории принятия закона, однако сам факт допустимости этого источника толкования в правовом поле Великобритании уже является революционным.

Несмотря на широкую полемику по вопросу применения данного юридического института, способ толкования через определение «намерения Парламента» является одним из самых распространенных в Англии на сегодняшний день. При всей сложности выбора правильного способа поиска этого намерения, при всех возможных расхождениях в применении данного способа от судьи к судье, английская доктрина и практика подтверждают весомость целевого толкования по меньшей мере в той же степени, что и толкования на базе текста закона.

Толкование данного типа в **США** имеет довольно длительную прецедентную историю[227]. Основная идея, положенная в основу данной теории, предусматривает, что соблюдение закона должно быть четко согласовано с **целью** его принятия. Ведь авторы закона являются всенародно избранными представителями граждан США в Конгрессе, а значит, граждане, государственные агентства и судьи должны применять данные законы так, чтобы такое применение совпадало с ожиданиями авторов законов. Казалось бы, данный подход очень прост и доходчив, однако споры начинаются там, где встает вопрос о том, что представляет собой само «законодательное намерение»[228]. Действительно, является ли законодательным намерением *конкретное намерение* законодателя, проявившееся в том, как был решен вопрос о действии закона в пространстве, времени и по кругу лиц? Или это *абстрактное намерение* законодателя, которое

---

[227] См., например: Commissioner v. Engle (1984) // The United States Reports. Vol. 464. P. 206, 214; Posner R. The federal courts : crisis and reform. Cambridge : Harvard University Press, 1985. P. 286–293; *Hand L.* The spirit of liberty. 3rd ed., enl. Chicago : University of Chicago Press, 1977. P. 103, 105–110. Первая публикация оригинала XVI в. на данную тему была осуществлена в 1942 г. Сэмюелем Торном (A Discourse Upon the Exposicion & Understandinge of Statutes With Sir Thomas Egerton's Additions) [*орфография оригинала сохранена*].

[228] Для более детального ознакомления с философским подходом к решению этой проблемы см.: *Marmor A.* Interpretation and legal theory. Oxford : Clarendon Press, 1992. 193 p. – отстаивается идея выявления законодательного намерения как основной цели толкования законов; *Waldron J.* Law and disagreement. Oxford : Clarendon Press, 1999. 344 p. – высказывается противоположная точка зрения.

выражается в том, что правоприменитель должен «встать на место» законодателя и рассудить так, как рассудил бы он в конкретном вопросе, не охваченном принятым законом? А может быть, это *общее намерение*, общая цель принятия закона, задача, которую закон призван решить? Самым подходящим ответом на этот вопрос было бы определение законодательного намерения как конкретного намерения законодателя, но данный подход абсолютно бессилен перед проблемой разрешения большинства вопросов, в принципе не охваченных законом и не предусмотренных авторами закона. Если применять второй подход, то по мере отдаления субъектов толкования от сущности толкуемого закона посредством «воссоздания» намерения законодателя теряется демократическая составляющая законодательного процесса, все более проявляется идея и задача правоприменителя в толковании закона. И, наконец, толкование на базе выявления «законодательного намерения» не в состоянии объяснить принятые решения в делах *Church of the Holy Trinity v. United States*[229] и *Steelworkers v. Weber*[230]. Поскольку все теории толкования в США будут так или иначе опираться на эти два прецедента[231], целесообразно рассмотреть их в данной главе.

В 1887 г. Епископальная церковь Святой Троицы в Нью-Йорке наняла священника доктора Эдварда Валпола Уоррена, проживавшего в Англии, на пост настоятеля. Однако в связи с фигурой священника возникла проблема: окружной прокурор г. Нью-Йорка указал на то, что церковь этим действием нарушает закон «О договорном найме иностранцев»[232]. Согласно данному закону, любому физическому или юридическому лицу, партнерству, корпорации запрещалось

---

[229] См. подробнее: The United States Reports. Vol. 143. P. 457. Анализ данного судебного дела основан на следующих монографиях: *Chomsky C.* Unlocking the mysteries of Holy Trinity : spirit, letter, and history in statutory interpretation // Columbia Law Review. 2000. Vol. 100. P. 901; *Eskridge W. N.* (jr.). Textualism, the unknown ideal // Michigan Law Review. 1998. Vol. 96. P. 1509; *Vermeule A.* Legislative history and the limits of judicial competence : the untold story of Holy Trinity Church // Stanford Law Review. 1998. Vol. 50. P. 1833.

[230] См. подробнее: The United States Reports. Vol. 443. P. 193; *Popkin W. D.* Statutes in court : the history and theory of statutory interpretation. Durham; London : Duke University Press, 1999. P. 526-532. Анализ данного судебного дела основан на следующей монографии: *Eskridge W. N.* (jr.). Dynamic statutory interpretation. Cambridge : Harvard University Press, 1994. P. 14–31, 35–44.

[231] См.: *Eskridge W. N.* (jr.), *Frickey P. P., Garrett E.* Legislation and statutory interpretation. 2nd ed. New York : Foundation Press, 2006. P. 222.

[232] См.: Alien Contract Labor Act of 1885, chap. 164, § 1, 23 Stat. 332 (amended 1887, 1888).

«содействовать въезду иностранцев на территорию США по договору, заключенному до такого въезда, с целью осуществлять трудовую деятельность любого рода в США»[233]. Окружной суд Южного округа Нью-Йорка возложил на церковь штраф в размере 1 тыс. долл. США. Однако в феврале 1892 г. Верховный суд США отменил решение окружного суда на том основании, что закон «О договорном найме иностранцев» неприменим к отношениям между церковью и священником. Выступая от имени суда, судья Дэвид Брюйер произнес часто цитируемую фразу: «*Данный случай относится к часто встречающемуся явлению, когда понятие может находиться в рамках буквы закона и одновременно существовать за рамками его духа, вопреки намерениям авторов закона*»[234]. Судья Брюйер пришел к выводу, что закон «О договорном найме иностранцев», несмотря на довольно пространную формулировку текста закона, был все же нацелен на существенное ограничение въезда в США «дешевой, неквалифицированной рабочей силы, а не профессионально подготовленных работников, таких как Уоррен». Такой вывод был сделан им из анализа, в частности, небольшого фрагмента *истории принятия закона*, гласившего, что «данный закон в своей нынешней форме должен толковаться как включающий в сферу своего действия только лиц, занимающихся ручным трудом»[235]. Однако данный прецедент вызывает в юридических кругах немало споров. Судья Энтони Кеннеди, ссылаясь на методологию дела *Holy Trinity*, говорит о «произвольной выборке сомнительных материалов для выяснения законодательного намерения с истинной целью подбора альтернативного толкования закона, которое является более удобным для суда»[236]. Судья Верховного суда США Антонин Скалиа считает дело *Holy Trinity* «типичным случаем триумфа доктрины

---

[233] В оригинале данный пункт статута звучит следующим образом: *«To assist or encourage the importation or migration of any alien or aliens… into the United States… under contract or agreement… made previous to the importation or migration of such alien or aliens… to perform labor or service of any kind in the United States…».*

[234] См.: *Chomsky C.* Unlocking the mysteries of Holy Trinity: spirit, letter, and history in statutory interpretation // Columbia Law Review. 2000. Vol. 100. P. 904.

[235] См.: The United States Reports. Vol. 143. P. 464 (quoting the Senate Report).

[236] См.: Public Citizen v. United States Dep't of Justice (1989) (Kennedy, J., concurring in the judgment) // The United States Reports. Vol. 491. P. 440, 473.

законодательного намерения над текстом закона». Каждый раз, когда «адвокат стремится склонить суд к игнорированию узкого, изолирующего текста закона и обратить внимание на породившее закон намерение законодателя»[237], он ссылается на прецедент *Holy Trinity*. Но мнению судьи Скалиа, этот прием есть не что иное, как побуждение к судебному нормотворчеству. Подтверждая тезис Скалиа, профессор Филипп Фрики из Миннесоты учит своих студентов: «Если закон безнадежно против вас, ссылайтесь на дело *Holy Trinity Church*»[238]. Стоит отметить – ввиду вынесенных решений Конгресс несколькими годами позже внес изменения в закон «О договорном найме иностранцев», прямо разрешив иностранным священникам работать в США. Однако резонанс, вызванный этим прецедентом в вопросе значимости выявления законодательного намерения при толковании статута, а также допустимости использования для этой цели метода анализа истории принятия закона, проявляется до сих пор. Примечательно, что 31 января 1899 г. Уоррен был натурализован в США окружным судом Южного округа Нью-Йорка и перестал быть иностранным священником[239].

Другим противоречивым в выводах и часто обсуждаемым прецедентом в проблеме выбора подхода к толкованию закона, заслуживающим детального рассмотрения, является дело *Steelworkers v. Weber*. Сущность данного дела может быть сведена к вопросу, разрешает ли федеральное антидискриминационное законодательство США работодателям и профсоюзам участвовать в действиях по истребованию компенсации (инициативе «равноправия») за проявление расовых преференций на рабочих местах со стороны работодателя. Данный вопрос намеренно был опущен авторами закона «О гражданских правах» 1964 г. Согласно данному закону, работодатели и профсоюзы могли участвовать в инициативе «равноправия», т.е. устанавливать расовые квоты на рабочие места своих предприятий для «уравновешивания» представителей разных рас в каждом

---

[237] См.: *Scalia A.* A matter of interpretation: Federal Courts and the law. Princeton : Princeton University Press, 1997. P. 18, 21.

[238] См.: *Frickey P. P.* From the big sleep to the big heat : the revival of theory in statutory interpretation // Minnesota Law Review. 1992. Vol. 77. P. 241, 247.

[239] Из письма А.В. Робинсон, внучки Уоррена, к Каролу Чомски, 28 февраля 2000 г.

конкретном случае в зависимости от их численности на предприятии. Однако работник Брайан Вебер[240] из Греймерси, штат Луизиана, решил, что такая квота нарушала его расовые права вопреки действию вышеупомянутого закона. По его мнению, «уравновешивающие» квоты использовали критерий расы, который был дискредитирован революцией гражданских прав в США. Иными словами, широчайшая свобода, которую закон предоставлял работодателям и профсоюзам предприятий по «уравновешиванию» расового представительства (*affirmative action*) с целью более быстрой расовой интеграции граждан США, как правило, проявлялась в том, что определенные расы подвергались прямой дискриминации. Однако судья Джон Уиздом-младший, рассматривавший данное дело в 1979 г. (сам родом из Луизианы), все же пришел к выводу, что толковать данный закон следует так, чтобы учитывалась его «законодательная цель», а именно то, ради чего он принимался. Духом закона, по мнению Уиздома, являлось намерение законодателя предоставить профсоюзам и работодателям право сбалансировать интересы различных рас на предприятиях самостоятельно. Решение Уиздома было поддержано Верховным судом США, однако тут же подверглось критике со стороны консервативно настроенного предвыборного штаба Рональда Рейгана, избранного президентом США годом позже. Критика заключалась в том, что белые граждане США, такие как Брайан Вебер, «уже заплатили» за расовую дискриминацию афроамериканцев, поэтому закон следует толковать строго текстуально, не вдаваясь в законодательную историю и цели его принятия[241]. Так, Брайан Вебер работал техником-лаборантом на заводе *Kaiser's Gramercy*. Параллельно он состоял в профсоюзе работников сталелитейной промышленности. На одном из заседаний комитета по рассмотрению трудовых жалоб Вебер предложил ввести программу повышения квалификации работников[242]. Данная программа могла бы помочь Веберу повысить свой

---

[240] Интересно отметить, что Брайан Вебер был представителем белой расы.

[241] См.: *Frickey P. P., Eskridge W. N.* (jr.). The Story of Steelworkers v. Weber : statutory text, spirit, and practical reasoning. New York : Foundation Press, 2011. P. 94.

[242] См.: Record of Appeal, Steelworkers v. Weber (U.S. Supreme Court, Docket Nr 78–432 et al.); *Moore M., Weber B.* Blue-collar bakke // Washington Post. 1979. Jan. 12; Speaking of race //

ежегодный доход с 17 тыс. долл. США до 25 тыс. Однако при подаче заявки на прохождение обучения Веберу объяснили, что места по программе распределяются не по степени выслуги лет на предприятии, а исходя из принципа равноправного представительства рас, принятого на заводе. Спорный пункт закона 703(j), о толковании которого дебаты будут идти даже в Верховном суде США, звучал следующим образом: «*Данный закон не должен толковаться как требующий от любого работодателя предоставлять любой группе или отдельным лицам преференциальный режим, основанный на расе такой группы или таких отдельных лиц вследствие диспропорционального расового распределения на рабочих местах*»[243].

Представители профсоюза работников сталелитейной промышленности в суде настаивали на том, что данный пункт должен толковаться через призму общей цели закона, то есть так, что государство не может возлагать обязательные расовые квоты на работодателей и профсоюзы, однако последние вправе устанавливать любые программы обучения и повышения квалификации, которые помогут интеграции ранее сегрегированных работников. Несмотря на чрезвычайно критические особые мнения судей Верховного суда США Скалиа и Уайта, шесть судей признали данный прецедент в 1987 г.[244] Идея «законодательного намерения» получила новую поддержку на практике. Однако данный прецедент интересен не только тем, что сторонники доктрины «законодательного намерения» утвердились в том, что основой толкования

Times-Picayune. 1993. Nr 16. (интервью с Вебером через 14 лет после принятия решения Верховным судом США);

[243] См.: Civil Rights Act 1964, § 703 (a), 78, Stat. 241, 253-54, codified at 42 U.S.C. § 2000e-2(j). Оригинал звучит следующим образом: «*Shall not be interpreted to require any employer… to grant preferential treatment to any individual or group… because of the race… of such individual or group on account of imbalance in the workplace*».

[244] См., например: *Eskridge W. N.* (jr.), *Frickey P. P.* Cases and materials on legislation : statutes and the creation of public policy. 2nd ed. Minnesota : West Group, 1995. P. 71–87; *Hetzel O. J., M. E. Libonati, Williams R. F.* Legislative law and process : cases and materials. 2nd ed. New York : LexisNexis, 1993. P. 456–484; *Mikva A. J., Lane E.* Legislative process. Boston : Aspen Publishers, 1995. P. 835–860; *Popkin W. D.* Materials on legislation : political language and the political process. 2nd ed. New York : Foundation Press, 1997. P. 472–476.

любого статута должна быть четко выявленная *цель* принятия данного закона[245], но и тем, что данный прецедент стал базой для третьего, динамичного подхода к толкованию, который будет рассмотрен нами далее более подробно. В данной главе стоит лишь сказать, что динамичный подход к толкованию характеризуется прагматизмом, проявленным вследствие измененных обстоятельств вокруг принятия закона. Таким образом ожидания Конгресса, принимавшего «расово слепой» закон, что он будет способствовать ускоренной расовой интеграции, не оправдались на практике, когда «подсознательная расовая дискриминация» со стороны работодателей и профсоюзов получила прямое законодательное закрепление. Потому сторонники динамичного (прагматического) подхода к толкованию считают, что при измененных обстоятельствах вокруг закона нецелесообразно опираться на изначальное «законодательное намерение». Также в рассмотрении данного спора проявились тенденции к отстаиванию второго подхода к толкованию статутов в США – текстуального. Судьи Антонин Скалиа и Кеннет Стар, Алекс Козински и Франк Истербрук критиковали использование истории принятия закона как метода выявления «законодательного намерения» при толковании закона, считая данный метод «угрожающим принципу верховенства права»[246]. По итогам рассмотрения данного дела они выражали большое разочарование решением, так как считали, что «прямой смысл», заложенный в данный закон, был проигнорирован судьями. Вебер в своих письмах к авторитетным юристам до сих пор отмечает, что должен был выиграть[247].

Более детальное рассмотрение проблемы определения «законодательного намерения» предполагает поочередное изучение всех трех вышеобозначенных подходов.

---

[245] См.: *Hart H. M.* (jr.), *Sacks A. M.* The legal process : basic problems in the making and application of law. St. Paul : Foundation Press, 1994. P. 1374–1380.

[246] См.: *Farber D. A., Frickey P. P.* Legislative intent and public choice // Virginia Law Review. 1998. Vol. 74. P. 423.

[247] См.: *Eskridge W. N.* (jr.), *Frickey P. P., Garrett E.* Legislation and statutory interpretation. 2nd ed. New York : Foundation Press, 2006. P. 228.

Конкретное намерение законодателя на примере рассмотренных прецедентов, по мнению сторонников данной теории толкования, лежит ***вне*** текста закона. К примеру, фраза «любой иностранец» в деле *Holy Trinity* однозначно предполагала включение всех иностранных граждан в сферу своего действия. Однако внимательное изучение истории принятия данного закона четко определило цель этой фразы: исключить всех неквалифицированных иностранных работников и дешевую рабочую силу из рынка труда в США. В деле *Weber* история принятия законодательства сыграла совершенно противоположную роль. Судья Ренквист, выразивший оппозиционную точку зрения в Верховном суде США и не поддержавший решение, досконально изучил историю принятия закона «О гражданских правах» 1964 г. Члены Сената несколько раз проводили на слушаниях одну и ту же идею: не допустить какой-либо дискриминации при найме на работу или увольнении с нее. Это означало, что работодатели даже во исполнение своей квоты, установленной для создания расово сбалансированного трудового коллектива, не могли рассматривать критерий расы работника для принятия каких-либо решений[248]. Тем не менее большинство судей Верховного суда США восприняли «законодательное намерение» иначе, не полагаясь на приведенные факты из истории принятия закона. В этом и заключается основная критика данной доктрины: ее сторонники не могут договориться о едином перечне источников для определения истинного «законодательного намерения». Проблема возникает также и при определении субъектов данного намерения. Является ли таким надлежащим субъектом Палата представителей или Сенат в Конгрессе? Как определить, должны ли рассматриваться доводы тех членов Конгресса, кто голосовал против закона? Доклады каких именно комитетов Конгресса будут иметь прерогативу в процессе определения истинного «законодательного намерения»? К сожалению, все эти вопросы, остаются пока без ответа.

Абстрактное намерение, по идее, призвано решить все обозначенные выше проблемы с определением *конкретного намерения* законодателя. Субъект

[248] См.: The United States Reports. Vol. 443. P. 238–239.

толкования пытается определить, «что законодатель имел в виду, как бы вставая на его место, в тех обстоятельствах, в которых принимался закон»[249]. Профессор Чомски говорит о применении *абстрактного намерения* в деле *Holy Trinity*. Действительно, авторы закона были настолько поглощены идеей недопущения иностранных работников в США, что на законодательных дебатах обсуждалась только это проблема. Но если встать на место авторов закона и учесть тот факт, что они являлись представителями достаточно религиозного на тот момент американского общества, провозгласившего свободу вероисповедания на всей территории США в Конституции, ни у кого не возникло бы даже мысли о том, что они *были намерены* запретить иностранным священникам проповедовать на территории страны[250]. Однако теория реконструкции намерения законодателя не решает вопроса о том, чье мнение преимущественно стоит реконструировать. Должно ли это быть мнение 51 сенатора, которое необходимо для принятия закона, или мнение 67 сенаторов, которое блокирует прохождение закона дальше? И как правильно задать вопрос сенатору для реконструкции его намерения? Исходя из прецедента *Weber,* можно спросить: «Намерены ли Вы были ввести произвольные квоты для найма рабочих различных рас?» – и сенатор ответил бы, что его цель заключалась в устранении категории расы из процедуры принятия решений работодателем в принципе. Или можно было бы спросить: «Намерены ли Вы были предоставить бизнесу свободу в выборе путей достижения цели закона, т. е. нанимать на работу в том числе афроамериканцев, в соответствии с внутренне установленными квотами?», – и сенатор ответил бы утвердительно. Оба вопроса в зависимости от их постановки укладываются в намерение автора закона, однако на практике приводят к совершенно различным результатам. Таким образом, методология данного подхода также не безупречна.

---

[249] См.: *Pound R.* Spurious interpretation // Columbia Law Review. 1907. Vol. 7. P. 379, 381. Данный подход применялся в деле Fishgold v. Sullivan Drydock & Repair Corp. (1946) (Federal Reporter. Second Series. Vol. 154. P. 785).

[250] См.: *Chomsky C.* Unlocking the mysteries of Holy Trinity : spirit, letter, and history in statutory interpretation // Columbia Law Review. 2000. Vol. 100. P. 901.

Наконец, самым распространенным подходом к толкованию на базе выявления «законодательного намерения» является выяснение ***общего намерения, цели принятия закона.*** Данный подход был применен Верховным судом США и в деле *Weber*. Судья Бреннан выразил его следующим образом: «Цель закона заключалась в возвращении баланса между белыми и цветными работниками на предприятиях; такие программы, как программа повышения квалификации на заводе Кайзер, позволяли увеличить количество афроамериканцев в рядах работников завода, что отвечало непосредственной цели принятия закона»[251]. Таким образом, идея выяснения *общей цели* принятого закона стремится соблюсти демократический принцип функционирования законодательной власти в целом, ставя во главу угла не мотивационную составляющую законодательного процесса в лице авторов закона и их намерения, а общую локальную задачу, ради которой они собрались в Конгрессе, чтобы принять конкретный закон. Однако данный подход не отвечает на вопрос, как следует разрешать спор, когда формулировка общей цели закона не указывает на прямые пути решения сложных ситуаций и дел, возникающих в реальной жизни при применении закона. Также открытым остается вопрос: как определить общую цель закона, с учетом каких источников?

Теперь необходимо остановиться на особенностях выявления законодательного намерения в уголовном праве США. Само понятие «преступления» как основной институт этой отрасли права прошло длительный путь становления от судебных разъяснений по общему праву о каждом виде правонарушения к разветвленной законодательно обоснованной системе уголовных законов, принимаемых законодательными органами штатов, правоприменение которых обеспечено системой прокурорского надзора, а процесс толкования – судами. Каждый штат, федеральное законодательство и множество местных органов власти принимают уголовные законы, которые регулируют почти все аспекты публичного порядка, а также частной жизни

---

[251] См.: *Eskridge W. N. (*jr.), *Frickey P. P., Garrett E*. Legislation and statutory interpretation. 2nd ed. New York : Foundation Press, 2006. P. 229.

граждан США. Если общее право разработало основу для регулирования малого количества правонарушений, то законы вобрали в себя огромную массу уголовных кодексов (как на федеральном уровне, так и на уровне штатов), регулируя иногда очень узкие виды поведения, обстоятельств или сделок. Несмотря на то, что все уголовное право в США на сегодняшний день является статутным, корни определения преступлений по общему праву крайне важны до сих пор для понимания того, как работает закон. Сегодня уже практически невозможно встретить преступление по общему праву, не инкорпорированное в закон, однако законодатели методично прописывают в текстах законов всю терминологию общего права по каждому преступлению[252]. Важнейшим достижением статутного уголовного права США является принятие Модельного уголовного кодекса США 1962 г., изначально подготовленного Американским институтом права. Части данного кодекса были восприняты законодательствами многих штатов, и в соответствии с ним суды часто толкуют уголовные законы при возникновении сомнений в смысле и значении текста закона[253]. Толкование уголовного права – чрезвычайно строгий процесс в США, поскольку сомнению часто подвергается каждое слово в законе – например, в случае с таким преступлением, как убийство: «Убийство – это незаконное лишение жизни физического лица, совершенное со злым умыслом». Часто судей обвиняют в разном толковании одних и тех же слов в уголовных статутах, как это было в делах *Bryan v. United States* (1997)[254] и *Ratzlaf v. United States* (1994)[255], в которых суд толковал термин «намеренно» (*willfully*). В первом случае суд истолковал данный термин как означающий, что «обвиняемый действовал со злым умыслом, т. е. с осознанием того, что он поступает противоправно» по делу о нарушении закона об огнестрельном оружии. Во втором же случае суд постановил, что «намеренное» нарушение обвиняемым норм законодательства о валютной

[252] См.: Criminal law : concepts and practice / E. S. Podgor, P. J. Henning, A. E. Taslitz, A. Garcia A. 2nd ed. Durham, N. C. : Carolina Academic Press, 2009. P. 50.

[253] См.: *Lynch G. E.* Revising the model penal code : keeping it real // Ohio State Journal of Criminal Law. 2003. Vol. 1. P. 219.

[254] См.: The United States Reports. Vol. 524. P. 184.

[255] См.: The United States Reports. Vol. 510. P. 135.

отчетности требует доказательств, что обвиняемый знал о нарушении им конкретного закона, а не просто общего понимания с его стороны того, что он действует противоправно. Получается, что данный термин «многогранен»[256], как было указано в деле *Bryan*, и что «его толкование зависит от контекста», а это не добавляет правовой определенности и стабильности в столь важном вопросе, как толкование текста уголовного закона. В связи с этим суды часто ссылаются на то, что толкование уголовного статута призвано отражать ***намерение*** законодателя, возводящего то или иное поведение в ранг противоправного и общественно опасного. На сегодняшний день существует два самых распространенных подхода к выявлению судами законодательного намерения в сфере уголовного права:

1) «археологический» путь поиска намерения: значение толкуемого закона «уже заложено» в день принятия закона, и задача субъекта толкования заключается в том, чтобы раскрыть и восстановить это изначальное значение;

2) «навигационный» путь поиска намерения: законодатель строит своего рода «корабль» закона, определяя его отправную точку и конечный пункт следования, однако процесс толкования этого закона – это «путешествие», в котором все факторы вокруг данного закона играют определенную роль[257].

Таким образом можно констатировать, что толкование уголовного права в США сводится в первую очередь к принятию судом решения о том, как толковать текст уголовного закона – узко или широко. Очевидно, что сторона защиты будет стремиться к узкому толкованию закона, чтобы освободить себя от ответственности; сторона обвинения, напротив, будет настаивать на более широком толковании текста уголовного закона. Далее на конкретном примере, представленном в § 2.2, мы рассмотрим, как толкуется уголовный закон в США.

Подводя итог, необходимо отметить – все подходы к определению «законодательного намерения», а также сама доктрина «законодательного

---

[256] См.: Criminal law : concepts and practice / E. S. Podgor, P. J. Henning, A. E. Taslitz, A. Garcia A. 2nd ed. Durham, N. C. : Carolina Academic Press, 2009. P. 52.

[257] См.: *Aleinikoff T. A.* Updating statutory interpretation // Michigan Law Review. 1988. Vol. 87. P. 20.

намерения» имеет в своей основе теоретически и логически обоснованный, но крайне труднодостижимый на практике принцип поиска мотивационных составляющих законодательного процесса в условиях отсутствия конкретных субъектов намерения и четкого перечня источников для его определения. Тем не менее, в прецедентной истории доктрины толкования статутов в США данная теория влиятельна до сих пор.

§ 2.2. Толкование на базе текста закона

Парламент **Великобритании** предоставил субъектам толкования норм права лишь один закон, дающий общие рекомендации в отношении толкования, а именно закон «О толковании» 1978 г., авторский перевод которого приведен в Приложении А к данной диссертационной работе. Напомним, что закон «О толковании» содержит общие нормы о толковании самых распространенных слов и фраз, используемых в законах. В нем определены и некоторые территориальные понятия, и общие правила о том, что единственное число включает множественное, а мужской род включает в себя женский, и др. В конце практически каждого закона, как правило, есть раздел с указанием толкования конкретных терминов, использованных в законе. К примеру, в законе «О полиции и доказательствах по уголовному делу» 1984 г. есть такой раздел. Также с 1999 г. был установлен еще один источник толкования – объяснительные меморандумы, публикуемые при издании каждого закона. Такие объяснительные меморандумы содержат сформулированные предпосылки принятия закона и описывают предположительные последствия применения норм права такого закона.

Перечень источников толкования, которые может использовать суд, на этом исчерпывается. Далее судья должен оценить обстоятельства конкретного дела и выбрать одно из ***четырех правил толкования***: описанный выше подход к толкованию исходя из цели закона (*purposive approach*), толкование на базе текста закона, которое подразделяется на правило буквального толкования (*literal rule*) и «золотое» правило (*golden rule*), или же историческое толкование (правило

Хейдона – *mischief rule*). В настоящем параграфе мы остановимся на двух видах толкования на базе текста закона.

Правило буквального толкования (*literal rule*)

Данное правило толкования заключается в том, что словам в тексте закона придается их наиболее естественное и типичное значение, основываясь на принципе, что лучшим способом выяснения намерения Парламента является буквальное толкование закона.

Однако согласно правилу буквального толкования, суд все же обязан следовать тексту закона, даже если результат такого следования будет абсурдным или неразумным. К примеру, в деле *R v. City of London Court Judge* (1892) Лорд Эшер указал: *«Если слова в тексте закона являются точными и ясными, необходимо четко следовать тексту закона, даже несмотря на то, что они могут декларировать полный абсурд. Суд не должен быть связан тем, что Парламент принял абсурдный закон»*[258].

Наиболее классическими для иллюстрации данного правила толкования являются следующие дела:

• ***Whitely v. Chapell*** **(1868):** закон, изначально направленный на предотвращение мошенничества с процедурой голосования на выборах, сделал незаконным «присвоение личности любого лица, участвующего или имеющего право участвовать в голосовании». Обвиняемый, воспользовавшийся правом голоса другого лица, был оправдан на том основании, что он выдал себя за умершего, который просто фактически уже не мог участвовать или иметь право на участие в голосовании.

• ***London and North-Eastern Railway Co v. Berriman*** **(1946):** рабочий железной дороги был сбит поездом и погиб, его жена подала иск о возмещении ущерба. Закон предоставлял такое право только погибшим при «осуществлении работ по прокладыванию или ремонту железнодорожных путей». Погибший в данном случае осуществлял работы по стандартному обслуживанию и смазке путей, поэтому в иске вдове было отказано.

---

[258] См.: *Elliott C., Quinn F.* English legal system. Harlow : Pearson, 2014. P. 55.

• ***Fisher v. Bell*** **(1960)**: после ряда случаев жестоких убийств с использованием выкидных ножей Парламент принял решение, что их следует запретить. В закон «Об ограничении оборота холодного оружия» 1959 г. были внесены изменения о запрете «продажи или предложения о продаже (оферты)» таких ножей. Ответчик поместил выкидные ножи на витрину своего магазина и был обвинен в том, что он предложил их тем самым к продаже. Суд рассмотрел понятие «предложение о продаже» формально, отнеся его к сфере действия договорного права, согласно которому действия обвиняемого были квалифицированы как «предложение сделать предложение о продаже», что, в свою очередь, привело к оправданию обвиняемого, несмотря на то, что закон изначально был направлен на пресечение такого рода случаев[259].

Среди *преимуществ* буквального толкования можно назвать прежде всего проявление уважения к суверенному праву Парламента издавать законы, а также запрет на какое-либо вмешательство судов в законотворческий процесс.

Говоря о *недостатках* буквального толкования, необходимо отметить, что когда текст закона все же приводит решение по делу к абсурдному результату, то вряд ли можно говорить о том, что выполняется воля и намерение Парламента.

В указанном выше деле *London and North-Eastern Railway Co v. Berriman* **явно** прослеживается несправедливость, которую Парламент не собирался создавать своей формулировкой «прокладывание и ремонт железнодорожных путей», поскольку вид выполняемых работ не должен влиять на степень опасности, которой подвергаются работники железной дороги. Также буквальное толкование совершенно бессильно в тех случаях, когда ответ на поставленный перед судом вопрос просто не может быть найден в тексте закона. В частности, такое случается, когда в законе используется «широкий» термин, полное значение которого невозможно определить из текста статута. Суды в данном случае должны использовать другие приемы и средства толкования[260].

---

[259] См.: *Elliott C., Quinn F.* English legal system. Harlow : Pearson, 2014. P. 55.

[260] См.: Ibid; *Викторова Э. Ю.* Толкование норм уголовного права Англии на базе текста закона // Библиотека уголовного права и криминологии, «Юрлитинформ». 2017. № 4(22), С. 75-80.

Правовая комиссия 1969 г. в своем отчете отметила, что толкование, основанное исключительно на буквальном прочтении текста закона, претендует на «безупречную юридическую технику составления текста закона», а ведь даже самый талантливый юрист не может предвидеть всех ситуаций, к которым будет применяться закон. По мнению комиссии, нельзя всецело полагаться только на слова закона, которые могут подвергаться изменениям, вариациям в прочтении и просто сами по себе далеки от идеалистических представлений субъектов толкования.

Есть и более критичная оценка правила буквального толкования: его называют «механическим, полностью оторванным от реалий использования языка, а также от ожиданий и предпочтений заинтересованных сторон, т.е. безответственным правилом»[261].

Среди примеров отказа от использования правила буквального толкования можно назвать дело ***R (on the application of Haw) v Secretary of State for the Home Department*** **(2006)**, в котором Апелляционный суд аргументировал такой отказ тем, что применение правила буквального толкования противоречит намерению и воле Парламента. Дело касалось истца Брайана Хоу, протестовавшего против войны в Ираке на Парламентской площади напротив здания Парламента с июня 2001 г. Хоу расположился прямо на дорожном асфальте, окружив себя множеством плакатов, призывающих к протесту против политики государства в отношении Ирака. Поначалу его демонстрацию власти признали правомерной, поскольку она не влекла за собой последствий в виде нарушения порядка. Однако чуть позже был принят закон «Об организованной преступности в отношении тяжких преступлений и полиции» 2005 г., в котором п. 1 ст. 133 гласил следующее: «любое лицо, желающее организовать демонстрацию вблизи Парламента, обязано согласовать такую демонстрацию с полицией». Так, п. 1 ст. 132 предписывал, что лицо, которое:

---

[261] См.: *Zander M.* The law-making process. London : Butterworths, 2004; *Викторова Э. Ю.* Толкование норм уголовного права Англии на базе текста закона // Библиотека уголовного права и криминологии, «Юрлитинформ». 2017. № 4(22), С. 75-80.

(а) организует демонстрацию в обозначенной зоне публичного места; или

(б) принимает участие в демонстрации в обозначенной зоне публичного места; или

(в) единолично представляет собой демонстрацию в обозначенной зоне публичного места, ***виновно*** в совершении правонарушения, если к моменту **начала** демонстрации разрешение от полиции на ее проведение не было получено, согласно п. 2 ст. 134.

Позиция Хоу заключалась в том, что данный закон не может применяться к нему, поскольку его демонстрация началась до вступления закона в силу. Апелляционный суд отклонил данный аргумент, отметив, что истинное намерение Парламента было другим – установить регулирование всех демонстраций в обозначенной зоне вне зависимости от того, когда они начались. Суд отметил, что «любой другой вывод был бы полностью иррационален и даже абсурден». Таким образом, вместо того чтобы осуществить самое буквальное толкование текста закона, суд посмотрел на него в *контексте*, сделав акцент на намерении Парламента при принятии данного закона. Дополнительным аргументом для такого решения суда также явилась отмена данным актом закона «О публичном порядке» 1986 г., который регулировал все вопросы о демонстрациях с 1986 г. Суд посчитал нелогичным тот факт, что Парламент отменил один закон, приняв другой, и намеренно оставил пробел в регулировании всех вопросов о демонстрациях с 1986 по 2005 г. В настоящее время закон 2005 г. заменен на закон «О реформе полиции и социальной ответственности» 2011 г.

Получается, что следование данному правилу (канону) толкования обеспечивает проявление уважения к суверенитету Парламента и подчиняет правоприменение его воле. Однако очевидно, что абсурдные решения, выносимые согласно данному правилу, не соответствуют действительной воле Парламента. Кроме того, правило буквального толкования не дает результата там, где решение вопроса не обеспечено словами законодателя. Все эти недостатки приводят к необходимости осветить в данной главе еще одно английское правило

толкования, которое расширяет пределы буквального толкования, ибо ориентирует суд исходить не из слов, а из смысла сказанного, из закона в целом. Речь идет о смысловом толковании, или «золотом правиле» (*golden rule*).

Смысловое толкование, или «золотое правило» (*golden rule*)

Одним из первых дел, в которых было сформулировано «золотое» правило, было дело ***Grey v. Pearson*** **(1857).** Лорд Уэнслейдейл обозначил в данном деле, что «следование грамматическому и самому распространенному значению слов текста закона является надлежащим только при условии, что такое значение не будет приводить решение к абсурдному результату и противоречию или несоответствию со смыслом закона в целом, в случае чего такое значение может быть подкорректировано, но только лишь для того, чтобы устранить данное противоречие, несоответствие или абсурдность»[262].

Среди примеров применения правила смыслового толкования можно привести следующие дела:

• ***R v. Allen*** **(1872):** согласно ст. 57 закона 1861 г. «О преступлениях против личности», любое лицо, вступившее в брак повторно при жизни своего супруга/супруги, обвинялось в двоебрачии. При рассмотрении данного дела было отмечено, что если применять правило буквального толкования, то формулировка «вступить в брак» приводит суд к принятию абсурдного решения: невозможно вступить в брак дважды одновременно, можно лишь осуществить *церемонию бракосочетания*, но она не будет юридически действительной. Тогда необходимо изменить смысл выражения на «церемонию бракосочетания», что и было сделано судами.

• ***Maddox v. Storer*** **(1963):** согласно закону «О дорожном движении» 1960 г., правонарушением считалось вождение транспортного средства со скоростью более 30 миль в час, если такое транспортное средство было «адаптировано для перевозки более 7 пассажиров». Речь в данном деле шла об 11-местном минивэне,

[262] См.: *Elliott C., Quinn F.* English legal system. Harlow : Pearson, 2014. P. 57; *Викторова Э. Ю.* Толкование норм уголовного права Англии на базе текста закона // Библиотека уголовного права и криминологии, «Юрлитинформ». 2017. № 4(22), С. 75-80.

который был специально спроектирован для перевозки 11 пассажиров, поэтому суд во избежание абсурдности принял решение заменить слово «адаптировано» (*adapt*) на выражение «предназначено для» (*suitable for*).

• ***Adler v. George*** **(1964):** обвиняемому вменялось нарушение ст. 3 закона «О государственной тайне» 1920 г., а именно воспрепятствование доступу члена вооруженных сил «вблизи запрещенного места» *(in the vicinity of any prohibited place).* Обвиняемый в ходе защиты настаивал на том, что естественным значением выражения «вблизи» является слово «рядом с», тогда как воспрепятствование происходило в самом запрещенном месте, а именно на базе ВВС. Однако суд отметил, что, хотя в ряде случаев именно значение «рядом с» будет естественным для отождествления с выражением «вблизи», в данном случае будет ***разумно*** истолковать его как включающее в себя и запрещенное место.

• ***Inco Europe Ltd v. First Choice Distribution*** **(2000):** Палата лордов вынесла решение о том, что суд может *добавить* слова в текст закона в том случае, когда в ходе составления текста закона была допущена очевидная ошибка. Тем самым суд реализует истинное намерение Парламента.

Говоря о *преимуществах* «золотого» правила толкования, необходимо отметить, что данное правило позволяет избежать абсурдности и несправедливости, зачастую порождаемых правилом буквального толкования, а также помогает судам воплотить в жизнь реальное намерение Парламента[263].

Однако среди основных *недостатков* данного правила Правовая комиссия 1969 г. отмечала полное отсутствие критериев понятия «абсурдный результат». Также в отчете Правовой комиссии отмечалось, что на практике судам постоянно приходится решать, насколько та или иная норма, а точнее ее формулировка, находится в соответствии с общей политикой и смыслом закона.

Далее в контексте данного параграфа необходимо отметить, что в английской правовой доктрине до сих пор не выработан какой-либо единый подход к иерархии видов и способов толкования. В некоторых источниках даже высказывается следующая точка зрения: *«Данная книга вполне цинично может*

[263] См.: *Elliott C., Quinn F.* English legal system. Harlow : Pearson, 2014.

быть охарактеризована как "арсенал практикующего юриста", поскольку адвокаты, использующие самые различные способы толкования по одному и тому же вопросу, смогут без труда найти в ней и судебные дела, и обоснования в поддержку каждого из них»[264]. Однако некоторые учебные пособия в интересах систематизации знаний о практике толкования норм права в Англии все же предоставляют некий условный «перечень» правил статутного толкования. Приведем один такой пример из книги Руперта Кросса:

1. Судья должен в первую очередь оценить грамматическое и обычное или, где это уместно, техническое значение толкуемых слов в общем контексте закона; также необходимо определить степень распространения слов общего употребления в этом контексте.

2. Если судья в итоге придет к выводу, что применение слов в их грамматическом и обычном смысле приведет к принятию решения, противоречащего основной цели закона, он может применить вторичное значение, которое может иметься у толкуемых слов.

3. У судьи есть право «читать между строк», то есть подразумевать слова, которые он считает абсолютно необходимыми, исходя из прочтения других слов закона, он также имеет ограниченное право добавлять, изменять или игнорировать слова текста закона для предотвращения неразумного, неясного, абсурдного или же полностью несовместимого с остальным текстом закона результата.

4. В ходе реализации обозначенных правил судья может пользоваться различными средствами толкования (эти средства будут проанализированы в главе 3 диссертационного исследования).

---

[264] См.: *Maxwell P. B.* On the interpretation of statutes. London : Sweet and Maxwell Ltd., 1875. 391 p. См. иную позицию, высказанную С. С. Алексеевым в советской теории права: *Алексеев С. С.* Проблемы теории права // Собрание сочинений : в 10 т. М. : Статут, 2010. Т. 3 : Проблемы теории права : курс лекций. С. 546–583.

5. Судья должен толковать закон, также исходя из прямого действия норм права ЕС, а в случае противоречия данным нормам воздержаться от его применения[265]. Естественно, с окончательным выходом Великобритании из ЕС (так называемый *Brexit* по результатам референдума 2016 г.) данный пункт потеряет свою актуальность в будущем.

На первый взгляд, данные сформулированные для суда последовательные шаги по толкованию норм права являются весьма дискреционными. Однако следует уточнить, что этот перечень все же отражает доктринальную точку зрения на *возможности* судьи в процессе толкования, ведь, к сожалению, в Англии нет законодательно закрепленной последовательности действий суда в случае сомнений в вопросах толкования, а значит, открывается путь к судейскому и доктринальному усмотрению. Поясним некоторые пункты данного перечня.

Контекст употребления слов влияет на выбор толкования. Условно контекст можно подразделить на «внутренний» и «внешний». К внутреннему контексту относятся части предложений, в которых употребляется толкуемое слово, а также текст закона в целом; к внешнему контексту следует отнести все текстовые лингвистические средства, которые выражают цель принятия закона и его место в системе единой схемы взаимодействия статутного права, а также норм и принципов общего права. Говоря более конкретно, к средствам внутреннего контекста относят все элементы закона: разделы, подразделы, приложения, равно как и полное наименование закона, а также его преамбулу (при наличии таковой). К средствам внешнего контекста прежде всего относят дату принятия закона, которая важна как индикатор значения конкретного слова во времени, а также общую цель закона[266].

---

[265] См.: *Cross R., Bell J., Engle G.* Statutory interpretation. 3rd ed. Oxford : Oxford University Press, 2006. P. 49; *Викторова Э. Ю.* Толкование норм уголовного права Англии на базе текста закона // Библиотека уголовного права и криминологии, «Юрлитинформ». 2017. № 4(22), С. 75-80.

[266] См.: *Cross R., Bell J., Engle G.* Statutory interpretation. 3rd ed. Oxford : Oxford University Press, 2006. P. 51; *Викторова Э. Ю.* Толкование норм уголовного права Англии на базе текста закона // Библиотека уголовного права и криминологии, «Юрлитинформ». 2017. № 4(22), С. 75-80.

Различные виды значений одного и того же слова также являются немаловажной проблемой толкования. Типичными подразделениями значений будут *обычное (ordinary)* и *специальное (technical)* значение, а также *первичное (primary)* и *вторичное (secondary)* значения. Презюмируется, что когда судьи говорят об «обычном» значении слов в тексте, речь идет о значении, которое им придавал бы любой человек, свободно владеющий английским языком. Такое толкование этим словам дает Парламент. Однако часто возникает сомнение по поводу определенности количества значений у конкретного слова. Например, нет сомнений, что плитка шоколада является едой, но что сказать о жевательной резинке? Полностью собранная машина с мотором однозначно является транспортным средством, но как быть, если с нее сняты колеса? Таких примеров миллионы, однако суд обязан установить общее значение толкуемого слова, что иногда может кардинально изменить решение и вообще ход уголовного или иного процесса. Часто суд выходит из этих ситуаций через применение строгих презумпций права, таких как неотъемлемость основных средств правовой защиты у обвиняемого по уголовному праву или требование наличия умысла (*mens rea*) для квалификации преступления и др.[267]

Разграничение же первичного и вторичного значения слов происходит, как правило, по критерию более или менее частого использования. Многие слова и выражения имеют более одного значения, однако очень важно проводить границу между привычным и непривычным, т.е. вторичным использованием таких слов. По словам Глэнвилля Уильямса, в тех случаях, когда основное значение является наиболее очевидным или центральным, вторичное значение «может быть «выговорено» из слов аргументами»[268]. К примеру, утверждение, что что-либо «произошло случайно», имеет целый ряд привычных значений.

---

[267] См.: *Cross R., Bell J., Engle G.* Statutory interpretation. 3rd ed. Oxford : Oxford University Press, 2006. P. 65.

[268] См.: *Williams G.* The meaning of literal interpretation // New Law Journal. 1981. Vol. 131. P. 1128–1129; *Викторова Э. Ю.* Толкование норм уголовного права Англии на базе текста закона // Библиотека уголовного права и криминологии, «Юрлитинформ». 2017. № 4(22), С. 75-80.

В уголовном праве это утверждение может означать, что обвиняемый либо не *намеревался* причинить вред или же, одновременно, что он не намеревался и *не виновен* в причинении вреда по неосторожности. В трудовом праве вред, причиненный здоровью работника, может быть охарактеризован как «несчастный случай, который произошел в ходе осуществления трудовой деятельности», даже если такой вред был умышленно причинен, равно как и убийство грабителями кассира[269] или учениками учителя[270]. Однако если кто-то увидит другой пример использования данной фразы как «случайное наследование», подразумевая под этим неожиданность передачи большого состояния конкретному лицу от умершего, такое использование слова «случайно» будет признано вторичным, больше в значении «шанс». Как видно, семантика играет огромную роль в вопросе толкования. Вторичное значение может быть как шире, так и у́же, чем первичное: выбор зависит от цели закона. В качестве примера сложности выбора между первичным и вторичным значением слова можно привести дело *Wills v. Bowley* 1983 г.[271] Например, ст. 28 закона «О городской полиции» 1847 г. (в настоящее время отменена) предусматривала, что полицейский «обязан взять под стражу без предъявления соответствующего ордера и впоследствии представить перед судом любое лицо, которое, по его мнению, *совершает* любое из правонарушений» (в числе 30), указанных в статье. Обвиняемой было вменено использование непристойных выражений на улице «к неудовлетворению пассажиров» (*to the annoyance of passengers*), в нарушение положений ст. 28. В ходе ареста миссис Уиллс напала на трех констеблей. Суд при толковании данной статьи постановил, что обвиняемая все же невиновна, поскольку «никаких пассажиров» она не потревожила своей руганью, но за атаку на констеблей суд освободить ее от ответственности не смог. Однако правомерность данного

[269] См. подробнее: Nisbet v. Rayne and Burn (1910) // Law Reports, King's Bench. Vol. 2. P. 689; West Bromwich Building Society Ltd v. Townsend (1983) // Industrial Cases Reports. P. 257.

[270] См.: Trim Joint District School Board of Management v. Kelly (1914) // Appeal Cases. Vol. 1. P. 667.

[271] См.: *Cross R., Bell J., Engle G.* Statutory interpretation. 3rd ed. Oxford : Oxford University Press, 2006. P. 86; *Викторова Э. Ю.* Толкование норм уголовного права Англии на базе текста закона // Библиотека уголовного права и криминологии, «Юрлитинформ». 2017. № 4(22), С. 75-80.

обвинения напрямую зависела от правомерности самого ареста по ст. 28, который, на первый взгляд, ограничен в действии только теми случаями, когда лицо в действительности *совершает* правонарушение. Большинством голосов Палата лордов подтвердила обвинение, полагаясь на то, что формулировка закона давала основания совершить арест констеблю, разумно полагающему, что правонарушение в тот момент совершено или совершается. Таким образом, более широкое значение слова *commit* («совершать») было употреблено судом, а именно – в значении фактического восприятия стражем порядка потенциального ущерба общественным интересам от *совершаемого* действия.

Стоит также отметить, что понятие «обычное» значение слова в английской доктрине является синонимом «буквального» или «грамматического» значения. Тем не менее среди «буквальных» значений» суду также часто необходимо делать выбор. Так, в 1959 г. в деле *Mills v. Cooper* при толковании ст. 127 закона «О скоростных дорогах» ответчик был обвинен в нарушении закона, поскольку «без надлежащего разрешения … *цыган (gypsy)* ... разбил лагерь на скоростной дороге». За четыре месяца до этого разбирательства ответчик был оправдан по идентичному обвинению. В данном случае лишение ответчика права возражения (*plea of estoppels*) могло бы иметь место, если бы значение слова «цыган» применялось в отношении представителя румынской расы, но не если бы использовалось другое значение – «человек, ведущий кочевой образ жизни, без постоянного места работы или жительства», поскольку ответчик мог стать представителем такого образа жизни между двумя обвинениями. Суд избрал второе значение, исходя из других положений закона, из которых было ясно, что речь идет только об устранении каких-либо помех при пользовании автострадами. Выбор стоял между значением, которое давали словари, и вошедшим в словоупотребительный обиход значением слова «цыган», и крайне трудно поверить, что Парламент ставил своей целью подвергнуть наказанию человека, который мусорит и создает серьезные помехи на автомобильной дороге, *только*

лишь по причине его расы[272]. Саму ссылку на «цыган» из закона исключили уже в 1980 г., однако толкование, введенное лордом Паркером в данном деле, используется до сих пор[273].

Говоря о *специальном* значении слова, английская доктрина едина во мнении, что текст, предназначенный для понимания узкого круга лиц (в сфере бизнеса и торговли, например), следует толковать особым образом, а также если речь идет о специальных *юридических терминах.* Однако иногда вопрос выбора предполагает определение разницы между обычным и узко юридическим значением слова. Так было в деле *Re K (deceased)* 1985 г.[274], когда Апелляционный суд постановил, что вдова, убившая своего мужа, имеет право на долю в его наследстве, на то время находившемся в руках (под управлением) его личных представителей, несмотря на то, что ст. 2(7) закона «О переходе права собственности» (*Forfeiture Act*) 1982 г. запрещала приказы об имуществе, «приобретенном» третьими лицами. По закону, представители «приобрели» (*acquired*) имущество умершего, т.е. овладели им. Однако суд постановил, что юридический термин «приобретение» следует толковать не в узко юридическом смысле, а в более широко употребляемом значении, поскольку закон был инициирован лишь одним членом Парламента, а не специальным парламентским советом, вследствие чего наследование имущества вдовой все же было признано законным.

В некоторых ситуациях толкования необходимо установить *границу* толкуемого. И это – одна из самых частых задач, стоящих перед судом. К примеру, является ли велосипед «средством передвижения»? Можно ли приравнять свежевыжатый апельсиновый сок к «напитку промышленного производства»? Является ли плавательное судно, хотя и большое, «оборудованием»? Ответы на подобные вопросы – это «хлеб и масло» судей и

---

[272] См.: *Cross R., Bell J., Engle G.* Statutory interpretation. 3rd ed. Oxford : Oxford University Press, 2006. P. 70.

[273] См.: Greenwich London Borough Council v. Powell (1989) // All England Law Reports. Vol. 1. P. 65.

[274] См.: *Cross R., Bell J., Engle G.* Statutory interpretation. 3rd ed. Oxford : Oxford University Press, 2006. P. 73; *Викторова Э. Ю.* Толкование норм уголовного права Англии на базе текста закона // Библиотека уголовного права и криминологии, «Юрлитинформ». 2017. № 4(22), С. 75-80.

адвокатов. И на помощь в этих ситуациях, как правило, приходит контекст, однако иногда решение принимается на основе «здравого смысла», когда контекст все же не в состоянии прояснить ситуацию. Ярким примером является дело *Cooper v. Motor Insurers'Bureau* 1985 г., в котором лицо получило увечья вследствие поездки на мотоцикле своего друга, не оповестившего его о том, что тормоза были неисправны. Пострадавшему была присуждена выплата ущерба со стороны владельца мотоцикла, однако последний не был застрахован от рисков, связанных с третьими лицами, как того требовала ст. 143(1) закона «О дорожном движении» 1972 г. Бюро автострахователей обязано исполнять решения судов о дорожных авариях, среди прочего, и в отношении лиц, не оформивших обязательное автострахование. Соответственно, пострадавший в суде настаивал на том, что бюро должно быть признано ответственным по данному решению. Например, ст. 145(3)(a) закона «О дорожном движении» предусматривала, что страховой полис на транспортное средство «должен включать в себя страхование того лица, лиц или классов лиц, которые указаны в полисе, в отношении любой ответственности, которую оно или они могут навлечь в виде смерти или телесных повреждений, причиненных *любому лицу,* вызванных или вытекающих из использования транспортного средства на дороге». Истец посчитал, что «любое лицо» в данном контексте означает и водителя транспортного средства, и то, что владелец мотоцикла был обязан застраховать его повреждения. Однако Апелляционный суд отклонил данный аргумент. Так, ст. 145 части VI закона под названием «Обязательное страхование или обеспечение по ущербу, причиненному третьим лицам», совместно со ст. 143(1) устанавливали, что использование, предоставление возможности или даже разрешение на использование на дороге любого транспортного средства с мотором без оформления действительного страхового полиса на это средство в отношении ущерба, причиненного третьим лицам, является уголовным преступлением. Целью данной части закона, таким образом, была защита интересов третьих лиц, а не водителя транспортного средства. Соответственно, читаемые в контексте слова

ст. 145(3)(a) «любое лицо» в данном случае означали только третьих лиц и не включали водителя.

Правило «чтения между строк» мы рассмотрим подробнее в § 2.3, поскольку оно уже относится к изменению текста закона для цели выполнения предписания Парламента.

Говоря о **США**, необходимо отметить, что неопределенность теории толкования на базе «законодательного намерения» неизменно приводит к мысли о том, что наиболее верный способ толкования закона – это применение правила «явного смысла» (*plain meaning rule*) как лучшего доказательства «законодательного намерения» и единственно достоверного и авторитетного источника толкования. На первый взгляд, действительно, кажется, что прописано в законе, это и есть прямое свидетельство и путь достижения той цели, которую авторы закона поставили перед собой. Однако текст закона часто апеллирует к общим формулировкам, как это произошло в деле *Holy Trinity,* и субъекты толкования вынуждены признать недостаточность одного текста закона для определения сферы его применения. Поэтому за долгие годы развития доктрины толкования статутов в США было разработано три основных подхода к применению теории толкования на базе текста закона[275].

Правило «явного смысла» в чистом виде применяется довольно редко. Эту тенденцию легко объяснить на примере прецедента *Weber*. Судья Ренквист в своем особом мнении по данному делу начал аргументацию с указания на точную формулировку закона о том, что «работодатели и профсоюзы не должны проявлять расовую дискриминацию в отношении любого физического лица»[276]. Однако затем он анализирует историю принятия данного закона, принимая решение о том, что «задача толкования данного статута заключается в конечном

[275] См.: *Викторова Э. Ю.* Теория толкования уголовного права в США // Актуальные проблемы сравнительного и международного уголовного права : сб. науч. тр. к 15-лет. юбилею каф. уголов. права, уголов. процесса и криминалистики. 2016. С. 32.

[276] См.: The United States Reports. Vol. 443. P. 253.

итоге в том, чтобы реализовать намерение Конгресса». Таким образом правило «явного смысла» должно обязательно пройти проверку на предмет соответствия «законодательному намерению». Иными словами, правило «явного смысла» не применяется, если существует убедительное доказательство того, что «законодательное намерение» применительно к данному статуту противоречит явному смыслу текста закона[277]. Получается, что правило «явного смысла» в значительной степени зависит от контекста принятия закона, к которому оно применяется, что само по себе дискредитирует правило «явного смысла». И наконец, на простом примере можно продемонстрировать неопределенность самого понятия «явный смысл». Вновь обратимся к делу *Weber*. В английском языке глагол *"to discriminate"* имеет два значения. Значение, указанное первым в словаре 1968 г., определяет данный глагол как «действие по ущемлению кого-либо в правах по причине предвзятого отношения или пристрастности». Другое значение, зафиксированное вторым по частоте употребления в словаре 1968 г., но поставленное на первое место словарем, датированным более ранним годом, определяет глагол *to discriminate* как «действие по различению, разграничению двух видов чего-либо» (например, *I discriminate against peaches* означает «Я предпочитаю персикам другие фрукты»). Так какому же из словарей доверять? Как должен поступить судья при выборе «явного», т.е. очевидного смысла данного слова, когда оно является ключевым в строке закона, подлежащей толкованию? Очевидно, без контекстного восприятия толкуемого понятия правило «явного смысла» не работает.

Судья Антонин Скалиа является сторонником другого подхода к правилу «явного смысла» – теории ***новой текстологии***[278]. Основная идея доктрины *новой*

---

[277] См.: Griffin v. Oceanic Contractors (1982) // The United States Reports. Vol. 458. P. 564.

[278] См., например: *Scalia A.* A matter of interpretation: Federal Courts and the law. Princeton : Princeton University Press, 1997; Bank One Chicago v. Midwest Bank & Trust Co. (1996) *(Scalia J.*, concurring in part) // The United States Reports. Vol. 516. P. 264, 279; Chisom v. Roemer (1991) (*Scalia J.,* dissenting) // The United States Reports. Vol. 501. P. 380, 404; Green v. Bock Laundry Mach. Co. (1989) (*Scalia J.,* concurring in the judgment) // The United States Reports. Vol. 490. P. 504, 527; *Eskridge W.* (jr.) The new textualism // UCLA Law Review. 1990. Vol. 37. P. 621; *Викторова Э. Ю.* Толкование норм уголовного права США на базе текста закона // Библиотека криминалиста, «Юрлитинформ». 2017. № 4(33). С. 276-281.

текстологии заключается в том, что главная задача толкования закона – это определение его текстуального смысла, а единственным надлежащим источником данного процесса является источник, основанный исключительно на тексте закона. При этом краеугольным камнем теории *новой текстологии* является ориентация на то значение текста закона, которое будет выявлено при его прочтении *обычным носителем английского языка*. Судья Скалиа считает, что в случае относительной ясности текста субъекты толкования ни в коем случае не должны прибегать к изучению истории принятия закона или выявлению «законодательного намерения», лежащего в основе принятого закона. Однако данный подход не исключает рассмотрения текста закона в «контексте обстоятельств его принятия». В понятие «контекст» сторонники теории *новой текстологии* включают лингвистические словари, особенно те, что были изданы в период принятия закона, другие положения закона в сравнении с различными интерпретациями толкуемых термина или фразы, сравнение со схожими формулировками других законов и их толкованиями и т.д. Однако теория Антонина Скалиа «разбивается» о повсеместно обсуждаемый прецедент *Holy Trinity Church*, что не влияет на убежденность судьи в жизнеспособности теории *новой текстологии.* Скалиа утверждает – теория *новой текстологии* с ее неприятием истории обсуждения закона как источника толкования предусмотрена самой Конституцией США в ст. 1, разд. 7, который гласит следующее: закон не является надлежаще принятым, пока он не будет одобрен обеими палатами Конгресса США *в одной и той же текстуальной форме.* Поскольку только принятый текст закона является общеобязательной «нормой» в широком смысле слова, никакие обсуждения отдельных его положений между членами Конгресса не являются обязывающими для судов и тем более не являются законом. Доклады комитетов, по мнению Скалиа, выступают ненадежным источником «законодательного намерения» даже в отношении одной из палат Конгресса, а в целом являются неконституционным источником толкования законов. Судебная практика, основанная на идеях, выраженных в докладах комитетов, нарушает ст. 1, разд. 7 Конституции США, так как она предоставляет право

законотворчества подгруппам конгрессменов, что было признано неконституционным в деле *INS v. Chadha*[279]. Теория *новой текстологии* также, по мнению Скалиа, является методологией толкования статутов, наиболее соответствующей принципу верховенства права и принципу разделения властей. Дела *Holy Trinity* и *Weber* продемонстрировали слабость судей в ситуации, где было необходимо четко следовать тексту закона, что создало нежелательные прецеденты и исключения из соответствующих законов.

Третий подход к теории толкования статутов на базе текста закона основан на ***критике новой текстологии***[280]**.** Начать описание данного подхода стоит с позиции, на которой сторонники и оппоненты данной теории смогли сойтись. Данная позиция заключается в том, что за историей принятия закона не признается сила законодательного акта. В отличие от самого закона, история его принятия лишь служит цели определения и донесения точного смысла, вложенного в закон. Поэтому ни суды, ни граждане не должны считать тезисы, высказанные в ходе обсуждения закона, в какой-либо степени обязательными для применения. Однако оппоненты теории Скалиа не принимают к сведению аргумент судьи о нарушении ст. 1 разд. 7 Конституции США[281]. Поскольку законодательный процесс закономерно включает в себя стадию обсуждения

---

[279] См.: The United States Reports. Vol. 462. P. 919. Другие дела, где использовались те же аргументы: Bank One Chicago v. Midwest Bank & Trust Co. (1996) (*Scalia J.,* concurring) // The United States Reports. Vol. 516. P. 264, 279; INS v. Cardoza-Fonseca (1987) (*Scalia J.,* concurring in the judgment) // The United States Reports. Vol. 480. P. 421, 452–453; Thompson v. Thompson (1988) (Scalia J., concurring in the judgment) // The United States Reports. Vol. 484. P. 174, 191–192.

[280] См. подробнее: *Breyer S.* On the uses of legislative history in interpreting statutes // South California Law Review. 1992. Vol. 65. P. 845; *Farber D., Frickey P.* Legislative intent and public choice // Virginia Law Review. 1988. Vol. 74. P. 423; *Merrill T.* Textualism and the future of the chevron doctrine // Washington University Law Quarterly. 1994. Vol. 72. P. 351; *Ross S.* Reaganist realism comes to Detroit // University of Illinois Law Review. 1989. P. 399; *Wald P.* The sizzling sleeper : the use of legislative history in construing statutes in the 1988–1989 term of the United States Supreme Court // American University Law Review. 1990. Vol. 39. P. 277; *Zeppos N.* Justice Scalia's textualism : the "new" new legal process // Cardozo Law Review. 1991. Vol. 12. P. 1597; *Викторова Э. Ю.* Толкование норм уголовного права США на базе текста закона // Библиотека криминалиста, «Юрлитинформ». 2017. № 4(33). С. 276-281.

[281] См.: *Eskridge W. N.* (jr.), *Frickey P. P., Garrett E.* Legislation and statutory interpretation. 2nd ed. New York : Foundation Press, 2006. P. 239; *Викторова Э. Ю.* Толкование норм уголовного права США на базе текста закона // Библиотека криминалиста, «Юрлитинформ». 2017. № 4(33). С. 276-281.

законопроекта, проведения дебатов по принимаемому закону, то более детальное обращение к этапам принятия закона для прослеживания генезиса развития его основных положений полностью вписывается в рамки Конституции, по мнению критиков новой текстологии, и даже предусматривается и следует из текста Конституции США. Аргумент о нарушении принципа разделения властей также подвергся серьезной критике. Даже если представить, что суды должны играть абсолютно нейтральную, лишенную дискреции и отчасти даже механическую роль в процессе применения и толкования статутов, то теория новой текстологии как раз препятствует достижению этой цели. Если суд не имеет права оценивать материалы законодательного процесса, просматривать дебаты и обсуждения отдельных пунктов закона, а сам закон требует толкования ввиду своей нечеткости или неясности, то у суда остаются лишь средства толкования, выработанные судебной практикой, а именно: максимы и каноны толкования и прецеденты. Данные средства, которые будут рассмотрены нами ниже, предоставляют суду гораздо больше свободы в толковании статута, чем знакомство с историей его принятия, в которой все-таки выражена воля законодателя. Судья Скалиа утверждает, что история принятия закона – это ненадежный источник, который легко фальсифицировать и посредством которого крайне удобно манипулировать решениями судов. Однако если предоставить любым ста судьям США текст закона «О договорном найме иностранцев», о толковании которого шел спор в деле *Holy Trinity,* и попросить применить подход *новой текстологии,* то все судьи признают, что Церковь Святой Троицы нарушила данный закон, приняв на службу священника из Англии, и иная интерпретация данного текста невозможна.

И наконец, последним аргументом критиков *новой текстологии* является проблема «абсурдности» результата толкования по правилу «явного смысла». Иными словами, следует ли делать из него исключения, если точный текст закона при его толковании и применении приводит к «абсурдному» результату?[282]

[282] См., например: *Smith S.* Law without mind // Michigan Law Review. 1989. Vol. 88. P. 104; *Nagle J. C.* Textualism's exceptions // Legal Scholarship. 2002. Vol. 2, iss. 3; *Manning J.*

Безусловно, понятие «абсурдности» подвержено крайне субъективной оценке и может существенно меняться во времени. Несмотря на то, что Скалиа соглашается с допущением таких исключений, дело *Holy Trinity* для него не входит в этот список. Для судьи Брюйера, напротив, было абсурдным, являясь членом «Христианского общества», толковать закон «О договорном найме иностранцев» как исключающий возможность найма иностранных священников для проповедования в США. Как можно увидеть, мнения двух судей кардинально расходятся в отношении того, что следует считать «абсурдным» толкованием, а что нет.

Вернемся к теме особенностей толкования уголовного права в США. Как было сказано в § 2.1 настоящей работы, необходимо рассмотреть конкретный пример установления содержания толкуемого термина уголовного права, в ходе которого будут раскрыты и теория явного смысла, и теория поиска законодательного намерения. Дело *People v. Lopez* (2003)[283] касалось толкования термина «угон транспортного средства» (*carjacking*). Угон транспортного средства в Уголовном кодексе Калифорнии (§ 215) означает «незаконное присвоение моторного транспортного средства». Схожим образом сформулировано и определение «грабежа» (§ 211) как «незаконное присвоение чужого имущества». Суды Калифорнии, следуя нормам общего права, долгое время принимали решения о том, что критерий «присвоения» (*felonious taking*) в краже требует физического увоза вещи, украденной у жертвы преступления[284]. Соответственно, возник вопрос: требуется ли выполнение данного критерия в преступлении угона? 1 июля 1999 г. потерпевший (*Wa Vue Yang*) сидел в своем автомобиле-фургоне на парковочной стоянке, когда обвиняемый подошел к нему с предложением приобрести часы. Когда потерпевший отказался купить часы, обвиняемый достал оружие и выстрелил в землю. Далее он направил оружие на

The absurdity doctrine // Harvard Law Review. 2003. Vol. 116. P. 2387, 2419–2424; *Викторова Э. Ю.* Толкование норм уголовного права США на базе текста закона // Библиотека криминалиста, «Юрлитинформ». 2017. № 4(33). С. 276-281.

[283] См.: California Appellate Reports. Third Series. Vol. 6. P. 432.

[284] См.: *Викторова Э. Ю.* Теории толкования норм уголовного права США на примере дела People v Lopez 2003 года // Евразийский юридический журнал. 2017. № 7. С. 54.

потерпевшего и потребовал выйти из автомобиля. Потерпевший выполнил данное требование, но оставил ключи в замке зажигания. Обвиняемый сел в автомобиль, бросив свой рюкзак на пассажирское сиденье. Однако потерпевший вспомнил, что в фургоне остались важные для него чеки, и вернулся к фургону, решив, что оружие у обвиняемого было пневматическим. Обвиняемый два раза нажал курок в направлении потерпевшего, но оружие не сработало, после чего он выбежал из автомобиля, оставив свой рюкзак с документами, подтверждающими личность, в фургоне.

«Угон» в § 215 определяется как умышленное присвоение моторного транспортного средства, принадлежащего другому лицу, в присутствии как владельца, так и пассажира данного транспортного средства, против их воли с намерением либо временно, либо безвозвратно лишить их такого владения с помощью средств силы или внушения страха. «Грабеж» в § 211 определяется как умышленное присвоение имущества другого лица в его присутствии против его воли с помощью средств силы или внушения страха. Вопрос о разграничении этих двух видов преступления был крайне важен в данном деле, поскольку наказание за угон было значительно строже, чем за грабеж такого типа (*second degree*). Обвиняемый настаивал на том, что должно применяться толкование фразы «незаконное присвоение» по аналогии с законом о грабеже, на что прокурор приводил довод о том, что законодатель ввел в систему права преступление угона специально, поскольку оно все же отличается от грабежа, хотя и имеет с ним ряд схожих элементов[285]. ***Для толкования этих слов необходимо сначала внимательно взглянуть на текст статута, а при возникновении сомнений обратиться к законодательному намерению.***

В данном параграфе мы остановимся только на текстуальном базисе этого дела и вернемся к нему в § 2.3. Так, ст. 215(a) предусматривает термин «присвоение» (*taking*) транспортного средства. Обвиняемый настаивал, что явный

---

[285] См.: Criminal law : concepts and practice / E. S. Podgor, P. J. Henning, A. E. Taslitz, A. Garcia A. 2nd ed. Durham, N.C. : Carolina Academic Press, 2009. P. 54; *Викторова Э. Ю.* Толкование норм уголовного права США на базе текста закона // Библиотека криминалиста, «Юрлитинформ». 2017. № 4(33). С. 276-281.

смысл слова «присвоение» требует доказательства перемещения транспортного средства. Однако такие термины, как «перемещение», «увоз», «унос» имущества не фигурируют в тексте закона. Явный смысл слова «присвоение» не включает в себя обязательное условие перемещения украденного имущества. В комментариях к данному делу можно найти следующую точку зрения: «Присвоение (*taking*) как таковое имеет место тогда, когда злоумышленник устанавливает своего рода доминирование над имуществом, тогда как «вывоз» имущества все же предполагает хотя бы небольшое перемещение его на другое место»[286]. Таким образом, используя текстуальный подход к толкованию выражения *"felonious taking"*, невозможно сделать однозначный вывод, какой смысл пытался вложить в нее законодатель: являлась ли эта аналогия попыткой выделить особенности подвида преступления «грабеж» в виде угона и применить к нему схожее регулирование или же законодатель специально хотел обособить угон от грабежа с применением к нему более строгой меры ответственности. Ответ на этот вопрос мы проиллюстрируем в параграфе, излагающем особенности применения динамичных теорий толкования.

При подведении итога неизменным остается вопрос: как же быть судье в случае разрешении конкретного дела? Может ли он при вынесении решения опираться на историю принятия законодательства, или он должен строго придерживаться текстуального содержания закона? Харт и Сакс предлагают прагматичный ответ на данный вопрос: нужно взвесить все выгоды и издержки от применения фактов из истории принятия закона[287]. Джон Маннинг предлагает придерживаться текстуального подхода с небольшой оговоркой на «четко установленные и относимые социальные условия принятия закона», что, по его мнению, позволит увидеть текст закона в обстоятельственном контексте, а значит,

---

[286] См.: *LaFave W. R.* Substantive criminal law, larceny – taking and carrying away. New York : Thompson Reuters, 2017. P. 74.

[287] См.: *Hart H. M.* (jr.), *Sacks A. M.* The legal process : basic problems in the making and application of law. St. Paul : Foundation Press, 1994. P. 1254, note 18.

увеличит шансы максимально точного и юридически «чистого» толкования[288]. Однако как точно было подмечено Уильямом Эксриджем, «открыв дверь для оценки социальных условий принятия закона, даже с учетом их точного установления, не предают ли сторонники *новой текстологии* своего обещания придерживаться строгой определенности в системе источников толкования? Ведь это является главной притягательной чертой их теории…»[289].

§ 2.3. Динамичные теории толкования

В **Англии** динамичные теории толкования воплощаются преимущественно в ***историческом толковании, или правиле Хейдона***[290]. Как было упомянуто выше, в главе 1, правилом Хейдона данная теория толкования была названа по делу XVI в., а именно 1584 г. Вкратце изложим суть дела. Спор касался вопросов аренды и пожизненного владения имуществом. Религиозный колледж «Оттери» сдал в аренду часть земельного участка (манора) частному лицу и его сыну. Аренда представляла собой копигольд (*copyhold*), т.е. арендные права, которые были зафиксированы в протоколах манориального суда (суда феодального поместья). Обычно участки манора выдавались в аренду в обмен на

---

[288] См.: *Manning J.* Textualism as a nondelegation doctrine // Columbia Law Review. 1997. Vol. 97. P. 673.

[289] См.: *Eskridge W. N.* (jr.), *Frickey P. P., Garrett E.* Legislation and statutory interpretation. 2nd ed. New York : Foundation Press, 2006. P. 245.

[290] В отечественной юриспруденции понятие динамического толкования противопоставляется статическому толкованию на основе принципов диалектики. Так, Н. А. Власенко и М. В. Залоило отмечают, что «под статическим толкованием понимается процесс выявления единственно возможного смысла нормы, предопределенного неизменной в течение времени волей законодателя. Динамическое же толкование, напротив, обусловлено изменчивостью реального содержания и смысла правовой нормы с течением времени…» (*Власенко Н. А., Залоило М. В.* Конкретизация и толкование права как творческое содержание судебной практики // Журнал российского права. 2016. № 8. С. 50). Тем самым при динамическом подходе интерпретатор, как указывает В. Н. Карташов, «корректирует, приспосабливает нормативный правовой акт к новым реалиям жизни, учитывая изменяющиеся общественные отношения» (*Карташов В. Н.* Теория правовой системы общества : учеб. пособие : для студентов специальности Юриспруденция : в 2 т. / Яросл. гос. ун-т им. П. Г. Демидова. Ярославль : ЯГУ, 2005. Т. 1. С. 384); *Викторова Э. Ю.* Динамичная теория толкования норм уголовного права Великобритании // Международное уголовное право и международная юстиция, «Издательская группа «Юрист». 2017. № 6. С. 26-28.

сельскохозяйственные услуги. Отец и сын (*Ware* – Уэры) подписали договор на пожизненные арендные права, под условием прав наследодателя (феодала) и обычаев конкретного манора. Бессрочные арендаторы также занимали часть территории этого земельного участка. Позже колледж сдал этот же участок некоему Хейдону на 80 лет с выплатой стандартного для того времени размера арендной платы. Менее чем через год после сдачи в аренду участка Хейдону Парламент принял закон «О роспуске» (*Act of Dissolution*), который постановил прекращение деятельности многих религиозных учреждений, в том числе колледжа «Оттери», земли и аренды которого перешли во владение короля Генриха VIII. Однако закон оставлял в силе права пожизненного владения землями, которые начались более чем за год до принятия закона. Таким образом Суд казначейства признал арендные права семьи Уэров и отклонил правопритязания Хейдона, одновременно установив очень влиятельный правовой принцип толкования.

Вышеобозначенная проблема касалась взаимодействия закона с ранее действовавшим общим правом, а именно с необходимостью «исправить дефекты» общего права. Суд заключил, что задача закона состояла в «исправлении вреда», который несло в себе общее право по этому вопросу. Следовательно, суд должен смотреть на истинную причину принятия закона, оценивая, какая задача ставилась Парламентом для решения и как он ее воплотил в законе.

Современная версия правила исторического толкования выражается в трех основных шагах, которые должен совершить судья:

1) определить, каким было правовое регулирование вопроса до принятия закона;

2) какую проблему, или «вред» (*mischief*) закон пытается устранить;

3) какое решение (средство правовой защиты) предлагает Парламент.

Таким образом, судья должен истолковать закон так, чтобы помочь реализации цели закона, направленной на устранение проблемы (вреда).

Классическими примерами правила исторического толкования являются следующие дела:

• ***Smith v. Hughes*** **(1960):** закон «Об уличных правонарушениях» 1959 г. ввел уголовную ответственность для женщин легкого поведения за привлечение «клиентов» на улицах и в иных публичных местах. В данном деле женщина находилась не на улице, а в доме, постукивая по стеклу для привлечения внимания проходящих мимо мужчин. Судья по делу решил, что задача закона заключалась в том, чтобы обеспечить людям, проходящим по улице, условия, при которых их не будут вовлекать в незаконный бизнес, а значит, несмотря на то, что женщина в данном случае физически не находилась в публичном месте, ее действия были квалифицированы как уголовное преступление.

• ***Elliott v. Grey*** **(1960):** закон «О дорожном движении» 1930 г. устанавливал, что любое «использование незастрахованных машин на дорогах» является правонарушением. Машина в данном деле находилась на дороге, однако была поднята домкратом и была без аккумулятора. Суд постановил, что машина все же является «угрозой», на устранение которой и был направлен закон, и решил, что фраза «использование машины» включает в себя и данный случай.

• ***Royal College of Nursing v. DHSS*** **(1981):** закон «Об абортах» 1967 г. гласил, что прерывание беременности возможно только при его осуществлении «лицензированным медицинским работником». К 1972 г. прерывание беременности стали производить в большей степени и чаще с использованием только медикаментов, а не хирургическим способом, в связи с чем вторая стадия процедуры – введение внутривенной капельницы – производилась под контролем врача медицинскими сестрами. Палата лордов постановила, что «проблемой», которую пытался решить данный закон, являлись неточные формулировки предыдущего закона, толкавшие женщин на рискованные процедуры нелегальных абортов. В связи с этим было признано, что сестры могут осуществлять такую процедуру, поскольку задача закона – помещение беременных женщин в безопасные и стерильные условия для целей аборта – была соблюдена. Однако это было непростое решение для Палаты, некоторые лорды (Уилберфорс и Эдмунд

Дэвис) резко отреагировали на такое решение, сказав, что Палата не толкует закон, а переписывает его[291].

Далее необходимо остановиться на случаях «чтения судом между строк закона», упомянутого выше. Напомним, что речь идет о возможности суда «встраивать» в текст закона необходимые слова, которые «подразумеваются» иными положениями закона, а также об ограниченном праве судьи *добавлять, изменять или игнорировать* слова закона с целью предотвращения неразумности, абсурдности, несостоятельности положения или его несоответствия с остальными частями текста закона[292]. В деле *Western Bank v. Schindler* 1977 г. лорд Скарман отразил сущность данного подхода: *«Судебное нормотворчество – нет, это недоступная опция для английского суда. Наши суды не обязаны, как, например, в Швейцарии (ст. 1 и 2 Швейцарского гражданского кодекса), включать в текст закона те нормы, которые судья при их отсутствии включил бы на месте законодателя. Но наши суды имеют обязанность* ***воплощать в реальность намерение Парламента****, если это возможно, как путем строгого толкования использованного в законе языка, так и посредством* ***включения недостающих слов*** *в несовершенный текст… Границу между судебным нормотворчеством, которое запрещено нашим законом, и толкованием суда для целей наилучшего исполнения воли Парламента все же определить непросто. Скажем лишь, что такое включение слов в текст закона должно быть небольшим по объему и основанным на* ***четко установленном*** *намерении закона, равно как и должно не отличаться от иных положений закона по своему смыслу»*[293]. Однако данный

---

[291] См.: *Elliott C., Quinn F.* English legal system. Harlow : Pearson, 2014. P. 58; *Викторова Э. Ю.* Динамичная теория толкования норм уголовного права Великобритании // Международное уголовное право и международная юстиция, «Издательская группа «Юрист». 2017. № 6. С. 26-28.

[292] См. : *Михайлов А. М.* Судебная власть в правовой системе Англии. М. : Юрлитинформ, 2009. С. 257; *Викторова Э. Ю.* Динамичная теория толкования норм уголовного права Великобритании // Международное уголовное право и международная юстиция, «Издательская группа «Юрист». 2017. № 6. С. 26-28.

[293] См.: *Cross R., Bell J., Engle G.* Statutory interpretation. 3rd ed. Oxford : Oxford University Press, 2006. P. 95. В отечественной доктрине позицию необходимости повышения эффективности законодательства за счет реализации заложенной в закон цели высказана у Арзамасова Ю. Г. (*Арзамасов Ю. Г.* Эффективность законодательства: постановка проблемы,

подход выглядит весьма дискреционным по отношению к тексту закона. Все же необходимо отметить, что в тексте закона часто бывают **очевидные ошибки.** Так, например, в ст. 33 закона «О штрафах и возмещениях» 1833 г. было указано, что «если лицо, предоставляющее возмещение, будет привлечено к уголовной ответственности или является несовершеннолетним лицом, то Суд казначейства должен быть лицом, предоставляющим возмещение взамен несовершеннолетнего лица». Очевидно, что слова «взамен лица, привлеченного к уголовной ответственности» были пропущены. Эта ошибка была исправлена в 1848 г. с помощью включения судом недостающей фразы в текст закона.

Иногда дело касается всего лишь одного предлога, который в корне влияет на то, будет ли подозреваемый признан виновным в совершении преступления и будет ли он привлечен к уголовной ответственности. Так произошло в деле *R v. Oakes* 1959 г., где союз «и» был заменен на «или». Господину Оуксу было предъявлено обвинение в совершении подготовительных действий к преступлению по закону «О государственной тайне» 1911 г. Изначально ст. 7 закона в редакции 1920 г. гласит: «Любое лицо, которое совершает любое правонарушение, согласно закону ″О государственной тайне″ 1911 г., или этому же закону в редакции 1920 г., или намеревается убедить, или подстрекает, или совершает попытку по убеждению другого лица совершить любое такое правонарушение, или помогает, или способствует совершению такого правонарушения, и совершает любые подготовительные действия к правонарушению, согласно закону ″О государственной тайне″ 1911 г. или этому же закону в редакции 1920 г., должно быть признано виновным…». Получалось, что при строго буквальном прочтении данной фразы предлог «и» возводил в степень преступления одновременное совершение какого-либо из перечисленных в первой части статьи действий (подстрекательство, способствование) и совершение подготовительных действий к правонарушению. Однако ни в суде

основные пути решения // Вестник университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА). 2018. № 4. С. 127; Также см.: *Арзамасов Ю. Г.* Проблемы доктринального толкования права // Вестник РУДН, серия Юридические науки. 2016. № 4. С. 20).

первой инстанции, ни при апелляции такой подход не нашел поддержки. Лорд Паркер указал, что «если при буквальном прочтении закона, **а в особенности уголовного закона**[294], получается разумный результат, то нет никакой необходимости «читать закон между строк» или же встраивать слова в текст закона в соответствии с задачей исполнения предполагаемого намерения Парламента. Но здесь мы возьмем на себя ответственность утверждать, что такой результат все же **неразумен**. Таким образом, при толковании союз «и» был заменен на «или»[295].

Стоит отметить, что английские суды выражают намного меньше сомнений по поводу игнорирования слов в тексте закона, чем в отношении изменения текста закона или добавления в него «недостающих» слов. Рассмотрим дело *R v. Registrar General, ex p Smith* 1990 г. Например, ст. 51(1) закона «Об усыновлении (удочерении)» 1976 г. гласила: «…начальник центрального бюро регистрации актов гражданского состояния обязан по заявлению усыновляемого лица в соответствующей форме, чья запись о рождении сделана и хранится в бюро регистрации актов гражданского состояния, по достижении им 18 лет, предоставить такому лицу после уплаты соответствующей пошлины такую информацию, которая необходима для получения таким лицом удостоверенной копии записи о его рождении». Господин Смит был таким лицом, однако начальник бюро регистрации актов гражданского состояния все же отказал ему в предоставлении необходимой информации, поскольку Смит был пациентом психиатрического учреждения (*Broadmoor*), признанным среди прочего виновным в убийстве своего сокамерника, которого он принял за свою приемную мать. Начальник бюро был обеспокоен тем, что Смит использует информацию о дате своего рождения с целью выследить свою биологическую мать и, возможно, нанести ей вред. Апелляционное присутствие отделения королевской скамьи

---

[294] См.: *Викторова Э. Ю.* Динамичная теория толкования норм уголовного права Великобритании // Международное уголовное право и международная юстиция. 2017. № 6. С. 26-28.

[295] См.: *Cross R., Bell J., Engle G.* Statutory interpretation. 3rd ed. Oxford : Oxford University Press, 2006. P. 98.

Высокого суда правосудия поддержало данное опасение. Грамматически корректное прочтение ст. 51(1) закона было **проигнорировано** для целей лишения истца статутного права, которое по обоснованному опасению сможет в дальнейшем привести к совершению иных преступлений. Вывод, сделанный судом, заключался в том, что отношение к любому праву как к «абсолюту» возмутило бы общественность. Хотя данное дело может быть рассмотрено как «многоточие» в толковании, в реальности оно отражает лишь то, что законодатель не может предвидеть всех возможных условий реализации закона[296].

Однако полномочия суда по изменению, дополнению или игнорированию слов в тексте закона все же весьма ограничены. Такие полномочия могут использоваться только в случае, если в тексте закона была допущена очевидная ошибка законодателя или же где последствия применения слов в их обычном или явном вторичном значении были бы крайне неразумными. И даже в этих случаях ошибка может быть признана судом не поддающейся исправлению, или же общая направленность закона может быть такой, что не позволит добавить в текст закона какие-либо иные слова во избежание неразумного результата толкования.

Выработанное правило лорда Диплока в отношении целевого толкования гласит: *единственной* задачей суда является определение намерения Парламента и его точная реализация. В большинстве ситуаций толкования это действительно так. Однако в некоторых случаях (особенно когда речь идет об **уголовных** законах или тех, что устанавливают налоговую ответственность) перед судом однозначно стоит задача убедиться, что если граждане лишаются свободы или денежных средств, то это должно происходить только **на основании четко сформулированных положений закона** или хотя бы на основании положений закона, которые могут быть быстро скорректированы при их неудачной формулировке. В деле *Jones v. Wrotham Park Estates Ltd* 1980 г. лорд Диплок обозначил три основных условия для того, чтобы **добавление слов в текст акта** было обоснованным:

---

[296] См.: *Cross R., Bell J., Engle G.* Statutory interpretation. 3rd ed. Oxford : Oxford University Press, 2006. P. 99.

1) по итогам оценки закона в целом у субъекта толкования должна быть возможность определить, на исправление какого «вреда», «проблемы» был изначально направлен закон;

2) далее необходимо удостовериться, что законодатель (Парламент) не справился посредством неточных формулировок или опущения необходимых слов с решением этой задачи («вреда», «проблемы»);

3) в заключение субъекту толкования следует однозначно убедиться, имеется ли возможность достоверно установить, **какие** именно слова отсутствуют в тексте, а также определить, принял бы Парламент эту версию текста, если бы на этапе подготовки текста закона они были предложены составителями.

Стоит отметить, что Беньин не согласен с включением третьего пункта[297], тогда как лорд Скарман настаивает на добавлении еще четвертого условия на основе решения по делу *Western Bank v. Schindler* 1977 г., а именно «чтобы добавление слов в текст не было слишком большим по объему и не отличалось от языка, использованного в других частях статута»[298]. В процессе удаления или добавления слов в текст закона судья все же не вовлечен в гипотетическую реконструкцию намерений Парламента, а пытается в пределах своих судебных полномочий придать положению закона максимально подходящий ему по контексту смысл[299].

Правило исторического (иногда также называемого «целевым») толкования в английской доктрине права иногда называют «самым удовлетворительным и сбалансированным правилом толкования», поскольку оно помогает избежать абсурдности, несправедливости применения права, обеспечивая вместе с тем гибкость судебных решений. Однако целевой подход – «продукт своего времени»[300], когда статуты не были ведущим источником права в сравнении с общим правом, а верховенство Парламента еще не оформилось. В современных

---

[297] См.: *Bennion F. A. R.* Statutory interpretation. London : Buterworths, 1990. P. 661.

[298] См.: *Cross R., Bell J., Engle G.* Statutory interpretation. 3rd ed. Oxford : Oxford University Press, 2006. P. 103.

[299] См.: Ibid.

[300] См.: *Elliott C., Quinn F.* English legal system. Harlow : Pearson, 2014. P. 59.

условиях, в изменившейся законодательной ситуации данное правило не в полной мере соответствует своему назначению. В доктрине отмечается сложность индивидуализации общей цели закона, как, например, в таких общих статутах, как закон «О преступлениях против личности» 1861 г., закон «О краже» 1968 г. или закон «Об уголовной ответственности за причиненный ущерб» 1971 г. В этих законах цель сформулирована таким образом и направлена на устранение различных видов преступлений, а значит, присутствует вариативность ее интерпретации судом. Данный подход, как и все динамичные теории толкования, является *комплексным*.

Принципы демократии в законодательном процессе и верховенства права не обосновывают две ранее обозначенные теории толкования статутов в **США** в той степени, в какой это утверждают сторонники данных теорий. Дело в том, что такие прецеденты, как *Holy Trinity* и *Weber* продемонстрировали весьма неоднозначную методологию применения данных теорий, поэтому в юридической среде все чаще стали возникать идеи адаптации этих подходов к «общественным условиям», или разработки более динамичного, «гибкого» подхода к толкованию законов. Такие идеи впервые возникли уже в 40-х гг. XX в. Одним из первых идеологов стал профессор Лон Фуллер, который обозначил интересную парадигму статутного толкования: «При интерпретации понятий субъект толкования воспринимает данное понятие через призму своих личностных ценностей»[301]. Иными словами, несмотря на нормативность статута, субъект толкования в процессе определения значения того или иного понятия, фразы, при анализе текста закона ежесекундно осуществляет «ценностные выборы» (*value choices*). Сами статуты также являются динамичными. Согласно Фуллеру, будучи применяемым в разные периоды времени, «статут – это не то, что есть, а то, чем он становится» (*not something that is, but something that becomes*). Иными словами, статут не является «окаменелостью» во времени, а

[301] См.: *Fuller L.* The law in quest of itself. Chicago : The Foundation Press, 1940. P. 8–9.

представляет собой «живой процесс», который управляется «умственными импульсами» субъекта толкования, его ценностными ориентирами и его «восприятием того, каким должен быть данный статут».

Теории динамичного толкования развивались последние 20 лет в основном доктринально. Несмотря на гибкость данных теорий, судьи редко применяют их на практике, в частности из-за несистемности данного подхода. Судьи больше доверяют «динамичному» толкованию, осуществляемому правительственными агентствами, однако редко рискуют применять его самостоятельно[302].

Далее мы последовательно рассмотрим три наиболее распространенные «динамичные» теории толкования в США.

Теория «наилучшего ответа» предполагает, что целью толкования закона является поиск наиболее удобного, подходящего варианта раскрытия того иного понятия в законе с точки зрения сравнения результатов толкования. По мнению профессора Харда, статуты должны толковаться так, чтобы «приводить к оптимальному положению вещей», что достигается «путем толкования закона в свете достижения им своих положительных, как правило, социальных целей, а не поиска слепого намерения законодателей»[303]. *Теория «наилучшего ответа»* чем-то похожа на теорию естественного права, которое видит в норме поведения заложенную «мораль» поведения, свойственную обществу на данном этапе исторического развития. Однако теория «наилучшего ответа», к сожалению, имеет мало общего с принципами демократии и верховенства права в законодательном процессе. Другая интерпретация теории «наилучшего ответа» проявляется в ***идее связанности*** (*coherence theory*) толкования с другими достижениями законодательного процесса, такими как законодательные прецеденты, принципы принятия законов и общая политика государства по

---

[302] Для более детального ознакомления с современной точкой зрения на преимущества и недостатки динамичных теорий толкования, см.: Symposium on dynamic statutory interpretation // Legal Scholarship. 2002. Iss. 3.

[303] См.: *Hurd H.* Sovereignty in Silence // Yale Law Journal. 1990. Vol. 99. P. 1028.

вопросам законотворчества[304]. Судья Брюйер основывал свою позицию по делу *Holy Trinity* именно на этой теории: суд не может толковать закон, выходя за его рамки и опираясь на его общую цель, если такое толкование приводит к коренным противоречиям с устоями религиозного американского общества.

Однако теория «наилучшего ответа» задает больше вопросов, чем предоставляет ответов. К примеру, является ли данная теория доступной для понимания простого гражданина США? Ясно ли она выражает нормативные требования, которые закон предъявляет к гражданам? Можно ли с уверенностью «предсказать» итоги толкования законов с использованием данного подхода? Очевидно, что ответы на данные вопросы будут скорее отрицательными, чем положительными. Однако неоспоримым преимуществом данной теории является так называемое достигаемое ***устойчивое равновесие между принятием и применением закона (equilibrium)*** как компромисс между действующей властью и избравшим ее народом[305]. Устойчивое равновесие проявляется в том, что обычный гражданин США никогда не будет обращаться к Сводам законов США или изучать отчеты комитетов Конгресса по каждому интересующему его юридическому вопросу, а будет просто наблюдать за «принятым» поведением, изредка консультируясь с властью (Службой внутренних доходов, к примеру) о должном поведении. Таким образом, теория «наилучшего ответа» фактически жертвует юридической «чистотой» применения закона в целях соблюдения «принятого», «ожидаемого» поведения, способствует принятию судебного решения, соответствующего устоям и принципам, в том числе политическим, американского общества на определенном этапе исторического развития. Очевидно, что столь расплывчатый подход будет весьма серьезно уступать иным версиям «динамичных» теорий толкования.

Наиболее распространенной «динамичной» теорией является ***прагматизм в толковании.*** Популярность данного подхода связана с тем, что сторонники

---

[304] См.: *Dworkin R.* Law’s empire. London : Belknap Press. 1986.

[305] См.: *Eskridge W.* (jr.), *Frickey P.* The Supreme Court, 1993 term – foreword : law as equilibrium // Harvard Law Review. 1994. Vol. 108, nr 26. P. 26.

поиска «законодательного намерения» и те, кто ищет опору толкования лишь в тексте закона, основывают свои теории лишь на одном фундаментальном элементе – намерении или тексте. А это в свою очередь ограничивает толкование как вид интеллектуальной деятельности, заключающийся во всестороннем изучении «соединенных между собой факторов, повлиявших на принятие того или иного закона». Получается, что решение спора о толковании возможно путем осуществления разностороннего «взгляда» на проблему, изучения множества различных аргументов, а не «слепой» убежденности в действенности лишь одного из них[306]. Успех толкования конкретного закона, по мнению прагматиков толкования, зависит от множественности целей и средств (источников) толкования. Сложность прагматизма в толковании заключается в том, что представители каждой теории толкования могут использовать прагматизм для подтверждения действенности своих теорий. Например, судья Скалиа использовал прагматизм, чтобы обосновать нецелесообразность использования истории принятия закона как метода выявления сущности толкуемого термина. Профессор Вермюэль ссылался на нарушение принципа прагматизма судами, когда они берутся за изучение истории принятия закона вместо его текста: судьи просто некомпетентны для выполнения этой задачи. Таким образом, данная теория удобна в «решении простых дел», по мнению Уильяма Эскриджа, однако она проявляет излишнюю множественность аргументов, способную «размыть» саму сущность данного подхода[307].

На ***критике прагматизма*** построена третья «динамичная» теория толкования[308]. Теория ***деконструкции*** юридического текста подразумевает под собой выявление тех социальных «двигателей», которые привели к принятию

---

[306] См.: *Peirce C. S.* Collected papers : Vol. 1 and Vol. 2 in one / ed. by C. Hartshorne and P. Weiss. Cambridge : Belknap Press of Harvard University Press, 1960. § 2644.

[307] См.: *Eskridge W. N.* (jr.), *Frickey P. P., Garrett E.* Legislation and statutory interpretation. 2nd ed. New York : Foundation Press, 2006. P. 252.

[308] Ее иногда называют «теорией деконструкции юридического текста». Подробнее см.: *Balkin J. M.* Deconstructive practice and legal theory // Yale Law Journal. 1987. Vol. 96. P. 743; *Eskridge W. N.* (jr.), *Peller G.* The new public law movement : moderation as a postmodern thought and its implications for statutory interpretation // South California Law Review. 1992. Vol. 65. P. 2505.

текста закона в определенном виде. Если вновь обратиться к делу *Weber,* то в действительности можно усмотреть деконструкцию закона «О гражданских правах» 1964 г. в попытке белого гражданина США, получавшего, как и прочие белые граждане, выгоду от неравноправного положения афроамериканцев и иных «цветных» граждан США на протяжении многих лет, но в суде пытающегося доказать, что по отношению к нему была применена «обратная дискриминация» (*reverse discrimination*), т.е. дискриминация в отношении ранее угнетающего класса лиц. Закон «О гражданских правах» был принят по инициативе консервативно настроенных конгрессменов, желающих исключить нежелательную категорию «расы» из терминологии закона вообще, оставляя за работодателями право самостоятельно решать вопрос интеграции расово ущемленных лиц в трудовой коллектив предприятия. Однако текст закона получился таким неоднозначным, что при его толковании возникла проблема, которая привела к приданию совершенно противоположного смысла антидискриминационной формулировке закона о найме на работу. Тем не менее Вебер пытался отстоять изначально заложенный «социальный мотив» данного закона в суде, хотя его попытки и не увенчались успехом.

Однако многие критикуют деконструкцию за нарушение принципа верховенства права в законодательном процессе. Принцип общего права о том, что верховенство права заключается в строгой иерархии объекта толкования (текста) над субъектом толкования (*the rule of law is the law of rules*), по мнению оппонентов деконструкции, нарушается. Дело в том, что если толкование закона начинает зависеть от той позиции, которую занимает субъект толкования по тому или иному вопросу, то нарушается иерархия объекта над субъектом. Тогда подчиняющийся субъект начинает контролировать подчиняющий объект, что противоречит идее верховенства закона в принципе. Именно потому теория деконструкции довольно опасна для применения, ибо практически невозможно отойти от текста закона для определения «социального мотива» его принятия так, чтобы полностью не оторваться от его текста, а значит, и заложенного в текст закона смысла.

Далее необходимо вернуться к рассмотрению дела ***People v. Lopez***, которым мы проиллюстрируем применение теории статутного толкования в США к сфере уголовного права. Мы остановились на том, что применение текстуального базиса к толкованию фразы «незаконное присвоение» имущества (*felonious taking*) не дало своих результатов. Разграничение преступлений угона и грабежа непосредственно влияло в данном деле на меру ответственности, и поскольку текст закона не смог ответить на все поставленные вопросы, субъекты толкования прибегли к выяснению законодательного намерения по данному закону в штате Калифорния. Сам вид преступления «угон» был введен в законодательство в 1993 г. До принятия § 215 Уголовного кодекса штата Калифорния насильственный захват транспортного средства преследовался и квалифицировался как грабеж второй степени (*second degree robbery*). Изучение истории принятия нового вида преступления – угона – показало, что законодатель ставил перед собой весьма конкретную цель – защита лиц, которые оказались в автомобиле во время угона: *«В настоящее время наблюдается значительный рост числа похищений при угонах автомобилей, также с использованием огнестрельного оружия. Этот факт сам по себе делает преступление угона более общественно опасным: если преступнику был нужен лишь автомобиль жертвы, он не стал бы подвергать себя риску пересечения с владельцем – что в результате приводит к убийству и нанесению тяжелых травм похищенным лицам. Поскольку в настоящее время не существует отдельного преступления угона, в большинстве случаев данное преступление сложно квалифицировать, так как не все из них подпадают под преступление грабежа (из-за невозможности доказать намерение обвиняемого лишить владельца автомобиля возможности пользоваться им навсегда некоторые преступники используют угон как временную меру для достижения другой преступной цели)»*[309]. Таким образом анализ истории принятия закона явно показывает, что угон был выделен в особую категорию такого преступления, как грабеж, потому что он являлся более общественно опасным преступлением, которое было сложно

[309] См.: Assembly Comments on Public Safety // Analysis of Senate Bill. 1993. No 60. P. 1.

квалифицировать по статье грабежа из-за отсутствия всех необходимых элементов. Вследствие более тяжкого характера противоправного поведения при угоне и растущей тенденции совершения именно этого типа преступлений законодатель также ввел более суровую меру наказания за его совершение по сравнению с грабежом. Прокурор по делу также вывел три основных отличия данных видов преступлений: 1) при угоне намерение преступника заключается в лишении права владения и пользования либо временно, либо навсегда, тогда как при грабеже возможен только второй вариант; 2) при грабеже насильственное изъятие вещи происходит только у владельца, тогда как угон может быть осуществлен и у пассажира автомобиля; 3) грабеж касается практически любой вещи, угон же можно реализовать только в отношении транспортного средства[310]. Однако это дело мы рассматриваем в контексте данного параграфа именно потому, что в нем был применен динамичный подход к толкованию текста закона: с учетом истории принятия закона, оценки всех обстоятельств вокруг цели принятого закона, субъекты толкования пришли к выводу, что так называемый угон фургона потерпевшего – это все же особый подвид грабежа. Об этом свидетельствует и явный смысл формулировки угона, в ней использованы те же слова, что и в статье о грабеже. Из данного дела можно сделать вывод о том, что если законодательство было уже истолковано в судебном порядке и позже принимается закон, использующий те же формулировки, то действует презумпция, что законодатель имел намерение придать этим словам то же значение, которое было использовано в ранее истолкованном законодательстве, если прямо не указано иное. Более того, если термину, существовавшему в общем праве, не было дано иное значение в законе, то действует презумпция, что законодатель хотел сохранить значение термина именно по общему праву. В данном случае «незаконное присвоение» было использовано и в обоих законах, и в общем праве, что предполагает намерение законодателя придать этим словам одно и то же толкование в обоих статутах.

[310] Criminal law : concepts and practice / E. S. Podgor, P. J. Henning, A. E. Taslitz, A. Garcia A. 2nd ed. Durham, N. C. : Carolina Academic Press, 2009. P. 56.

Таким образом, выбор надлежащей теории толкования того или иного закона представляет собой весьма сложную задачу. Каждая из теорий и рассмотренных подходов к ним обладает своими преимуществами и недостатками, которые не дают окончательного и убедительного ответа на вопрос, какой из подходов следует применять в каждом конкретном случае, что и делает вопрос статутного толкования столь интересным и актуальным в современной теории права в США.

Однако прежде чем делать окончательный вывод о наиболее разумном практическом решении проблемы выбора того или иного подхода к статутному толкованию, следует рассмотреть вспомогательные методы и способы толкования, которые судьи и правительственные агентства США используют наряду с выбранной теорией толкования.

К таковым можно отнести в первую очередь способы *текстуального* и *прецедентного* толкования, *правила (canons)* статутного толкования, использование *внешних* источников толкования, таких как *общее право, история принятия закона,* методы толкования законов *правительственными агентствами* США и др. Все эти средства являются второстепенными в вопросе толкования понятий закона, однако на практике получается, что все три теории толкования берут свое начало именно на базе этих средств. Это может быть текст закона, прецедент, использование часто применяемого «канона» толкования или история его принятия. Также стоит отметить, что довольно часто в основу выбора той или иной теории может быть положено сразу несколько второстепенных средств толкования, поэтому с практической точки зрения результат толкования в каждом конкретном случае непредсказуем. Именно поэтому область толкования статутов в США столь интересна.

Подводя итог главы 2 необходимо отметить, что мы осветили самые основные и *проверенные временем* теории толкования норм права. В каждой из выбранных нами юрисдикций существуют некие новаторские подходы к толкованию норм права, однако они, как правило, не получают поддержки на практике. Определить, какая из трех теорий толкования самая удачная, сложно,

поскольку каждая из них имеет свои уникальные достоинства и неизбежные недостатки.

И в Англии, и в США ключевой теорией толкования является теория, которая основывается на тексте закона, грамотное и всестороннее прочтение которого, по мнению большинства юристов, будет залогом вынесения справедливого решения по спорному вопросу толкования. Однако теория выявления законодательного намерения также часто «врывается» в ход судебного процесса, являясь полезным «инструментом» в ловких руках юриста для того, чтобы поставить под сомнение компетентность законодательного органа, принявшего неточно сформулированный текст закона. В теории мы должны согласиться с тем, что текст закона является недвусмысленным выражением воли законодательного органа и что сомневаться в правильности принятой формулировки будет нарушением принципа разделения властей. Однако практика анализа и применения законов в Англии и США для решения разных дел, в особенности уголовных, дает понять, что «человеческий фактор» в процессах обсуждения и принятия текста закона играет двоякую роль, которая часто «подводит» законодателя, проявляясь в очевидных ошибках, неточностях текста и несправедливом принятии решения по конкретному делу. Именно потому доктрина толкования в Англии и США не может отойти от обсуждения целесообразности и допустимости применения теории выявления законодательного намерения, периодически разрешая ее использование в уголовных делах (где толкование играет определяющую роль для жизни и свободы лиц, участвующих в процессе). Борьба этих двух теорий носит имманентный характер. Однако можно с уверенностью сказать, что комплексная, или «динамичная» теория толкования является ***наиболее перспективной как для Англии, так и для США***, поскольку она пытается соединить в себе все преимущества других теорий. Тем не менее «динамичная» теория толкования формулируется весьма абстрактно для того, чтобы занять прочное место в иерархии системы подходов к толкованию. Глобальным недостатком системы теорий толкования в каждой юрисдикции можно считать «юридическую

неоформленность» четкого перечня последовательного использования средств и приемов толкования в рамках каждой теории. Добавим, что вспомогательные внутренние и внешние средства толкования, о которых речь пойдет в следующей главе, часто переплетаются в рамках одной теории, полностью подрывая какие-либо попытки доктринальной систематизации приемов толкования.

Таким образом, ни одна из юрисдикций не имеет единого и четко оформленного подхода к толкованию, который был бы понятен каждому, кто читает текст закона, а все теории толкования находятся в постоянном взаимовлиянии, взаимодействии и взаимной борьбе. И выбор теории для конкретного дела зависит от позиции конкретного судьи.

Глава 3. Вспомогательные внутренние и внешние средства толкования норм права в Англии и США

§ 3.1. Внутренние средства толкования

Какую бы теорию толкования ни выбрали английские судьи, на помощь процедуре толкования приходят вспомогательные внутренние *к тексту закона* и внешние средства толкования. С 1998 г. к списку внутренних средств толкования добавился еще один значимый источник – закон «О правах человека». Классические внутренние к тексту закона средства толкования в **Англии** могут быть подразделены на два вида: *толкование из* ***контекста*** и *приемы толкования* ***noscitur a sociis, ejusdem generis*** и ***expressio unius exclusio alterius.*** Также к перечню внутренних к тексту закона средств толкования относят **презумпции** – некоторые общие для всех законов принципы.

Толкование из контекста возможно только при применении правила буквального толкования и «золотого» правила и включает в себя следующие средства: изучение текста закона и его контекста, а также пояснительных меморандумов к закону[311]. Контекст закона анализируется судьей для того, чтобы провести *сравнительный анализ* толкуемой нормы с другими положениями закона с целью выявления общей направленности и задачи закона, выраженной в конкретных формулировках по ходу всего текста[312]. «Подсказками» для суда могут также служить наименование закона или названия разделов.

---

[311] См.: *Хабриева Т. Я.* Доктринальное и компетентное толкование Конституции // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1998. № 1. С. 22–34; *Тихомиров Ю. А.* Теория компетенции. М. : Юстицинформ, 2001. 354 с.

[312] В этом контексте известное правило *открытой структуры* юридического языка было сформулировано известным британским правоведом Г. Хартом: «Какой бы механизм, прецедент или законодательство ни выбрать для сообщения образцов поведения, они, как бы гладко ни работали среди огромной массы обычных случаев, окажутся в некоторый момент, когда их применение будет под вопросом, неопределенными: они будут обладать тем, что терминологически выражается как открытая структура (open texture)» (*Харт Г. Л. А.* Понятие права. СПб, 2007. С. 131). Концепция «открытой структуры» активно дискутируется в отечественной юриспруденции в работах А. Б. Дидикина, В. В. Оглезнева и С. Н. Касаткина.

С 1999 г. к каждому закону, принятому после данной даты, стали выпускаться объяснительные меморандумы, содержащие краткую пояснительную информацию об общей направленности закона, которой могут воспользоваться суды при толковании.

Наименования приемов толкования кажутся весьма громоздкими, но они выработаны временем и представляют собой лишь здравый смысл, который обязателен в толковании. Стоит отметить, что применяются они далеко не всегда, так же как и правила толкования.

Прием ***noscitur a sociis («такой же, как другие с ним связанные»)*** означает, что слово должно толковаться исходя из контекста, т.е. «окружающих» его слов. Так, если в законе указаны «кошачий дом, игрушечные мышки и еда», то логично будет предположить, что речь идет именно о кошачьей еде, а не о какой-либо другой.

В деле *Westminster City Council v. Ray Alan (Manshops) Ltd* 1982 г. речь шла о ст. 14 (1) закона «О торговых названиях» 1968 г., которая предусматривала уголовную ответственность за недостоверное указание на природу «любых предоставляемых услуг, удобств или объектов». Торговая компания объявила в одном из своих магазинов «распродажу по случаю закрытия» (*Closing Down Sale*), однако продолжила торговлю обычным образом, без намерения закрывать магазин. Суд в итоге постановил: слово «объекты» должно быть ограничено предшествующими ему словами, а именно тем, что было предоставлено в пользование покупателям, а значит, не включать более широкое понятие «торговых объектов»[313].

См. подробнее: *Дидикин А. Б.* Аналитическая философия права: истоки, генезис и структура / Нац. исслед. Томский гос. ун-т. Томск : Изд-во Томского ун-та, 2016. 242 с.; *Оглезнев В. В.* Г. Л. А. Харт и формирование аналитической философии права : монография / Нац. исслед. Томский гос. ун-т. Томск : Изд-во Томского ун-та, 2012. 214 с.; *Касаткин С. Н.* Судебное решение в спорных случаях: методология объяснения неопределенности в аналитической юриспруденции Г. Харта // Российский журнал правовых исследований. 2017. № 1. С. 162–170.

[313] См.: *Cross R., Bell J., Engle G.* Statutory interpretation. 3rd ed. Oxford : Oxford University Press, 2006. P. 138. См. альтернативные юридические приемы толкования в российской правовой доктрине Теория государства и права : учеб. для студентов вузов, обучающихся по специальности Юриспруденция / Бабаев В. К., Баранов В. М., Витрук Н. В. [и др.] ; под ред. В. К. Бабаева. М. : Юристъ, 2003. 591 с. (Institutions).

Прием ***ejusdem generis («следуй тому же роду»)*** означает, что общие слова, которые следуют за перечислением, должны включать только родственные перечисленным слова. К примеру, если в законе прописано «кошки, собаки и другие животные», то понятие «другие животные» должно включать в себя иных домашних животных, но не диких.

Для применения данного правила необходимо установить категорию, часто именуемую как «род», состоящую из определенных слов, способных ограничить тот объем понятий, которые рассматриваются как «однородные». В деле *Quazi v. Quazi* 1980 г. речь шла о ст. 2 закона «О признании разводов и раздельного проживания супругов по решению суда» 1971 г., которая требовала, чтобы признание развода или раздельного проживания супругов по иностранному праву осуществлялось в случае, если оно утверждается **«в судебном или ином порядке»** (*by means of judicial or other proceedings*). Палата лордов рассмотрела «иной порядок» как действия, приближенные не только к судебной процедуре, но также включающие в себя «Талак» – развод по 65 суре Священного Корана, который по своей сути представлял религиозную церемонию. В связи с этим лорд Скарман отметил, что «если законодательная цель предусматривает перечисление ряда понятий, то использование правила ″следуй тому же роду″ оправдано, однако если это не так, то данное правило скорее разрушит цель закона, чем поможет ее воплотить. Данное правило, как и многие другие правила статутного толкования, является хорошим слугой, но плохим хозяином». Так было определено, что задачей данного закона было признание в Англии законно полученного за рубежом развода, а уже сами процедуры, которые приняты в иностранных государствах для получения законного развода, не являются предметом спора английских судов[314].

Прием ***expressio unius exclusio alterius («указание на одно исключает другое»)*** означает, что прямое указание на какое-либо понятие исключает

---

[314] См.: *Cross R., Bell J., Engle G.* Statutory interpretation. 3rd ed. Oxford : Oxford University Press, 2006. P. 136.

применение другого. К примеру, если закон напрямую указывает на «персидских кошек», то ссылка на другие виды кошек недопустима.

В деле *Dimbleby&Sons Ltd v. National Union of Journalists* 1984 г. речь шла о ст. 17(3) закона «О найме» 1980 г., предусматривавшей запрет на предъявление исков по действиям в процессе трудового разбирательства «к стороне спора». Суд не стал толковать понятие «сторона спора» расширительно, т.е. не стал включать в это понятие «ассоциированного работодателя» – работодателя, контролируемого основным работодателем.

Говоря о *презумпциях* законодательства в Англии, стоит для начала перечислить все самые основные (надо отметить, что разные источники предоставляют для ознакомления разный набор основных презумпций) и затем отдельно остановиться на презумпциях, которые более всего раскрываются в сфере уголовного права:

● общая презумпция: законодательство не может изменить фундаментальное общее право (*presumption against unclear changes in the law*);

● законодательство не должно нацеливаться на изъятие у суда юрисдикции;

● запрет отмены уже существующих естественных прав;

● обязательное толкование уголовного закона в пользу обвиняемого в случае его двусмысленности (*strict construction of penal statutes*);

● запрет ретроспективного применения закона; действие закона начинается только с того момента, в который он вступает в силу;

● закон не распространяется на Корону, если в нем прямо не указано иное;

● законы «говорят во времени», т.е. толкование должно происходить с учетом временного контекста действия, а не исключительно с момента принятия[315].

Последняя презумпция может быть проиллюстрирована ст. 72 закона «О скоростных дорогах» 1835 г., которая предусматривает, что физическое лицо считается совершившим правонарушение, если оно «добровольно едет по пешеходной дороге или мостовой именно с той стороны, которая была

[315] См.: *Elliott C., Quinn F.* English legal system. Harlow : Pearson, 2014. P. 64.

специально предназначена для удобства пешеходов, или же намеренно ведет или едет на лошади, ишаке, муле, овце, свинье или другом скоте или средстве перевозки любого назначения, или на тележке или санях по такой пешеходной дорожке или мостовой…». Примечательно следующее: данный закон был принят до изобретения велосипедов, однако в деле *Taylor v. Goodwin* (1879) Высокий суд принял решение о том, что данный закон должен распространяться и на велосипеды, подводя их под категорию «средства перевозки». В результате ответчик по делу был признан виновным в «неистовом управлении велосипедом» по тротуару (*furious driving of a bicycle*)[316].

Из современных дел можно привести в пример следующее. В деле *Turkington v. Times Newspaper* (2000) газета *"The Times"* опубликовала статью о пресс-конференции, в ходе которой была раскритикована юридическая фирма. Применению подлежал закон «О внесении изменений в закон ″О клевете″ 1888 г.», где была в том числе размещена статья о публикации отчетов публичных мероприятий. Ответчик настаивал, что может использовать средство правовой защиты, предусмотренное в данном законе. Однако истцы утверждали обратное, поскольку в момент принятия закона понятия «пресс-конференция» просто не существовало. Палата лордов вынесла решение: *«ответ на этот вопрос можно найти в Викторианской эпохе: если не доказано иное, то все законы считаются "говорящими во времени"».*

Стоит отметить, что у данной презумпции выделяют два аспекта: 1) суды должны толковать и применять закон к отношениям в том виде, в котором они существуют сегодня; 2) закон должен толковаться в свете системы права, которая установилась на конкретный период времени – правовая норма должна рассматриваться как продукт существующей (действующей) системы права, а не просто как результат исторического заседания Парламента. Палата лордов постановила по этому поводу: *«Согласно основным правилам толкования, вопрос, поставленный перед Парламентом, должен решаться в свете свободы*

[316] См.: *Elliott C., Quinn F.* English legal system. Harlow : Pearson, 2014. P. 70.

выражения современного вида. Апеллирование к оригинальному значению слова должно быть отклонено»[317].

В деле *R v. Ireland and Burstowe* (1998) Палата лордов также приняла решение о поддержке презумпции «говорящих во времени статутов»: *«Иногда для законов требуется историческое толкование слов и выражений, решающих конкретную проблему, однако… общее правило должно заключаться в том, что "законы говорят во времени"».* В итоге данная презумпция, с одной стороны, помогает избежать «абсурдных» решений, которые могли бы основываться на «историческом» толковании нормы права, однако с другой стороны, часто делает невозможной ссылку на Хансард, в котором значение слов и выражений подчинено временно́му аспекту принятия статута.

Данные презумпции, однако, могут быть проигнорированы Парламентом, если он сможет аргументировать такую необходимость. К примеру, английский закон «О европейских сообществах» 1972 г. содержит четкое указание на применение закона ретроспективно. Тем не менее, если Парламент в законе не оформил такое указание четко и недвусмысленно, суды делают вывод о том, что все данные презумпции применимы. Для иллюстрации применения судами презумпций можно привести следующий пример. В деле *L'Office Cherifiendes Phosphates Unitramp SA v. Yamashita-Shinnihon Steamship Co Ltd (The Boucraa)* 1994 г. речь шла о презумпции запрета ретроспективного действия закона. Палата лордов настаивала, что решение должно быть продиктовано принципом «простой справедливости»: если бы суд применил закон ретроспективно, как это было указано в законе, не будет ли результат столь очевидно несправедливым, что даст основания полагать, что Парламент не стремился к такому результату? Такие выводы находят свое подтверждение в оценке и нахождении баланса между несколькими факторами, включая природу обсуждаемых естественных прав,

[317] См.: *Elliott C., Quinn F.* English legal system. Harlow : Pearson, 2014. P. 71. См. также: *Михайлов А. М.* Очерки теории и истории английского права : монография / Ин-т гос-ва и права Рос. акад. наук. М. : Юрлитинформ, 2015. С. 188–215; *Вопленко Н. Н.* Официальное толкование норм права. М. : Юрид. лит., 1976. 118 с.

четкость и ясность слов, использованных в законе, а также историю принятия конкретного закона.

Что остается непонятным, это как судьи осуществляют выбор между презумпциями, находящимися в противоречии[318], и почему только некоторые права защищаются именно презумпциями, а никак иначе. К примеру, есть распространенная презумпция о запрете отмены естественных прав, которая при этом применяется к денежным средствам и собственности частных лиц, но не к государственным пособиям[319].

Приступая к рассмотрению презумпций, которые более всего «раскрываются» в сфере уголовного права, для начала необходимо отметить следующее: несмотря на то, что законы часто «уходят в детали», они все же принимаются не в правовом вакууме. Законодатели и составители текстов законов предполагают следующее: суды будут толковать эти законы в соответствии с выработанными ранее правилами (презумпциями): «Преступный умысел большинства преступлений обозначен в тексте закона одним из следующих слов – "злоумышленно", "обманным путем", "неосторожно" или "заведомо", однако все они не раскрываются в каждом новом принимаемом законе заново, каждый раз оставляя для самых разных видов преступлений непознанные стороны преступного умысла. В большинстве уголовных законов фигурируют следующие термины: "надлежащий возраст", "вменяемость", "методы принуждения", – все они являются неотъемлемыми для уголовного права, однако нет необходимости раскрывать их в каждом новом уголовном законе»[320].

Презумпция запрета законодательных изменений фундаментального общего права сформировалась в те времена, когда законодательных актов по объему было не так много, как сегодня. Презумпция несколько трансформировалась за это время, и теперь ее чаще раскрывают как презумпцию

---

[318] См. : *Михайлов А. М.* Судебная власть в правовой системе Англии. М. : Юрлитинформ, 2009. С. 288

[319] См.: *Elliott C., Quinn F.* English legal system. Harlow : Pearson, 2014. P. 65.

[320] См.: *Stephen J.* R v. Tolson (1889) // Queen's Bench Division. Law Reports. Vol. 23. P. 168–187.

«стремления к минимально возможным изменениям общего права»[321]. Безусловно, презумпция теряет всякий смысл, если речь идет о нормах права, принятых в современный период развития системы общего права, как, например, право социального обеспечения, где просто нет норм общего права. Хорошим примером раскрытия существа презумпции является дело *Leach v. R* 1912 г.[322] Так, ст. 4(1) закона «О доказательствах по уголовным делам» 1898 г. предусматривала, что супруг(а) лица, которому было предъявлено обвинение по любому из правонарушений, перечисленных в Приложении, *может* быть свидетелем как со стороны обвинения, так и со стороны защиты. С учетом некоторых исключений, жена **по общему праву** не может давать свидетельские показания против своего мужа, в связи с чем Палата лордов решила, что в соответствии со ст. 4(1) жена не может быть принуждена к таким свидетельским показаниям: «Принцип, согласно которому жена не может быть принуждена давать свидетельские показания против мужа, имеет свои глубокие корни в общем праве нашей страны, и я (лорд Рид. – *Прим. авт*.) думаю, что если он должен быть отменен, то это необходимо сделать путем четкого, определенного и ясного законодательного акта, а не в рамках дела, рассматривающего двусмысленную норму существующего закона»[323]. Более спорное дело по применению данной презумпции – дело *Francis and Francis (a firm) v. Central Criminal Court* 1988 г.[324] Так, ст. 10(2) закона «О полиции и доказательствах по уголовным делам» 1984 г. (применяется в связи с законом «О преступлениях, связанных с перемещением наркотических средств» 1986 г., ст. 29(2)), которая лишала юридической защиты по общему праву «товары во владении, которые могут быть использованы с намерением совершить преступление».

---

[321] См.: *Cross R., Bell J., Engle G.* Statutory interpretation. 3rd ed. Oxford : Oxford University Press, 2006. P. 168.

[322] См. подробнее: *Cross R., Bell J., Engle G.* Statutory interpretation. 3rd ed. Oxford : Oxford University Press, 2006. P. 168; Appeal Cases. Vol. 1. P. 305.

[323] См.: *Cross R., Bell J., Engle G.* Statutory interpretation. 3rd ed. Oxford : Oxford University Press, 2006. P. 168.

[324] См., например: The All England Law Reports. Vol. 3. P. 775; *Oliver P. R.* Judicial view of modern legislation // Statute Law Review. 1993. Vol. 14, iss. 1. P. 1–7; *Allan T.* Law, liberty, and justice. London : Clarendon Press, 1993. P. 85–87.

Спор возник, когда речь зашла о владении таким товаром *адвокатом* лица, в связи с чем лорды Бридж и Оливер высказались о том, что ст. 10(2) должна распространяться только на такие случаи, как с адвокатом. Однако большинство Палаты расширило применение презумпции, тем самым изменив установленный общим правом принцип.

Презумпция строгого толкования уголовного закона в пользу обвиняемого также раскрывается преимущественно в уголовном праве. Сформулирована она была еще в 1887 г. лордом Эшером: «Если возможно дать разумное толкование закону, которое сможет помочь *избежать наказания* в любом деле, мы должны применять именно это толкование. Если возможны два варианта толкования, то необходимо выбирать менее суровый. Это установленное правило для толкования уголовных законов»[325]. В качестве примера можно привести дело *R v. Allen* 1985 г., в котором возник вопрос, является ли преступлением согласно положениям ст. 3(1) закона «О краже» 1978 г. случай, когда постоялец гостиницы покидает отель, не заплатив по счету ранее оговоренную сумму. Текст статьи был следующим: «Любое лицо, которое осведомлено, что оплата на месте за предоставленные товары или оказанные услуги ожидается от него, и умышленно покидает место оплаты таких товаров или услуг *с намерением* уклониться от такой оплаты, считается виновным в краже»[326]. Палата лордов постановила, что данные слова однозначно не относятся к ситуациям, когда гость, покидающий отель, обязался заплатить в другую оговоренную дату. Лорд Хейлшэм указал: «Даже если толковать слова "с намерением уклониться от уплаты" как двусмысленные, т.е. в данном случае включающие намерение отсрочить или вовсе уклониться от оплаты, требуемой отелем, любая двусмысленность должна быть разрешена в пользу обвиняемого»[327].

---

[325] См.: Tuck & Sons v. Priester (1887) // Queen's Bench Division. Law Reports. Vol. 19. P. 629–638.

[326] См.: *Cross R., Bell J., Engle G.* Statutory interpretation. 3rd ed. Oxford : Oxford University Press, 2006. P. 172.

[327] См.: Ibid.

Несмотря на то, что презумпция строгого толкования уголовного закона в пользу обвиняемого часто цитируется[328], Правовая комиссия настаивает на том, что презумпция должна иметь ограниченное применение: «Мы скептически… относимся к самому факту существования данной презумпции. На нее часто ссылаются в судах, но на практике все же применяют крайне редко. Это происходит потому, что данный "принцип" не может быть разумно использован для разрешения всех двусмысленностей»[329]. Такой же точки зрения придерживается и английская доктрина[330].

Например, профессор Эшворт утверждает – данная презумпция выполняет роль «конечного пункта», когда сомнение остается уже после исследования всех возможностей толкования, а не как правило, «разрешающее все двусмысленные толкования»[331]. Эта точка зрения подкрепляется позицией о том, что граждане должны понимать правовые последствия своих действий, а задачей уголовного правосудия должна быть наказуемость уголовного деяния, при этом четко определенная и ясно сформулированная. В связи с этим правовед Гленвиль Уильямс также высказал мнение, согласно которому данная презумпция не всегда будет служить поводом для узкого судебного толкования законов, направленных на строгую криминализацию противоправных общественных отношений: *«Английские уголовные суды редко применяют правило строгого толкования. Они, конечно же, будут применять эту презумпцию, если находятся в серьезной неуверенности в том, каким являлось намерение законодателя, и если отсутствуют какие-либо указания на то, что закон должен толковаться широко. Однако если у уголовного закона есть вариативность толкования и*

---

[328] См.: R. v. Horseferry Road Metropolitan Stipendiary Magistrate, ex p Siadatan (1991) // All England Law Reports. Vol. 1. P. 324–328.

[329] См.: Criminal Law : a criminal code for England and Wales (Law Commission no. 177, 1989), ordered by The House of Commons, para 3.17.

[330] См., например: *Smith J. C.* Codification of the criminal law. London : The Child & Co Lecture. 1986. P. 9; *Williams G.* Statutory interpretation, prostitution and the rule of law // Crime, Proof and Punishment : essays in memory of Sir Rupert Cross / Tapper C. F. H. (ed.). 2nd ed. London : Butterworths, 1983. P. 12.

[331] См.: *Ashworth A., Ward R.* Interpreting criminal statutes : a crisis of legality? // Law Quarterly Review. 1991. Vol. 107. P. 419–432.

публичный порядок требует приоритета расширительного толкования, то суды предпочтут именно такое толкование»[332].

Говоря о *законе* «О правах человека» 1998 г., следует отметить, что данный закон инкорпорирует в законодательство Великобритании Европейскую Конвенцию по правам человека, которую большинство европейских государств приняли как акт международного значения, имеющий высшую юридическую силу по отношению к национальному закону. Однако Великобритания пошла по другому пути. Например, ст. 3(1) закона гласит: «***В той мере, в которой это возможно****, законодательство и подзаконное нормотворчество должны толковаться и применяться в соответствии с Конвенцией»*. Также ст. 2 закона содержит норму о том, что при решении дел, касающихся прав, вытекающих из Конвенции, английские суды должны **«принимать во внимание»** любые относящиеся к делу решения Европейского суда по правам человека. Если невозможно найти толкование, совпадающее с положениями Конвенции, то суд, рассматривающий дело, может сделать заявление о несовместимости, согласно ст. 4. Это делается для того, чтобы привлечь внимание Правительства к необходимости привести законодательство в соответствие с положениями Конвенции, хотя обязательный характер этой процедуры не закреплен, но все же порядок «быстрого внесения» изменений в законодательство предусмотрен ст. 10. Однако если суд при применении буквального толкования сочтет, что нарушаются положения Конвенции, он может проигнорировать дословный текст закона, которому будет дано толкование, отвечающее задачам и положениям Конвенции. В деле *R v. A* (2001) Палата лордов постановила, что «согласно классическим правилам толкования, суд может отходить от текста закона во избежание абсурдных последствий. Но ст. 3 закона "О правах человека" идет дальше: для осуществления воли Парламента суду может потребоваться остановить свой выбор на толковании, которое лингвистически может вызвать

[332] См.: *Williams G.* Statutory interpretation, prostitution and the rule of law // Crime, Proof and Punishment : essays in memory of Sir Rupert Cross / Tapper C. F. H. (ed.). 2nd ed. London : Butterworths, 1983. P. 72.

вопросы»[333]. Речь шла об изнасиловании. Информацию о предшествующем поведении жертвы часто допускали как доказательство по делу в ходе уголовного судебного процесса. Такая информация, как правило, использовалась для того, чтобы создать негативное впечатление о жертве у присяжных заседателей, с целью убеждения последних в том, что жертва как свидетель непригодна из-за сексуальной жизни, которую она вела ранее. Иными словами, женщина, имевшая активную половую жизнь с разными мужчинами, а не с супругом, аморальна и в целом не заслуживает доверия. Правительство лейбористов было обеспокоено тем, что жертвы сексуальных преступлений не получают адекватной защиты в судебном процессе по этой причине, и приняло закон «О ювенальной юстиции и доказательствах по уголовным делам» 1999 г. Например, ст. 41 закона гласила, что информация о предшествующем сексуальном поведении истца может быть принята судом как доказательство по делу, только если «отказ в предоставлении такой информации сможет привести присяжных заседателей или суд к ложным выводам по какому-либо вопросу, относящемуся к делу». Волей Парламента в данном случае предпринята попытка существенно ограничить использование информации о половой жизни пострадавшего в рамках судебного процесса об изнасиловании. Однако в первом же деле, дошедшем до Палаты лордов, было принято решение проигнорировать прямую волю Парламента, делая ссылку на закон «О правах человека» 1998 г. Палата постановила, что ответчику должно быть дано право приобщить доказательства о половой жизни пострадавшей, поскольку между ними были сексуальные отношения за неделю до предполагаемого факта изнасилования. Палата обосновала такое решение тем, что в противном случае будет нарушена ст. 6 Европейской Конвенции по правам человека 1950 г., гарантирующая справедливое судебное разбирательство. Таким образом, толкование данного закона было осуществлено в противоречии с волей Парламента, но в соответствии с положениями Конвенции о защите прав человека и основных свобод[334].

---

[333] См.: *Elliott C., Quinn F.* English legal system. Harlow : Pearson, 2014. P. 61.
[334] См.: *Elliott C., Quinn F.* English legal system. Harlow : Pearson, 2014. P. 61.

В деле *Ghaidan v. Godin-Mendoza* (2004) Палата лордов указала, что судам следует применять ст. 3 Конвенции для толкования национальных законов. Стейн отмечает, что к моменту принятия этого решения судами уже было вынесено более 10 решений о несовместимости национального законодательства с Конвенцией, из которых пять было отменено в ходе апелляции, а прямая ссылка на ст. 3 была дана только три раза[335]. Он также отметил, что суды должны обращаться чаще именно к ст. 3 с целью толкования законов в соответствии с положениями Конвенции. Палата лордов посчитала, что в контексте использования ст. 3 Конвенции суды при толковании закона должны освободиться от «семантической лотереи» слов, использованных законодателем, и толковать законы сразу в соответствии с положениями Конвенции. Палата попросту требовала от судей проверки соответствия толкования «основным положениям» законодательства, не призывая к фундаментальному переосмыслению толкуемого закона. Ведь такая возможность – переосмыслить закон – дает суду основания переходить границу разумного толкования, иногда заходя слишком далеко, как это сделал Апелляционный суд в деле ***S*** 2002 г. о толковании закона «О детях» 1989 г. Суд «вводил» новую процедуру по установлению контакта местных властей с опекуном ребенка, в отношении которого был издан приказ о денежном содержании по вопросу опекунства. В ходе рассмотрения апелляции Палата лордов вынесла решение, что Апелляционный суд все же пересек границу толкования и внесения изменений в закон.

Таким образом, при применении в Англии ст. 3 закона «О правах человека» 1998 г. у судов наблюдается бóльшая свобода действий, чем при обычном толковании, несмотря на то, что у такой свободы все же есть свои рамки.

Переходим к рассмотрению данной проблематики в **США**.

Как было сказано выше, выбор той или иной теории толкования зависит от базиса, который положен в основу такого выбора. *Текстуальный* базис предлагает

[335] См.: *Elliott C., Quinn F.* English legal system. Harlow : Pearson, 2014. P. 62.

субъекту толкования ответить на вопрос, как закон будет прочитан и воспринят обычным гражданином США, а также какое количество различных значений определяемого понятия возможно в рамках данного закона. *Прецедентный* базис помогает определить значение нормы закона на основе выявления ранее принятых по данному закону судебных решений, имеющих обязывающий характер для суда, толкующего закон, или имеющих достаточно убедительную аргументацию определенного толкования закона, которой суд как субъект толкования может воспользоваться. *Каноны статутного* толкования будут рассмотрены нами ниже с выделением наиболее важных и противоречивых из них и перечислением канонов, принятых Верховным судом США как обязательной внутренней нормы (см.: Приложение В). Следует отметить, что в данной работе мы опираемся именно на решения Верховного суда США, поскольку толкование федеральных статутов позволяет дать *некое общее представление о толковании норм права в США* исходя из предпосылки о том, что каждый штат интерпретирует внутренние законы в индивидуальном порядке, и осветить многообразие подходов каждого штата к толкованию норм права не представляется возможным в рамках данной работы.

Текстуальный базис включает в себя словари, грамматические пособия, поиск практики применения лингвистических оборотов и, самое главное, представление субъекта толкования о надлежащем значении толкуемого понятия. Опираясь на эти источники, судьи с легкостью разрешают дела, в которых текст закона прямолинеен и ясен. Как упоминалось выше, в случае, когда закон дает запрет на «парковку всех транспортных средств в парке», субъекты толкования будут толковать понятие «транспортное средство» однозначно, как включающее в себя автомобили, мотоциклы, тракторы, грузовики, лимузины, автобусы. Несмотря на то, что закон прямо не говорит о таких средствах передвижения, как трехколесный велосипед, общее намерение законодателя и принятые прецеденты по данному закону помогут найти ответ на вопрос, включаются ли такие средства передвижения в понятие «транспортное средство». Однако дело обстоит значительно сложнее, если текст закона позволяет толковать понятие

диаметрально противоположными способами, что может привести к принятию кардинально отличных друг от друга судебных решений. В качестве примера можно привести дело *Babbitt v. Sweet Home Chapter of Communities for a Great Oregon*[336]. В данном деле «Верховному суду США пришлось бороться с наиболее важными текстуальными канонами толкования по мере обсуждения судьями значения закона «Об исчезающих видах животных и растений, занесенных в Красную книгу США» 1973 г. (*далее* – ESA)[337].

Раздел 9(a)(1)(B) закона запрещает любому лицу «добывать» (*to take end angered species*) представителей флоры и фауны, находящихся под угрозой исчезновения и внесенных в Красную книгу США. При этом в § 3(19) данного закона глагол «добывать» раскрывался как запрет на «причинение вреда (*harm*), преследование, охоту, стрельбу, убийство, ловлю, собирание» или «попытку такого поведения». Когда Министерство внутренних дел было вынуждено применить данный закон в 1994 г., оно истолковало «причинение вреда» в § 3(19) как означающее «действие причинения смерти или иное вредоносное действие, которое приводит к существенному изменению или ухудшению условий естественной среды обитания исчезающих видов». Как видно, толкование Министерства внутренних дел получилось расширительным, с чем не согласились предприниматели лесной промышленности, подавшие в суд на министра внутренних дел, аргументируя свою позицию тем, что Конгресс, принимая данный закон, не был *намерен* включить «изменения в естественной среде обитания исчезающих видов» в сферу закона[338]. Речь шла о защите кокардового дятла и пятнистой неясыти, которая живет максимум до 17 лет, и именно в штате Орегон были зафиксированы случаи выживания неясыти вплоть до данного возраста. Окружной суд поддержал министра, однако Апелляционный суд штата округа Колумбия вынес решение о том, что определение министерства было значительно шире, чем то, которое предусмотрено в законе. Казалось бы, здесь

---

[336] См.: The United States Reports. Vol. 515. P. 687.

[337] См.: *Eskridge W. N.* (jr.), *Frickey P. P., Garrett E.* Legislation and statutory interpretation. 2nd ed. New York : Foundation Press, 2006. P. 258.

[338] См.: The United States Reports. Vol. 515. P. 687.

стоит поставить точку, особенно с позиции сторонников теории текстуализма в толковании. Закон четко определил сферу своего действия, и не стоит выходить за рамки текста закона. Однако Верховный суд решил иначе и шестью голосами против трех вынес решение о ***допустимости расширительного толкования*** учреждением. На этом примере весьма удобно рассмотреть борьбу основных канонов текстуального толкования, так как решение Верховного суда США не было единогласным и принималось в обстановке жесткой полемики.

Теория текстуализма в первую очередь отвечает на вопрос: как определить «явный смысл» (*plain meaning*), вытекающий из закона? В деле *Sweet Home* судья Стивенс указал, что явный смысл глагола «причинять вред», который раскрывал ключевое понятие «воздействовать» выражается в действиях, направленных на негативный результат для исчезающего вида животных или растений. Иными словами, если естественная среда обитания пятнистой неясыти изменилась существенным образом, то это негативный результат для неясыти, а значит, ей причинен вред. Однако судья Скалиа с этим не согласился. Его точка зрения опиралась на более традиционное толкование глагола «воздействовать», используемое еще в делах, разрешенных по общему праву, и означающее применительно к взаимоотношениям между человеком и природой физическое ***подчинение*** природы (животного) человеку. Так, глагол «воздействовать» следует толковать узко, как форму поведения, направленную на истребление конкретного животного или растения. В связи с этим интересно отметить, что Верховный суд США неоднократно прибегал к использованию различных лексических и грамматических ***словарей*** для определения явного и «обычного» (*ordinary*) смысла[339]. Однако возникает вопрос, какой из великого множества словарей наиболее точно отражает явный смысл того или иного понятия? Судья Скалиа, к примеру, часто критикует словарь *Webster's Third*, утверждая вместе с некоторыми языковедами, что его определения являются чрезмерно

[339] См. подробнее: *Aprill E.* The Law of the word : dictionary shopping in the supreme court // Arizona State Law Journal. 1998. Vol. 30. P. 275; *Solan L.* When judges use the dictionary // American Speech. 1993. Vol. 68. P. 1; Note, looking it up : dictionaries and statutory interpretation // Harvard Law Review. 1994. Vol. 107. P. 1437.

«разговорными»[340]. Тем не менее справедливым будет вопрос, возможна ли такая критика словарей, если задача субъекта толкования – это поиск явного и «обычного» смысла понятия? Или же следует искать определения понятий в их строго формальном смысле, делая акцент на том, что данные понятия – это неотъемлемая часть юридического документа, т.е. закона? И какое именно понятие следует определять в данном случае – *harm* или *take*?

В решении дела *Sweet Home* нижестоящие суды и судьи Верховного суда США, выразившее особое мнение, опирались на правило *noscitur a sociis,* согласно которому «понятие должно толковаться исходя из окружающих его слов». Данный «канон» толкования подразумевает, что «когда два или более слова сгруппированы вместе и обычно имеют схожее значение, но не являются всесторонними, понятие, имеющее общее значение, будет определяться понятием, имеющим специальное значение»[341]. Раздел 3(19) перечислял целый ряд действий, которые характеризовали глагол «воздействовать», включая «причинение вреда» и еще девять действий, направленных на негативные последствия для животного в форме конкретного ущерба. Исходя из этого судья Скалиа, поддерживающий судью Уильямса из нижестоящего суда, указал на то, что «глагол ″воздействовать″ как общее слово для десяти его окружающих слов должно толковаться в свете и с учетом этих десяти действий, а значит, толковаться узко и строго»[342].

Близкой конструкцией толкования является *ejusdem generis*, которую коротко можно обозначить как «того же рода». Согласно данной конструкции в случае, когда общие (генерализирующие) слова следуют за более специальными в каком-либо статутном перечне, общие слова толкуются так, чтобы «вбирать» в себя стоящие перед ним специальные слова[343]. Однако разд. 3(19) является неудачным

---

[340] См.: MCI v. AT&T (1994) // The United States Reports. Vol. 512. P. 218, 228; *Sledd J., Ebbitt W.* Dictionaries and that dictionary. Illinois, Glenview : Scott Foresman & Co, 1962.

[341] См.: *Singer N. J.* Statutes and statutory construction. St. Paul, Minnesota : Thomson/West., 1992. § 47.16. P. 183.

[342] См.: The United States Reports. Vol. 515. P. 719–720.

[343] См. подробнее: *Singer N. J.* Statutes and statutory construction. St. Paul, Minnesota : Thomson/West., 1992. § 47.17; Cleveland v. United States (1946) // The United States Reports.

примером применения данной конструкции. Если бы статут определял глагол «воздействовать» как «издеваться, преследовать, охотиться, ранить, убивать, ловить, собирать или *иным образом причинять вред*», то можно было бы применить конструкцию *ejusdem generis* для толкования фразы «причинять вред» как общего слова для всех предыдущих глаголов в перечне, которое будет толковаться строго через призму этих глаголов. Такое толкование является строгим и узким, потому что оно подразумевает четкий перечень негативных действий, направленных на ущемление жизнедеятельности конкретного животного или растения. Однако разд. 3(19) перечислял действие «причинять вред» среди других действий в перечне, а значит, более применимой конструкцией является *noscitur a sociis*, хотя, строго говоря, оба канона приводят к одному результату толкования. Они также похожи тем, что ставят очень узкие и четкие рамки толкования, за которые суды не могут выходить. Тем не менее шесть судей Верховного суда США отказались применять оба канона, так как увидели дискреционную составляющую нормативного регулирования в формулировке закона, принятого Конгрессом.

Что касается применения данного канона строго в сфере уголовного права, то в качестве примера можно привести дело *State of Hawaii, Plaintiff-Appellee, v. Lee Rackle* (1973)[344], где фраза «иное смертельное или опасное оружие» была истолкована как включающая в себя кинжал, кортик, дубинку, пулевой выстрел, металлический кастет и пистолет, но не сигнальный пистолет (*flare gun*), который используется как средство предупреждения, а не представляет собой опасное оружие. В последующем и «водительский нож» был исключен из списка опасного оружия.

Третьим каноном, примененным судьей Скалиа в деле *Sweet Home*, является канон *inclusio unius*, который предполагает «ограничение включенным» (или так

Vol. 329. P. 14, 18; Short v. State (1954) // North Eastern Reporter (Second Series). Vol. 122. P. 82, 85–86; Circuit City Stores, Inc. v. Adams (2001) // The United States Reports. Vol. 532. P. 105.

[344] См.: URL: https://www.casemine.com/judgement/us/5914966cadd7b049345e11c0 (дата обращения: 24.04.2019).

называемое *правило отрицательной коннотации*)[345]. Скалиа утверждал, что раздел 9(a)(1)(B) закона, говорящий о запрете на уничтожение естественной среды обитания флоры и фауны определенного региона, должен читаться в свете § 7(a)(2), который запрещает принимать федеральные программы, способные «уничтожить или существенно изменить естественную среду обитания флоры и фауны». Судья Скалиа отметил: «Если Конгресс включает определенную формулировку в одном разделе закона, но не включает ее в другом, по общему правилу должно презюмироваться, что Конгресс действует намеренно и целенаправленно в отношении такого неравномерного включения или исключения»[346]. Иными словами, запрещая «уничтожать или изменять среду обитания» органам государственной власти, Конгресс намеренно разрешает другим субъектам права осуществлять такие действия. Данный канон основывается на древнеримском правиле *inclusio unius est exclusio alterius*, что означает «включение одной вещи предполагает исключение других», и на более общем догмате, что законы разрешают все, что они не запрещают. Однако данный канон нельзя назвать достаточно успешным в силу того, что законодательно невозможно четко предусмотреть все практические случаи применения закона, если не устанавливать более общие рамки сферы его действия.

В сфере уголовного права данный канон употребляется нередко. В деле *United States v. Cabaccang (2003)*[347] суд отменил решение по обвинению в перевозке наркотических средств (метамфетамина) из Калифорнии на остров Гуам. Закон (21 U.S.C. § 952(a)) гласил, что «незаконным является импорт на таможенную территорию США из любого места за пределами таможенной территории США (но в пределах государственных границ США)». Калифорния

---

[345] **Коннота́ция** (*connotatio,* от лат. *con* и *noto* «обозначаю» – сопутствующее значение языковой единицы. Коннотация включает дополнительные семантические или стилистические элементы, устойчиво связанные с основным значением в сознании носителей языка. Коннотация предназначена для выражения эмоциональных или оценочных оттенков высказывания и отображает культурные традиции общества. См.: *Апресян Ю. Д.* Коннотации как часть прагматики слова // Избранные труды / Ю. Д. Апресян. М. : Шк. «Яз. рус. культуры», 1995. Т. 2: Интегральное описание языка и системная лексикография.

[346] См.: Keene Corp. v. United States (1993) // The United States Reports. Vol. 508. P. 200, 208.

[347] См.: Federal Reporter. Third Series. Vol. 332. P. 622.

находится в пределах таможенной территории США, тогда как остров Гуам находится просто в пределах государственных границ США. Апелляционный суд указал, что закон, таким образом, «запрещает перевозку наркотических средств ***только*** с территории, не являющейся таможенной, на таможенную территорию – но не наоборот». Таким образом, в 1970 г., когда Конгресс составлял текст данной статьи, он намеренно запретил импорт наркотических средств только из территорий США, не являющихся таможенными, в таможенные территории, тем самым не сделав эту статью взаимно обратимой (с острова Гуам в Калифорнию нельзя везти, из Калифорнии на остров можно).

И последним текстуальным базисом, применимым к толкованию, являются грамматические и пунктуационные *каноны.* В деле *Sweet Home* судьи не спорили по поводу различных грамматических и пунктуационных особенностей раздела 3(19). Однако в других знаковых делах грамматические и пунктуационные особенности формулировки закона сыграли определяющую роль. Одним из таких дел было дело *Bankamerica Corp. v. United States*. Так, раздел 8, § 4 закона Клейтона запрещает любому лицу быть главой единоличного исполнительного органа или входить в состав коллегиального исполнительного органа «двух или более корпораций, иных, чем банки», которые конкурируют друг с другом. А § 1 закона запрещает любому лицу быть главой исполнительного органа более чем в одном банке. Но закон, сформулированный таким образом, не запрещает одному и тому же лицу быть одновременно главой исполнительного органа банка и, к примеру, страховой организации, которые конкурируют друг с другом. Такое толкование было поддержано Верховным судом США в деле *Bankamerica Corp. v. United States*[348]. Однако не все судьи Верховного суда согласились с такой интерпретацией закона, которая основывалась исключительно на грамматической структуре его соответствующих предложений. Судьи, выразившие особое мнение, возразили, что текст закона в данном случае является «двусмысленным и неточным» и должен толковаться в свете структуры закона и его общей *цели.* В очередной раз текстуалисты столкнулись со сторонниками теории

[348] См.: The United States Reports. Vol. 462. P. 122.

«законодательного намерения». По мнению последних, акцент в толковании должен быть сделан на тот факт, что задачей закона являлось предотвращение совмещения должностей лицом, представляющим интересы двух *конкурирующих* компаний. Исходя из этого «неясный» § 4 должен трактоваться как распространяющийся и на отношения между банковскими и небанковскими организациями, если они являются компаниями-конкурентами.

Интересен и случай, связанный с ролью пунктуации в тексте закона, в деле *Commonwealth v. Kelly*[349]. Согласно закону, запрещалась продажа алкоголя между «одиннадцатью вечера и шестью утра; или в воскресенье, за исключением предоставления алкоголя хозяином питейного заведения своим посетителям». Хозяин одного из таких заведений в суде утверждал, что, согласно закону, он может продавать алкоголь своим посетителям как в период между одиннадцатью вечера и шестью утра, так и в воскресенье. Но суд указал на то, что после слов «шестью утра» стоит точка с запятой, которая по своему пунктуационному значению отделяет части предложения друг от друга, поэтому первый запрет также распространяется на хозяина заведения.

Стоит отметить, многие старые законы, действующие до сих пор, ввиду дискриминационно ориентированной политики государства, распространялись только на мужчин, однако, согласно *исключениям из общих грамматических правил*, сегодня ссылка на мужчину в законе подразумевает распространение и на женщину, а единственное число равным образом распространяется на множественное число. В Своде законов США и в некоторых штатах (например, в округе Колумбия) эти исключения были даже закреплены законодательно[350].

Безусловно, стоит сказать и о роли *прецедентного толкования* в праве США. Несмотря на то, что технически закон, принятый Конгрессом, является высшим законодательным актом, в США исторически сложилась прецедентная система права, в которой решения судов, особенно Верховного суда США, имеют крайне

---

[349] См.: North Eastern Reporter. Vol. 58. P. 691.

[350] См.: *Eskridge W. N.* (jr.), *Frickey P. P., Garrett E.* Legislation and statutory interpretation. 2nd ed. New York : Foundation Press, 2006. P. 267.

авторитетное значение. Своеобразной проблемой в толковании права в США является конкуренция Конгресса и Верховного суда. При несогласии с толкованием статута Верховным судом, Конгресс предпринимает все меры, чтобы Верховный суд отменил такое решение. То же происходит и в штатах. Однако «инерция прецедентного толкования» все больше мешает законодательным органам вмешиваться в судебное толкование[351]. Также довольно частым является заимствование аргументации по толкованию судами из других судебных решений, которое профессор Хорак назвал «*stare de statute*»[352]. Несмотря на то, что такие заимствования должны четко совпадать по сфере действия закона и обстоятельствам конкретного дела, все эти тенденции в целом указывают на планомерное усиление роли прецедентного толкования в праве США.

В данной главе необходимо сказать еще обо одной разновидности внутренних по отношению к тексту статута источников толкования – о *субстантивных канонах*, которые ставят целью согласование придаваемого толкуемому понятию значения с общим правом, другими статутами или Конституцией США. Цель существования данных канонов заключается в необходимости придания определенности системе толкования статутов, поскольку при принятии закона практически невозможно предусмотреть все возможные правоприменительные ситуации. А субстантивные каноны помогают восполнять эти проблемы *предсказуемым образом.*

В силу ограниченности предмета диссертации в данной главе будут рассмотрены лишь самые основные субстантивные каноны толкования.

Кроме того, самые распространенные из них, применяемые Верховным судом США[353], приведены в Приложении В.

---

[351] См.: *Eskridge W. N.* (jr.) Overriding supreme court statutory interpretation decisions // Yale Law Journal. 1991. Vol. 101. P. 331. Также в отечественной литературе см.: *Петрова Е. А.* Механизм судебного правотворчества: понятие и особенности // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2016. № 3. С. 17.

[352] См.: *Horack F.* (jr.) The common law of legislation // Iowa Law Review. 1937. Vol. 23. P. 41.

[353] Подробнее по этому вопросу см.: *Eskridge W. N.* (jr.). Public values in statutory interpretation // University of Pennsylvania Law Review. 1989. Vol. 137. P. 1007; *Sunstein C.* Interpreting statutes in the regulatory state // Harvard Law Review. 1989. Vol. 103. P. 407;

Одним из самых пространных и часто применяемых субстантивных канонов является *толкование статутов во избежание признания их неконституционными.* Фундаментальным принципом американского публичного права является правило о том, что суды должны решать вопросы конституционной значимости ***только при крайней необходимости.*** Судья Шауэр полагает, что данный принцип развился в отсутствие четкого конституционного делегирования полномочий по пересмотру законов судебной власти, так как не избираемые населением федеральные судьи не могут пересматривать законы, принятые законно избранными членами Конгресса[354]. К примеру, данный субстантивный канон ограждает Конституцию от «толкования, продиктованного политическими убеждениями», как произошло в деле *Kent v. Dulles.* В эпоху маккартизма (50-е гг. XX столетия) политическое предубеждение в отношении коммунизма в США достигло своего пика. В решении по делу *Kent v. Dulles* Верховный суд постановил, что действующее законодательство о заграничных паспортах не дает государственному департаменту США права запрещать поездки за границу лицам «с коммунистическим прошлым», поскольку такое применение закона посягает на фундаментальный принцип свободы передвижения[355]. Равным образом Верховный суд США истолковал и сам антикоммунистический закон Смита, который запрещал (приравнивая к федеральному преступлению) «заведомо распространять, отстаивать, излагать в образовательных целях <…> идеи свержения или уничтожения американского государства с применением силы или насилия», как запрещающий не убеждения, а конкретные действия по свержению

Symposium “A Reevaluation of the Canons of Statutory Interpretation” // Vanderbilt Law Review. 1992. Vol. 45. P. 529; *Eskridge W. N.* (jr.). Dynamic statutory interpretation. Cambridge : Harvard University Press, 1994. Chap. 9; *Hart H. M.* (jr.), *Sacks A. M.* The legal process : basic problems in the making and application of law. St. Paul : Foundation Press, 1994. Chap. 7; *Mermin S.* Law and the legal system : an introduction. 2nd ed. Boston : Little, Brown & Co, 1982. P. 237–270.

[354] См. подробнее: *Schauer F.* Ashwander revisited // The Supreme Court Review. 1995. P. 71–72; *Kloppenberg L.* Avoiding constitutional questions // Boston College Law Review. 1994. Vol. 35. P. 1003; *Vermeule A.* Saving constructions // Georgia Law Journal. 1997. Vol. 85. P. 1945.

[355] См.: *Burnham W.* Introduction to the law and legal system of the United States. St. Paul, Minnesota : West Academic Publishing, 2007. P. 136.

государственных органов. Запрет на убеждения, который, в принципе, вытекает из данной формулировки закона, противоречил бы фундаментальным принципам свободы слова и убеждений, провозглашенных Конституцией США. Но, тем не менее, благодаря данному субстантивному канону судьи не могут позволить себе выйти за рамки разумного толкования с целью превращения толкования в инструмент политической борьбы, что является существенной и основополагающей гарантией системы сдержек и противовесов в США.

Принимая решение по делу *Webster v. Doe* в 1988 г., суд обратился к федеральному закону «Об административных процедурах» (*The Administrative Procedure Act*) и постановил, что закон разрешает обращение в суд с иском о нарушении конституционных прав, чтобы «частично избежать серьезной конституционной проблемы, которая может возникнуть, если в результате толкования федерального статута лицу будет отказано в судебном рассмотрении правопритязаний, предположительно основанных на конституционных требованиях». К этой категории также относятся различные правила Верховного суда о «четком изложении» целей законодателя, в соответствии с которыми Конгресс обязан абсолютно четко изложить свои намерения относительно изменения определенных элементов суверенитета штатов[356].

Наиболее ясно данный канон был сформулирован в решении Верховного суда по делу *National Labor Relations Board v. Catholic Bishop of Chicago*[357], в котором Верховный суд указал, что «он будет избегать разрешения серьезных конституционных вопросов», если только «Конгресс не выразит явное намерение к такому действию со стороны суда или об этом прямо не будет сказано в законодательном акте Конгресса». Однако существует точка зрения, что «явное намерение», как было показано выше, может также подтверждаться анализом истории принятия того или иного акта, что, в принципе, дает судам возможность «извлекать» такое намерение из истории принятия закона там, где им это будет

[356] См.: *Burnham W.* Introduction to the law and legal system of the United States. St. Paul, Minnesota : West Academic Publishing, 2007. P. 137.

[357] См.: The United States Reports. Vol. 440. P. 490.

выгодно. На сегодняшний день данный канон служит «своеобразным тормозом» судейского усмотрения, которое в США развито довольно сильно.

Другим часто используемым субстантивным каноном является *правило снисходительности в сфере применения уголовного законодательства (the rule of lenity).* Данный канон является уникальным для сферы уголовного права США. Смысл канона можно выразить следующим образом: если текст закона является ясным и понятным с первого взгляда (не вызывает сомнений при первом же прочтении), то применение данного канона является излишним. Если же, однако, текст статута предлагает два и более возможных толкования, каждое из которых является **конституционным**, суд должен определить, какое из толкований будет применено в данном конкретном случае. Но в вопросе толкования уголовных норм действует принцип снисходительности – т.е. суд выберет то толкование, которое смягчает положение обвиняемого более всего[358]. Некоторые штаты приняли законы, в которых закреплено применение данного правила. К примеру, в уголовном законе штата Флорида есть такая фраза: «Положения настоящего закона и нормы о правонарушениях, определенных иными законами, должны иметь строгое толкование в пользу обвиняемого при его возможной двойственности»[359]. Данный канон связан с идей справедливого наказания[360] за совершенное преступление – обвиняемый должен четко понимать меру ответственности за свое противоправное действие. Еще в 1820 г. судья Джон Маршалл объяснил данный канон следующим образом: «Правило строгого толкования уголовных законов… основано на обеспокоенности закона за права и свободы гражданина; а также на ясном правиле, что определение наказания есть задача законодателя, а не суда»[361]. Главной проблемой применения правила строгого толкования в пользу обвиняемого является его бессистемность. Скалиа считает, что если бы данное правило применялось сразу при обнаружении

---

[358] См.: Criminal law : concepts and practice / E. S. Podgor, P. J. Henning, A. E. Taslitz, A. Garcia A. 2nd ed. Durham, N. C. : Carolina Academic Press, 2009. P. 63.

[359] См.: Florida St., chap. 750.221 (2005).

[360] См.: *Scalia A., Garner B.* A. Reading law : the interpretation of legal texts. 1st ed. St. Paul, Minnesota : Thompson/West, 2012. P. 296.

[361] См.: United States v. Wiltberger (1820) // The United States Reports. Vol. 18. P. 76, 95.

двойственности толкования – до того, как были бы применены другие способы и средства толкования, – это придало бы правилу большую силу и определенность[362]. Верховный суд США, напротив, постановил, что «правило должно применяться в конце процесса толкования того, что выразил в тексте закона Конгресс, а не в начале, чтобы не подпитывать чрезмерную снисходительность к правонарушителям»[363]. Скалиа считает, что наиболее верным критерием применения данного правила является «наличие разумных оснований для сомнения» (*reasonable doubt*) после того, как все средства толкования были надлежаще использованы[364]. В целом применение данного правила часто наталкивается на желание общества в лице судьи наказать преступника, что приводит к упущению из вида необходимости использования правила снисходительности. Так было и в деле *Commonwealth v. Davis*[365], в котором закон штата Кентукки криминализовал «продажу, сдачу на время или предоставление» (*sell, lend, or give*) алкогольных напитков несовершеннолетнему лицу, за исключением случаев, когда данные действия осуществляет родитель или опекун несовершеннолетнего. В данном деле 16-летний Дэвис и 17-летний Райсон решили объединить свои средства и купить виски. Им это удалось, однако они были пойманы и арестованы, а Дэвис (более юный из них) был обвинен в «предоставлении» виски Райсону. Суд отказал в данном обвинении без объяснения причины, однако дело все же дошло до Верховного суда штата Кентукки по инициативе стороны обвинения. Дэвис утверждал, что он не «продавал, не давал на время и не предоставлял» виски Райсону, и более того, что понятие «*give*» означает «подарить». Сторона обвинения, напротив, настаивала, что данный термин нужно непременно толковать расширительно – в значении «предоставить, снабдить» (*to furnish, provide, or supply*). Суд согласился с

---

[362] См.: *Scalia A., Garner B. A.* Reading law : the interpretation of legal texts. 1st ed. St. Paul, Minnesota : Thompson/West, 2012. P. 298.

[363] См.: Callanan v. United States (1961); также см.: United States v. R.L.C. (1992) – применение правила снисходительности после изучения истории принятия закона.

[364] См.: *Scalia A., Garner B. A.* Reading law : the interpretation of legal texts. 1st ed. St. Paul, Minnesota : Thompson/West, 2012. P. 299; также см.: Moscal v. United States (1990) // The United States Reports. Vol. 498. P. 103, 108.

[365] См.: RE. Vol. 73. P. 240, 242–243.

мнением стороны обвинения, вернув дело на рассмотрение, но крайне ошибочно. Правило снисходительности должно было быть применено в пользу Дэвиса, как и канон *noscitur a sociis*, однако суд не применил ни того, ни другого[366].

Третьим самым распространенным субстантивным каноном является *правило федерализма.* Сам принцип федерализма в США, согласно поправке к Конституции США о верховенстве федерального права над правом штатов (*the Supremacy Clause*), предполагает, что при противоречии норм права штатов нормам федерального права последнее будет иметь высшую юридическую силу. Обратный итог мог иметь место только в случае, если Конгресс прямо об этом заявляет[367]. Современная тенденция развития отношений между федерацией и штатами на сегодняшний день проявляется в том, что штаты довольно ревностно относятся к вмешательству федеральной власти в законодательство отдельных юрисдикций в США. Исторически первым проявлением независимости штатов от федерации было принятие одиннадцатой поправки к Конституции США, которая предоставляет штатам *иммунитет* от предъявления исков федерацией[368]. Лишь в 1985 г. Верховный суд США внес уточняющие поправки в данное правило, что с точки зрения теории толкования права придало правилу об иммунитете вид «четкого утверждения» (*clear statement rule*): «Конгресс имеет право отменить конституционный иммунитет штата от предъявления иска в суде федерацией только путем ***четкого и ясного*** выражения своего намерения в ***тексте статута***»[369]. Существует мнение, что Верховный суд таким образом ограничил свою ответственность за вмешательство федерального права в право штатов, переложив его на законодательный орган «вне всяких сомнений» путем формулирования «четкого утверждения».

---

[366] См.: *Scalia A., Garner B. A.* Reading law : the interpretation of legal texts. 1st ed. St. Paul, Minnesota : Thompson/West, 2012. P. 300.

[367] См.: Решение Верховного суда США по делу Rice v. Santa Fe Elevator Corp. (1947) (The United States Reports. Vol. 331. P. 218, 230). Более подробное описание данного вопроса можно найти в: *Hoke S. C.* Preemption pathologies and civic republican values // Boston University Law Review. 1991. Vol. 71. P. 685.

[368] См.: Hans v. Louisiana (1890) // The United States Reports. Vol. 134. P. 1.

[369] См.: Atascadero State Hosp. v. Scanlon (1985) // The United States Reports. Vol. 473. P. 234, 242.

Другим ярким примером столкновения федерального права и права штата в Верховном суде служит дело *Gregory v. Ashcroft*[370], в котором был поставлен вопрос о возможности штата требовать от судей ухода на пенсию в возрасте 70 лет. Судьи штата утверждали, что, согласно федеральному закону о запрете возрастной дискриминации в вопросах трудоустройства, такое требование органов власти штата было незаконным. Однако суду предстояло определить, подпадают ли судьи штата под сферу действия федерального закона. Текст федерального статута включал всех «служащих», кроме «выборных государственных служащих, включая их выборный персонал и лиц, назначенных на должности, ответственные за выработку политического курса страны (*policy making level*) <…>». Строго говоря, формулировка является более чем расплывчатой. Если можно четко утверждать, что судьи штата не являются выборными государственными служащими, то под критерий лиц, назначенных на должности и ответственных за выработку политического курса, они вполне подпадают. Если применить текстуальный канон *noscitur a sociis,* то должности, ответственные за выработку политического курса, следует толковать через призму понятия «выборных государственных должностей», а значит, из сферы действия закона исключаются только те лица, назначаемые на должности, которые непосредственно связаны с осуществлением государственных функций. Иными словами, судьи штата не должны подпадать под защиту федерального статута. Или же можно взглянуть на «законодательное намерение», которое выражалось в том, чтобы защитить лиц, достигших преклонного возраста, от конкуренции молодых работников и обеспечить им достойный заработок в конкретном штате, а значит, судьи штата должны подпадать под защиту федерального статута.

Таким образом, традиционные средства толкования приводили в данном случае к противоречивым результатам. Верховный суд США воспользовался *правилом федерализма,* поскольку однозначного толкования данного федерального статута между судьями Верховного суда достигнуто не было. Судья

[370] См.: The United States Reports. Vol. 501. P. 452.

О’Коннор в решении указал, что «федеральное право, вторгающееся в традиционные вопросы регулирования штата, должно превалировать». Несмотря на последующий текст решения о том, что такое вмешательство должно применяться только к крайне существенным и значимым с точки зрения федерального права вопросам, а также вводящим понятие «конституционных должностных лиц», преимущество федерального права над правом штатов в условиях неопределенности и расплывчатости текста статута в этом решении очевидно. Тем не менее спустя 20 лет ситуация меняется в лучшую сторону для штатов. Последние решения Верховного суда США демонстрируют более ограничительное толкование федеральных полномочий. Хотя по сути это зависит от правящей партии: республиканский подход поощряет сильную федеральную власть, демократический – наоборот.

§ 3.2. Внешние средства толкования

В **Англии** классификация внешних средств толкования относится преимущественно к правилу исторического (смыслового) толкования. Если внутренние к тексту закона средства оформляют применение правил буквального толкования, то внешние средства применяют исключительно в отношении динамичной теории толкования. Классическими внешними средствами толкования являются: ***историческая ретроспектива какого-либо закона, словари и иные учебные пособия, отчеты различных комитетов и комиссий, различные договоры международного характера, обычай и Хансард***, о котором мы подробно говорили в § 2.1.

*Историческая ретроспектива любого закона (*либо какого-либо из положений закона) помогает судье увидеть обстановку, в которой принимался закон, а также сравнить его с иными законами, принятыми в это же время.

Относительно данного средства толкования в 1964 г. высказался лорд Рид по делу *Chandler v. DPP* – в поддержку вывода о том, что члены Комитета 100[371], оккупировавшие аэродром, действовали «в целях, наносящих ущерб безопасности и интересам государства» в соответствии со смыслом ст. 1 закона «О государственной тайне» 1911 г., несмотря на то, что они верили в необходимость ядерного разоружения Великобритании: «Закон 1911 г. был принят во времена серьезных опасений немецкой угрозы, и было бы крайне удивительно и маловероятно, что Парламент в то время намеревался освободить от ответственности лицо или лиц, которые намеренно вмешались в вопросы государственного значения (а именно стратегического расположения вооружений), дать им возможность представить перед судом присяжных аргументы о нецелесообразности государственной политики и оправдать свои действия как совершенные в наилучших интересах государства… что может в итоге привести к оправдательному приговору при недостижении единогласия присяжных заседателей». Так, судья подчеркнул важность исторической оценки намерений закона[372].

Словари и иные учебные пособия помогают суду в выяснении значения конкретного слова или же точки зрения юридического сообщества и отдельных ученых по толкуемому положению. Существует ряд авторитетных учебных пособий, монографий и толковых словарей, ссылка на которые может предопределить выбор толкования, однако единого и четкого перечня таких авторитетных работ все же не существует. Примером решения по делу с использованием «*Oxford English Dictionary*» является дело *Mandla v. Dowell Lee* 1983 г.[373], в котором было дано толкование слову «этнический». В английской доктрине все же преобладает мнение, что использование словарей должно быть

---

[371] Комитет 100 – английское антивоенное движение 60-х гг. XX в. Получило свое название по причине организации движения путем сбора 100 публичных подписей Бертраном Расселом, Ральфом Шуманом и священнослужителем Майклом Скоттом. Для достижения своих целей движение использовало мирные демонстрации и гражданские протестные акции.

[372] См.: *Cross R., Bell J., Engle G.* Statutory interpretation. 3rd ed. Oxford : Oxford University Press, 2006. P. 143.

[373] См.: The All England Law Reports. Vol. 1. P. 1062.

весьма осторожным – когда, например, суд пытается выяснить значение слова на конкретную дату[374] или когда речь идет о понятиях, состоящих из двух слов, таких как «недобросовестная конкуренция»[375]. Современная доктрина права была применена/учтена в деле *National Westminster Bank v IRC* 1994 г. Однако и иные значимые работы (например, труды Кука) также иногда принимаются во внимание при рассмотрении дел. Помимо литературных источников[376], могут быть использованы и узко специализированные научные работы. Так, книги по политической экономии применялись при толковании понятия «прямое налогообложение», упомянутого в законе «О Британской Северной Америке» 1867 г.[377]

Отчеты различных комитетов и комиссий, таких как Королевская комиссия или Правовая комиссия, или любая иная государственная консультационная структура могут также предоставить суду информацию для выбора того или иного толкования нормы. В деле *Black Clawson International Ltd v. Papierwerke Waldhof-Aschaffenburg AG* 1975 г. было установлено, что официальные отчеты могут свидетельствовать о существовавшем положении вещей до принятия закона и той «проблеме», которую законодатель хотел решить принятием данного закона.

Международные договоры и конвенции могут быть источником помощи, с учетом презумпции непринятия Парламентом законов, каким-либо образом противоречащих международным обязательствам Великобритании.

Обычная практика и коммерческий обычай (usage) в сфере регулируемых законом отношений также могут пролить свет на толкование статутного термина. Еще в 1774 г. лорд Хардвик сказал: «Общепринятая практика и обычай… должны

---

[374] См.: Hardwick Game Farm v. Suffolk Agricultural and Poultry Producers Association Ltd (1966) // The All England Law Reports. Vol. 1. P. 309–323.

[375] См.: Lee v. Showman’s Guide of Great Britain (1952) // Queen's Bench Reports. Vol. 2. P. 329–338.

[376] London and North-Eastern Rail Co v. Berriman (1946) // All England Law Reports. Vol. 1. P. 255.

[377] См.: Bank of Toronto v. Lambe (1887) // Appeal Cases. Vol. 12. P. 577–581.

всегда быть в поле зрения всех судов»[378]. Следует отметить, что в этом вопросе произошло мало изменений. Если речь идет о значении какого-либо технического слова или же о деятельности узкого специалиста (например, юриста по делам с недвижимостью), общепринятая практика принимается во внимание, особенно если текст закона не распространяется в отношении толкуемого термина подробно, как это было в деле *United Dominions Trust Ltd v. Kirkwood* 1966 г., в котором Апелляционный суд был вынужден толковать фразу ст. 6(d) закона «О ссудодателях» 1900 г., а именно: «любое лицо, которое ***добросовестно*** ведет банковскую деятельность». Понятие «добросовестно» не было объяснено в тексте закона. Лорд Деннинг указал, что «в таких случаях, когда Парламент не дает иного руководства к толкованию, нам ничего не остается делать, как оценить репутацию наиболее разумных предпринимателей».

В § 2.1 мы подробно останавливались на таком источнике толкования, как *Хансард*. Все же стоит упомянуть его в контексте данной главы еще раз. Напомним, Хансард представляет собой официальный отчет о парламентских дебатах, а значит, является и значимым источником выявления законодательного намерения. Более 100 лет Хансард не был официально признан источником толкования, однако лорд Деннинг приложил немалые усилия для исправления данной ситуации. И в 1978 г. в деле *Davis v. Johnson* оправдал свое толкование закона «О домашнем насилии и бракоразводных процессах» 1976 г., ссылаясь на изучение парламентских дебатов. Тогда Палата лордов его не поддержала. И лишь в 1993 г. данный источник был официально признан и применялся в деле *Pepper v. Hart,* подробно описанном в § 2.1.

Принцип использования парламентских материалов в деле *Pepper v. Hart* был подтвержден позднее (в 1996 г.) в деле *Three Rivers District Council v. Bank of England (No. 2),* которое касалось толкования законодательства, принятого в целях исполнения обязательств, в соответствии с директивой ЕС. Хотя текст закона не был двусмысленным, истцы утверждали: при прочтении Хансарда к закону можно было сделать вывод, что на ответчиков налагались обязательства,

[378] См.: Bassett v. Bassett (1744) // Annotated Tax Cases. Vol. 3. P. 203–208.

которые не «прочитывались» в тексте закона. Однако Хансард может использоваться только в тех случаях, когда положения закона двусмысленны, настаивали ответчики. Суд все же указал – в случае, когда законодательство принимается для выполнения задачи, поставленной международными обязательствами государства, нужно использовать все средства толкования для обеспечения выполнения этой задачи. Итогом данного дела послужил принцип использования Хансарда не только для разъяснения двусмысленного положения закона, но и для выяснения общей цели закона.

Также в рамках данной главы необходимо остановиться на *практических* аспектах Хансарда как источника толкования.

К достоинствам данного вспомогательного средства относят:

– *результативность,* которую можно охарактеризовать словами лорда Деннинга в деле *Davis v. Johnson* (1978): «Игнорировать данное средство толкования все равно что пытаться в темноте идти на ощупь в поисках точного значения закона»;

– *мировое признание,* заключающееся в том, что многие законодательные материалы успешно используются в зарубежных странах, включая страны ЕС и США, где материалы законодательного органа имеют более краткую и содержательную форму, что, возможно, делает процесс обращения к ним более простым и удобным;

– *контроль СМИ,* который выражается в трансляции парламентских заседаний по радио и телевидению и в публикациях выдержек из них в печатных изданиях. Судьи не в состоянии как-либо изолировать себя от этой информации, поскольку являются такой же частью общественности, как и остальные граждане[379].

К недостаткам Хансарда относят:

[379] См.: *Elliott C., Quinn F.* English legal system. Harlow : Pearson, 2014. P. 68.

– *отсутствие ясности,* которая выражается, по словам Платы лордов в ответ на заявления лорда Деннинга, в том, что сказанное в запале парламентских дебатов не может с точностью свидетельствовать об истинном намерении законодателя;

– *временны́е и денежные затраты,* которые многие члены Палаты лордов считают не полностью оправданными, поскольку обязательное (если бы таковое было введено) и подробное изучение парламентских дебатов могло бы отнять время от анализа текста закона;

– *невозможность точного и безошибочного выявления парламентского намерения*, которое, по выражению лорда Стайна, должно быть сформировано из мнений обеих палат. Также сам процесс формирования данного мнения проходит в разных условиях: «Иногда релевантные обсуждения происходят в вечернее время в почти пустых палатах, часто вопрос затмевается политической риторикой, из которой трудно вычленить относящееся к намерению законодателя мнение, – все это мешает сформировать четкое представление о законе… К тому же министр говорит от лица Правительства, а не Парламента, поскольку не представляет его интересы как ветвь власти. В любом случае совершенно неясно, что именно поняли и приняли члены Парламента из речи министра, уж тем более непонятно, как это отразилось в письменных отчетах о дебатах…»[380].

Ответом на эту критику частично послужило дело 2003 г., рассмотренное Палатой лордов, – *Wilson v. Secretary of State for Trade and Industry*, в котором было указано, что судам следует быть осторожными в восприятии заявлений министров как напрямую свидетельствующих о парламентской воле, которая все же выражается прежде всего в тексте самого закона[381].

Перейдем к рассмотрению данного вопроса в отношении США.

---

[380] См.: *Steyn J.* Pepper v Hart : a re-examination // Oxford Journal of Legal Studies, 2001. Vol. 21, nr 1. P. 59.

[381] См.: *Elliott C., Quinn F.* English legal system. Harlow : Pearson, 2014. P. 70.

Толкование в **США** может осуществляться с использованием не только внутренних средств, присущих самому тексту закона, но также и внешних по отношению к тексту закона средств. Если текстуальные средства толкования задаются вопросом о выборе варианта толкования, который будет отвечать критерию наиболее распространенного использования термина «разумным» лицом, логичности и связности понятия с текстом закона, то внешние средства толкования будут рассматривать закон как целостный нормативный акт в свете внешне сопутствующих принятию закона обстоятельств. При использовании внешних средств толкования пробелы в законе восстанавливаются с опорой на *общее право, историю принятия законодательства* и *толкование, осуществленное правительственными агентствами.*

Здесь необходимо отметить, что источники толкования, как внутренние, так и внешние, следует четко обособлять от *целей* толкования. Иными словами, два субъекта толкования могут определенно договориться, что цель толкования – это поиск наилучшего результата (теория «наилучшего ответа»), но не сойтись во мнении, что именно нужно использовать для определения значения толкуемого термина статута – историю принятия законодательства или общее право. Принимая во внимание обозначенную выше тенденцию прецедентного толкования, можно даже утверждать, что субъект толкования не просто *может*, но *должен* обращаться к соответствующим внешним источникам толкования после уяснения смысла закона на базе выбора теории толкования и анализа текста статута[382]. Практика работы частных адвокатов в США показывает, что при ссылке на федеральный закон в суде адвокат *обязан* изучить все отчеты

[382] Такой характер диалектической связи внешних и внутренних факторов формирования правопорядка активно разрабатывается в российской социологии права. См. Подробнее: *Савенков А. Н., Жуков В. И.* Социология правовых девиаций и социальных аддикций : монография / Рос. акад. наук, Ин-т гос-ва и права. М. : Ин-т гос-ва и права, 2019. С. 46-55; См.: *Eskridge W. N.* (jr.), *Frickey P. P., Garrett E.* Legislation and statutory interpretation. 2nd ed. New York : Foundation Press, 2006. P. 297. На федеральном уровне создана специальная база решений правительственных агентств по толкованию различных федеральных законов, доступная в Интернете и в Своде Федеральных Постановлений США. Помимо данного официального источника существует множество неформальных «гидов по толкованию», которые также часто используются для обоснования и аргументации определенного типа толкования судами. Однако авторитетность таких неформальных ссылок, безусловно, ограничена.

комитетов Конгресса, сформированные в процессе принятия данного закона[383]. Также адвокату *следует* ознакомиться с общим правом, которое в свое время регулировало данный вопрос федерального статута. И если адвокат приходит к выводу, что его точка зрения далека от регулирования общего права, адвокату следует пересмотреть свою позицию, так как суд может отдать предпочтение именно позиции, подкрепленной общим правом. Таким образом, можно сделать вывод, что современная тенденция толкования проявляется в том, что даже при безошибочной возможности определения «явного смысла» статута судьи все равно будут обращаться к внешним источникам толкования[384]. Тем не менее некоторые юристы и судьи утверждают, что при полной ясности текста закона обращение к этим источникам излишне, в чем и проявляется уже описанное выше «противостояние» трех основных теорий толкования статутов.

Итак, одним из старейших правил толкования системы общего права являлось правило об ***узком толковании статутов, отменяющих положения общего права.*** Но в США с принятием Конституции общее право было практически вытеснено, и данное правило стало жестко критиковаться, а во многих штатах было полностью отменено[385]. Тем не менее общее право остается одним из главных источников толкования в таких институтах права, как деликты, договоры, собственность, в морском праве. Достаточно интересным с точки зрения применения общего права как источника толкования является решение Верховного суда США, вынесенное по делу *Bob Jones University v. United States*[386].

---

[383] Примером официальной публикации отчетов комитетов Конгресса по принятию наиболее важных федеральных законов является United States Code Congressional and Administrative News (USCCAN), опубликованный West Publishing Company, а также доступный в режиме on-line.

[384] См.: *Eskridge W. N.* (jr.), *Frickey P. P., Garrett E.* Legislation and statutory interpretation. 2nd ed. New York : Foundation Press, 2006. P. 297.

[385] См.: *Scalia A.* A matter of interpretation : federal courts and the law. Princeton : Princeton University Press, 1997. P. 29. Данный канон толкования рассматривается в этой работе как «чистый захват судебной власти»; Fordham J., Leach J. R. Interpretation of statutes in derogation of the common law // Vanderbilt Law Review. 1950. Vol. 3. P. 438. Однако встречаются и противоположные точки зрения на данное правило как на «четко установленное»: Norfolk Redev. & Hous. Auth. v. Chesapeake & Potomac Tel. Co. (1983) // The United States Reports. Vol. 464. P. 30, 35.

[386] См.: The United States Reports. Vol. 461. P. 574.

Кодекс внутренних доходов США освобождает от налогообложения организации, которые были «учреждены и функционируют исключительно в религиозных, благотворительных, образовательных или научных целях». Университет *Bob Jones* довольно долго пользовался данным освобождением от налогообложения, так как действовал исключительно в образовательных целях. Однако после внимательного изучения системы приема студентов на учебу в данный университет Служба внутренних доходов лишила его налоговых изъятий по причине выявления расовой дискриминации в критериях приема на учебу, что серьезно противоречит публичному порядку в США. Университет обжаловал решение Службы внутренних доходов в Верховный суд США. Однако Верховный суд указал Университету *Bob Jones,* что целью положения Кодекса внутренних доходов в США о налоговых изъятиях является кодификация ***нормы общего права*** о предоставлении «благотворительным трастам» в широком смысле привилегированного положения. По общему праву такое привилегированное положение прекращало свое действие при нарушении «благотворительным трастом» местных нормативных актов, приводящем к серьезному нарушению публичного порядка. Такое толкование, по мнению суда, должно придаваться и смыслу федерального статута. Таким образом, *общее право* продолжает играть большую роль в системе толкования норм права в США.

В сфере уголовного права США взаимодействие общего права и толкования ярче всего проявилось в каноне *mens rea* – «каноне преступного умысла», который можно охарактеризовать следующим образом: если закон, вводящий в систему права новый вид преступления, полностью повторяет общее право, у такого преступления предполагается наличие преступного умысла (*mens rea*) при его совершении. Корни данного правила восходят к древнему принципу общего права *actus non facit reum nisi mens sit rea* – «действие не является преступлением, пока не доказан преступный умысел»[387]. Однако, речь идет о тех случаях, когда понятие преступного умысла прямо не выражено в законе. Сущность принципа и

[387] См.: *Scalia A., Garner B. A.* Reading law : the interpretation of legal texts. 1st ed. St. Paul, Minnesota : Thompson/West, 2012. P. 303.

сложности современного применения были весьма удачно описаны судьей Робертом Джексоном по делу *Morissette v. United States*[388]: «Преступление, как многосоставная концепция, обычно складывается из совпадения злого умысла и действия в соответствии с этим умыслом… По мере того, как штаты кодифицировали общее право о преступлениях, даже если их законы умалчивали об этом, суды не расценивали это опущение как отказ от принципа, а попросту признавали тем самым, что понятие "умысел" является настолько неотъемлемым для преступления, что не требует законодательного одобрения»[389]. Само дело *Morissette* касалось охотника на оленей, который часто выезжал на охоту по территории штата Мичиган, принадлежащей ВВС США, где по расписанию проходили учебные авиаудары, но в остальное время местным жителям было разрешено охотиться на оленей. После целого дня неудачной охоты г-н Мориссетт решил подобрать фрагмент учебной авиабомбы, который, по его мнению, был «брошен» (*abandoned*). Г-н Мориссетт был обвинен в незаконности «присвоения ценности США», ему грозил суровый срок и крупный штраф. Однако дело дошло до Верховного суда США, который установил, что в данном преступлении, несмотря на отсутствие указания на это в законе, обязателен «преступный умысел», которого у обвиняемого не было[390].

История принятия закона[391] как юридическое понятие в праве США представляет собой совокупность документированных рассуждений об отдельных

---

[388] См.: The United States Reports. Vol. 342. P. 246.

[389] См.: Ibid. P. 251-252.

[390] См.*: Scalia A., Garner B. A.* Reading law : the interpretation of legal texts. 1st ed. St. Paul, Minnesota : Thompson/West, 2012. P. 305.

[391] Подробнее по этому вопросу см.: *Breyer S.* On the uses of legislative history in interpreting statutes // South Carolina Law Review. 1962. Vol. 65. P. 845; *Brudney J.* Congressional commentary on judicial interpretations of statutes : idle chatter or telling response? // Michigan Law Review. 1994. Vol. 93. P. 1; *Danner R.* Justice Jackson's lament: historical and comparative perspectives on the availability of legislative history // Duke Journal of Comparative & International Law. 2003. Vol. 13. P. 151; *Farber D., Frickey P.* Legislative intent and public choice // Virginia Law Review. 1988. Vol. 74. P. 423; *Schacter J.* The Confounding common law originalism in recent Supreme Court statutory interpretation : implications for the legislative history debate and beyond // Stanford Law Review. 1998. Vol. 51. P. 1; *Schank P.* The only game in town : an introduction to interpretive theory, statutory construction, and legislative histories // University of Kansas Law Review. 1990. Vol. 38. P. 815; *Tiefer C.* The reconceptualization of legislative history in the Supreme Court // Wisconsin Law Review. 2000. P. 205; *Slawson W. D.* Legislative history and the need to bring statutory interpretation

пунктах закона или о законе в целом, происходящих во время дебатов в Конгрессе, как правило, до принятия закона. К таким документированным рассуждениям относят *протоколы слушаний, отчеты комитетов Конгресса, заявления инициаторов статута, официальные дискуссии между членами палат, доклады законодательных конференций (между двумя палатами Конгресса),* иногда включают *текст проекта закона, вето Президента или документы на подпись Президенту.* Также существует точка зрения, что последующие обсуждения закона, т.е. имевшие место после его принятия, тоже следует внести в вышеобозначенный перечень. Но большинство юристов склоняются к мнению, что это уже другой источник толкования – *последующая история статута*.

Если суммировать современное отношение американской доктрины к данному источнику толкования, то история принятия закона должна применяться только в том случае, если она:

– доступна любому (среднестатистическому) юристу;

– относима к конкретному вопросу, подлежащему толкованию;

– достоверна как результат достигнутого компромисса в законодательном органе;

– разумна с точки зрения затрат на ее получение[392].

---

under the rule of law // Stanford Law Review. 1992. Vol. 33. P. 383; *Wald P.* The sizzling sleeper : the use of legislative history in construing statutes in the 1988-1989 term of the United States Supreme Court // American University Law Review. 1990. Vol. 39. P. 277; *Zeppos N.* Legislative history and the interpretation of statutes : toward fact-finding model of statutory interpretation // Virginia Law Review. 1990. Vol. 76. P. 1295.

[392] См. подробнее: *Hart H. M.* (jr.), *Sacks A. M.* The legal process : basic problems in the making and application of law. St. Paul : Foundation Press, 1994. P. 1253-54; *Costello G.* Average voting members and other “benign fictions” : the relative reliability of committee reports, floor debates, and other sources of legislative history // Duke Law Journal. 1990. Vol. 39. См. различия восприятия нормативного правового регулирования в зарубежной и отечественной правовой доктрине: *Баранов В. М.* Истинность норм советского права : пробл. теории и практики / под ред. М. И. Байтина. Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 1989. 397 с.; Конкретизация законодательства как технико-юридический прием нормотворческой, интерпретационной, правоприменительной практики : материалы Междунар. симп. (Геленджик, 27–28 сент. 2007 г.) / Нижегород. исслед. науч.-приклад. центр «Юридическая техника» [и др.] ; под ред. В. М. Баранова. Н. Новгород : Нижегород. акад. МВД России, 2008. 1132 с.

Если попытаться вкратце сформулировать соотношение источников, берущих за основу текст закона или внешние, сопутствующие его принятию факторы, такие как история принятия закона, то можно четко утверждать лишь то, что данные источники находятся в безусловном антагонизме. Верховный суд США в 1982 г. заявил о том, что правило «явного смысла» статута имеет преимущество, если положение закона недвусмысленно применимо к данной проблеме[393], и что «словесные формулировки статута являются отправной точкой при вынесении прецедентного решения, которым толкуется статут»[394]. Верховный суд также высказал предостережение относительно использования материалов по истории принятия законодательства в качестве средства уяснения намерений законодателя, считая, что такой «метод следует использовать осмотрительно»[395]. Суд подтвердил наставление судьи Холмса: «Нам не интересно, что имел в виду законодатель, нам интересно только то, что имеет в виду закон»[396].

При этом Верховный суд иногда «впадал» в другую крайность. В 1976 г. члены Верховного суда единогласно отменили решение Апелляционного суда США о применении правила «явного смысла» и отказе от использования материалов истории принятия толкуемого законодательства[397]. По-видимому, язык законодательных актов редко бывает в достаточной степени ясным и понятным, что исключает саму возможность для Верховного суда лишь «краем глаза» взглянуть на историю принятия закона, дабы уяснить смысл его формулировок.

Судя по всему, такой «беглый взгляд» требуется даже в тех случаях, когда смысл положений закона совершенно ясен: одна из версий правила «явного

---

[393] Из решения Верховного суда США по делу American Tobacco Co. v. Patterson (1982) (The United States Reports. Vol. 456. P. 63, 68).

[394] Из решения Верховного суда США по делу Ernst & Ernst v. Hochfelder (1976) (The United States Reports. Vol. 425. P. 185, 197).

[395] Из решения Верховного суда США по делу Piper v. Chris-Craft Industries, Inc. (1977) (The United States Reports. Vol. 406. P. 1, 14).

[396] Из решения Верховного суда США по делу S&E Contractors v. United States (1972) (The United States Reports. Vol. 430. P. 1–26).

[397] Из решения Верховного суда США по делу Train v. Colo. Public Interest Research Group (1976) (The United States Reports. Vol. 426. P. 1).

смысла» гласит, что язык статута превалирует «в отсутствие ясно выраженного в законе намерения противоположного характера»[398]. Именно поэтому толкование закона «О гражданских правах» 1964 г. в решении Верховного суда по делу *United Steelworkers of America v. Weber*, рассмотренное выше, допускало некоторую дискриминацию белых работников по расовому принципу (в рамках применения программы «защитных» (*affirmative*) действий в отношении меньшинств), несмотря на содержащийся в законе прямой запрет дискриминации по расовому признаку. Анализ истории принятия закона выявил намерение законодателя разрешить в разумных пределах попытки исправить «очевидный расовый дисбаланс в традиционно сегрегированных сферах» занятости[399].

При обращении к источникам по истории законодательства следует помнить о том, что эти документы имеют *разную доказательственную силу*. Высшей доказательственной силой среди внешних источников толкования обладают ***отчеты комитетов законодательного органа***[400]. Эти отчеты содержат характеристику законопроектов, разработанных различными комитетами после подробного изучения соответствующей сферы права, анализа доказательств и аргументов в пользу или против принятия законопроекта, а также результаты голосования членов комитета о направлении законопроекта на рассмотрение и утверждение в соответствующую палату Конгресса. Отчеты комитетов считаются важным подспорьем при толковании законодательства, поскольку загруженные работой законодатели часто обращаются к этим отчетам за информацией о законопроекте при принятии решения о его поддержке или отклонении. Столь же важная роль отводится отчетам согласительных комиссий, если таковые существуют. Согласительные комиссии создаются из числа конгрессменов и сенаторов для устранения разногласий между вариантами законопроекта, предлагаемыми Палатой представителей и Сенатом.

---

[398] Из решения Верховного суда США по делу Maine v. Thiboutot (1980) (The United States Reports. Vol. 448. P. 1, 6).

[399] См.: *Burnham W.* Introduction to the law and legal system of the United States. St. Paul, Minnesota : West Academic Publishing, 2007. P. 130.

[400] Из решения Верховного суда США по делу Lewis v. United States (1980) (The United States Reports. Vol. 445. P. 55, 63)

Доказательственной силой (равной отчетам комитетов) обладают и заявления отдельных законодателей, являющихся авторами законопроектов[401]. Заявление законодателя, сделанное на заседании Конгресса сразу после внесения поправки к законопроекту, которая позднее вошла в окончательную редакцию законопроекта, считается «явным доказательством законодательного суждения по вопросу»[402]. Заявления, высказанные в ходе дебатов Конгресса, считаются отчасти убедительными, «хотя и не имеют той же силы, что и отчеты комитетов»[403]. Заявления, сделанные «лицами, не являющимися авторами законопроекта, имеют небольшое значение»[404], а «опасения и сомнения оппозиции не являются авторитетным руководством по толкованию законодательства»[405].

Судья Антонин Скалиа, как было показано выше, выступает в поддержку правила «явного смысла», будучи убежденным в том, что история законодательства служит чрезвычайно ненадежным руководством по определению намерений законодателя. Он утверждает, что заявления, сделанные в Конгрессе в ходе дебатов по законопроекту, не имеют доказательственной силы, потому что они «обычно адресуются практически пустой аудитории»[406]. Нередко такие заявления специально «стряпаются» с тем, чтобы оказать влияние на суды, которым позднее придется заниматься толкованием этого закона. Существует также много возможностей «подкинуть» в стенограммы отчетов комитетов те или иные фразы либо ссылки на прецеденты Конгресса. Такая практика порочна, если в

---

[401] Из решения Верховного суда США по делу Federal Energy Administration v. Algonquin SNG, Inc. (1976) (The United States Reports. Vol. 426. P. 548, 564); Из решения Верховного суда США по делу United States v. International Union (1957) (The United States Reports. Vol. 352. P. 567, 573–575).

[402] Из решения Верховного суда США по делу Simpson v. United States (1978) (The United States Reports. Vol. 435. P. 6, 13).

[403] Из решения Верховного суда США по делу Chandler v. Roudebush (1976) (The United States Reports. Vol. 425. P. 840, 858).

[404] Из решения Верховного суда США по делу Ernst & Ernst v. Hochfelder (1976) (The United States Reports. Vol. 425. P. 185, 197).

[405] Из решения Верховного суда США по делу Gulf Offshore Co. v. Mobil Oil Co. (1981) (The United States Reports. Vol. 453. P. 473, 483).

[406] Из мнения судьи Скалиа по делу Crosby v. National Foreign Trade Council (2000) (The United States Reports. Vol. 530. P. 363, 391).

ее основе лежат философские разногласия законодателя с мнением большинства в обществе. Но еще хуже, когда подобная деятельность осуществляется по воле того или иного лоббиста, нанятого группой политического влияния для отстаивания их особых интересов путем воздействия на законодательство[407].

Суды штатов, принимающие прецедентные решения на основе толкования статутов штатов, гораздо реже обращаются к истории принятия законодательства. Дело в том, что материалы по истории принятия законов штатов, как правило, не публикуются в печати, и их довольно трудно найти и обобщить в виде сборников. Поэтому суды штатов более склонны использовать правило «явного смысла» или иные методы толкования законов.

И наконец, суды ***уважительно относятся к толкованию административным ведомством*** положений статута, исполнение которого входит в их компетенцию. В случае, если толкование статута административным ведомством противоречит ясно сформулированному намерению Конгресса, преимущественную силу имеет намерение законодателя, а противоречащее этому намерению ведомственное толкование подлежит отмене. Но если статут или материалы по истории вопроса допускают двоякое понимание или вообще не касаются предмета правового регулирования, суд «не просто полагается на собственное толкование статута», а обязан поддержать позицию административного ведомства, если она соответствует «допустимому толкованию статута»[408]. Для суда также имеет значение срок действия соответствующего административного толкования – используется ли это толкование уже в течение

---

[407] Из мнения судьи Скалиа по делу Blanchard v. Bergeron (1989) (The United States Reports. Vol. 489. P. 87, 98–99).

[408] Как указал Верховный суд США в решении по делу Chevron, U.S.A., Inc. v. Natural Resources Defense Council, Inc. (1984) (The United States Reports. Vol. 467. P. 837). См. также решение Верховного суда США по делу E.I. Du Pont de Nemours and Co. v. Collins (1977) (The United States Reports. Vol. 432. P. 46, 54–55) (нужно следовать толкованию статута, осуществленному теми, «кому поручено его применение, если только нет очевидных признаков, что такое толкование неверно». Однако есть и противоречивые решения: см. решение по делу Compare Food and Drug Admin. v. Brown & Williamson Tobacco Corp. (2000) (The United States Reports. Vol. 529. P. 120) (суд отказался следовать толкованию Управления по контролю за качеством продуктов и лекарств, которое утверждало, что в полномочия данного ведомства входит возможность регулирования рынка табачной продукции; вся структура статута, более поздние статуты, а также здравый смысл указывали на обратное).

длительного времени или было сформулировано совсем недавно[409]. Кроме того, «толкования, содержащиеся в письменных заключениях, – подобно толкованиям, выраженным в политических директивах, сборниках ведомственных наставлений и инструкциях (а все они не имеют силы закона), – не заслуживают такого же уважительного отношения со стороны суда, как предписано в решении по делу *Chevron, U.S.A., Inc. v. Natural Resources Defense Council, Inc.* Они «вправе рассчитывать на уважение», но только в той мере, в которой они являются убедительными»[410].

Подводя итог рассмотрению теорий, средств, подходов и методов толкования в США, можно привести слова великого теоретика юридического реализма Карла Ллевелина: «По каждому вопросу толкования всегда существует два противостоящих друг другу канона, однако для использования любого из них необходимо определить системообразующую теорию толкования, применимую в данном конкретном случае. Общим же подходом является *всесторонний анализ ситуации и «простое» толкование имеющегося текста для понимания этой ситуации, с разумным обращением к средствам толкования вне имеющегося текста*»[411]. Такова формула современного толкования норм права в США во всей своей органичности и внутреннем антагонизме.

Тем не менее и противоречивость канонов и теорий толкования, и само существование канонов (равно как и их юридическая ценность) до сих пор являются предметом доктринальных споров в США. Дело в том, что каноны часто противоречат формально-юридическому подходу к толкованию, но так как они выработаны судебной практикой, отрицать их существование по меньшей мере нелогично, исходя из особенностей англосаксонской правовой системы. Потому их

---

[409] Из решения Верховного суда США по делу North Heaven Board of Education v. Bell (1982) (The United States Reports. Vol. 456. P. 512, 522).

[410] Решение Верховного суда США по делу United States v. Media Corp. (2001) (The United States Reports. Vol. 533. P. 218) (в решении отвергнуто толкование законов, содержавшихся в «письменных заключениях» о тарифах, которые составлялись таможенной службой).

[411] См.: *Llewellyn K.* Remarks on the theory of appellate decision and the rules or canons about how statutes are to be construed // Vanderbilt Law Review. 1950. Vol. 3. P. 395, 401.

«правовой режим» до сих пор до конца не определен, однако их влияние на окончательное решение американского судьи сегодня нельзя недооценивать.

Чтобы подчеркнуть и обозначить состояние современного развития доктрины и практики толкования в США, можно вполне воспользоваться фразой Генри Харта и Альберта Сакса, произнесенной еще в 1950 г.: «Не ожидайте, что какая-либо теория статутного толкования, Ваша или чья-нибудь еще, будет служить четким отражением того, как на самом деле суды толкуют закон. *Горькая правда заключается в том, что американские суды не имеют вразумительной, ясной, всеобще принятой и повсеместно применяемой теории статутного толкования*»[412].

Подводя итоги главы 3, необходимо отметить, что внешние и внутренние средства толкования норм права носят двойственный характер: с одной стороны, они являются лишь дополнением и инструментарием каждой из описанных выше теорий толкования; с другой стороны, они проявляют себя как формообразующее начало данных теорий. Иными словами, вышеобозначенные теории получают свое практическое наполнение исключительно благодаря разветвленной системе внешних и внутренних средств, приемов, способов и канонов толкования.

Сравнивая выбранные нами юрисдикции на предмет пересечения правового инструментария толкования, следует отметить, что система права Англии и США во многом имеет идентичную методологию решения проблем толкования посредством применения трех наиболее распространенных канонов. Также прецедентная система права является серьезным «двигателем» распространенности самых разнообразных канонов и средств толкования, поскольку в отсутствие четкого перечня источников толкования, некой законодательно закрепленной последовательности действий при статутном толковании, суды Англии и США используют свои дискреционные полномочия с целью поддержки тех или иных канонов толкования, выводя их на новые уровни

[412] См.: *Hart H. M.* (jr.), Sacks A. M. The legal process : basic problems in the making and application of law. St. Paul : Foundation Press, 1994. P. 1169.

развития. Надо отметить, что вследствие этого прецедентная практика использования данных канонов весьма противоречива.

Также нельзя не отметить, что перечень внешних источников толкования норм права как в Англии, так и в США может неизбежно расширяться: например, за счет принятия новых законов о правах человека или же с введением судебной практикой новых канонов. Все эти процессы делают процедуру толкования норм права в Англии и США весьма непредсказуемой как для простых граждан, так и для лиц, имеющих отношение к юридической специальности.

Однако несмотря на отсутствие систематизации и кодификации правил толкования как в Англии, так и в США, внешние источники толкования помогают судам и иным представителям юридического сообщества лучше ориентироваться в возможном выборе того или иного правила толкования, поскольку они создают некий «буфер» проверки применимости выбранного правила толкования к конкретному случаю. Тем не менее разобраться в таком множестве способов и средств толкования и такой вариативности результата их применения может исключительно высококвалифицированный специалист юридического профиля. На сегодняшний день простые граждане Англии и США не могут быть уверены, что прочитанный ими закон будет истолкован в суде таким же образом, как он толкуется самим гражданином. Для отстаивания своей позиции в суде гражданину все же придется нанимать юридическую фирму или адвоката, поскольку самостоятельно он не сможет предсказать результат вынесенного решения в случае спора именно по вопросу толкования нормы закона, что крайне актуально в сфере применения большинства отраслей права. Возможно, некая «фрустрация» системы толкования в обозначенных нами юрисдикциях *заведомо* остается неразрешенной для целей сохранения уже столетиями сложившейся системы функционирования юридического рынка Англии и США.
С политической точки зрения существенно проще оставить лишь небольшую группу лиц, разбирающихся во всех переплетениях теорий и правил толкования, чем позволять неограниченному кругу лиц быть специалистами в области толкования норм права. Однако, на наш взгляд, сфера толкования права

неизменно требует к себе дифференцированного подхода. Затрагивая фундаментальные права и свободы лиц, толкование норм права должно быть ***более доступным*** для простых граждан, а значит, в существующих условиях оно не отвечает задачам защиты общественного порядка и требует серьезных корректировок для целей достижения некой *универсальности, системности и прозрачности* применения различных теорий, правил, канонов и иных способов и средств толкования норм права в Англии и США.

Заключение

В данной работе мы рассмотрели основные подходы к толкованию норм статутного права в двух юрисдикциях – Англии и США. Прежде чем обозначить основные выводы нашего исследования, следует сказать еще несколько слов о предмете исследования. В данной работе изначально была поставлена задача освещения основных подходов к толкованию норм права в целом, что неизбежно ведет к рассмотрению действия статутных норм права практически во всех отраслях права той или иной юрисдикции. Примеры из судебной практики обеих стран охватывают как уголовно-правовую сферу отношений с учетом ее особенностей, так и сосредоточены на проявлении теорий толкования в административном, финансовом, налоговом, экологическом праве и многих других отраслях. Такая подборка самых разнообразных решений для иллюстрации работы системы толкования в конкретной юрисдикции была представлена не случайно. Уголовно-правовая сфера Англии и США относится к публичной отрасли права. Каноны и способы толкования, применяемые к законодательству публичного характера, как правило, являются более строгими в силу особенностей *ответственности субъектов права,* закрепленной в публичных отраслях, ведь, по мнению правоведов Англии и США, нарушение норм права публичной отрасли будет оказывать влияние на все общество в целом, поскольку публичные отрасли права закрепляют государственные интересы защиты конкретного гражданина. Данная теория «всеобщего социального блага», «социальной цели принимаемого закона» не могла не отразиться на подходах к толкованию. Таким образом, в Англии и США толкование норм права как через призму толкования на базе выявления «законодательного намерения», так и через «динамичные теории толкования» неизменно будет преломляться через то «всеобщее воздействие», которое данная норма права при соответствующем толковании будет оказывать на социум английского или американского правового региона. Потому в данной исследовательской работе мы постарались, среди

прочего, раскрыть особенности толкования норм публичного права, в рамках общей теории толкования. Также нам удалось осветить характерные для публичного права внутренние способы толкования: как презумпции («правило снисходительности»), так и закон «О правах человека» 1998 года в Англии. Далее необходимо вкратце изложить основные выводы работы о том, как теория толкования применяется в Англии и США на практике.

Англия. Рассмотрев все основные правила толкования в Англии, можно сказать, что «правила» толкования по сути своей не являются правилами, а представляют собой различные «гибкие» подходы к толкованию. Судьи методично не применяют эти правила к каждому конкретному случаю, да и сам факт того, что вообще возможен выбор того или иного правила толкования, говорит об их конфликтности и открытом пути к принятию совершенно разных решений по одному и тому же вопросу. На результат такого решения также во многом влияют рассмотренные нами внутренние к тексту и внешние средства толкования, равно как и меняющиеся правила английского языка. И все же – как именно судьи толкуют законы на практике? Выработан ряд научных обоснований разных подходов к толкованию. Рассмотрим основные из них, принятые английскими юристами.

1. Дворкин: толкование – часть системы права. Согласно мнению Дворкина, высказанному в 1986 г., при рассмотрении дела задача судьи заключается в выработке теории о «встраивании» рассматриваемой теории толкования в систему права в целом. Если перед судьей стоит выбор между двумя возможными вариантами толкования, то он должен остановить свой выбор на том варианте, который более всего позволяет толкуемой норме «встроиться» в цели остального законодательства и системы права в целом. Цель такого подхода не механическая, а весьма утилитарная, ведь граждане более склонны доверять строго унифицированной и последовательной системе права.

2. Кросс: контекстуальный подход. Сэр Руперт Кросс (1995 г.) считает, что суды, вместо выбора какой-то конкретной теории толкования, должны проводить общий контекстуальный прогрессивный анализ текста закона, в результате чего

сначала оценивается обычное значение слов толкуемой нормы в контексте всего закона, и далее возможно применение других подходов при абсурдности итогов. Кросс настаивает, что суд может «читать между строк» закон, иногда встраивая недостающие слова, а также в ограниченном объеме может изменять текст закона или даже игнорировать отдельные слова, если в противном случае положение закона становится неразумным, абсурдным, неосуществимым на практике или же полностью противоречащим иным положениям закона.

3. Уиллис: справедливый результат. Статья Джона Уиллиса 1938 г. под названием *«Краткий обзор статутного толкования»* (“*Statutory Interpretation in a Nutshell*”), оказавшая значительное влияние на систему толкования норм права в целом, весьма цинично описывала использование трех основных правил толкования. Автор настаивал, что любой закон может быть истолкован в соответствии с каждым из этих трех правил, что приводит к ситуации множественного толкования. Несмотря на сделанный в статье акцент на правило буквального толкования, Уиллис полагает, что все три правила имеют одинаковый вес в судейском сообществе, где каждый судья выбирает «свое» правило в зависимости от конкретного дела для достижения справедливого, по его мнению, результата.

4. Гриффит: политическая детерминанта. Гриффит (1997) полагает, что в случае выявления двусмысленности положения закона судья чаще выбирает то толкование, которое соответствует его политическим взглядам. Пример такого решения можно найти в деле *Bromley London Borough Council v. Greater London Council* (1983). Поддерживаемый и контролируемый лейбористской партией совет Большого Лондона (Лондонский муниципалитет; *кратко* – «СБЛ») утвердил Положение, которое было частью его предвыборной программы об уменьшении стоимости проезда в общественном транспорте Лондона за счет тарифного субсидирования дополнительными денежными средствами (так называемый налог совета). Это означало повышение размера ставок тарифа. Контролируемый консервативной партией совет г. Бромли попытался оспорить право на принятие такого Положения. Полномочия муниципалитетов (включая СБЛ) полностью

регулируются законом, и выработана презумпция того, что если полномочие муниципалитета не предусмотрено Парламентом, такое полномочие отсутствует. Задачей судьи по данному делу, таким образом, было установление конкретных полномочий, переданных СБЛ Парламентом, а также определение правомерности установления каких-либо тарифных ставок. Так, ст. 1 закона «О транспорте в городе Лондоне» 1969 г. гласила: «Общей обязанностью СБЛ является разработка положений, а также их продвижение, организация, и в случае необходимости принятие мер по предоставлению единой эффективной и экономичной системы общественного транспорта и услуг в Большом Лондоне». Ключевым словом и «яблоком раздора» в данной формулировке стало слово «экономичный». СБЛ утверждал, что данное понятие означает в первую очередь экономически выгодный, или, иными словами, «обладающий высокой эффективностью при приемлемой стоимости издержек». СБЛ считал, что понятие «приемлемая стоимость» включало в себя любые предусмотренные в Положении цели, связанные с обеспечением транспортных услуг: эффективное перемещение пассажиров, снижение уровня загрязнения от общественного транспорта, даже некоторые социальные изменения. Совет г. Бромли, напротив, утверждал, что «экономичный» подразумевает только лишь «безубыточный», т.е. покрывающий свои расходы только за счет средств, выплачиваемых гражданами по тарифам, и не требующий никаких дополнительных субсидий. Очевидно, что у каждой стороны были основания толковать данное понятие по-своему, делая применение правила буквального толкования бессмысленным. В связи с этим лорд Скарман отказался обращаться к словарям, утверждая, что словарь может осветить все возможные значения, имеющиеся у слова, однако слово неизбежно будет толковаться исходя из того, что «его окружает». При этом лорд Скарман уточнил, что в понятие этого «окружения» входит не только весь текст закона в целом, но и обязанности СБЛ перед плательщиками тарифа; и такие обязанности должны сосуществовать с обязанностями по отношению к пользователям общественного транспорта. В итоге он заключил, что «статья 1 закона должна толковаться таким образом, чтобы вобрать в себя все виды перечисленных обязанностей, а именно

включать не только требование к приемлемой стоимости и высокой эффективности оказываемых транспортных услуг, но и требование по предоставлению этих услуг таким образом, чтобы максимально и насколько это в принципе возможно снизить бремя на плательщиков тарифов». Гриффит в свою очередь настаивал, что концепция «обязанности перед плательщиками тарифов» полностью придумана судьей, поскольку именно выбранный совет должен оценить «экономичность» предоставленных транспортных услуг, а если общественность будет недовольна такой оценкой, то именно в их руках и находится средство правовой защиты – следующие выборы совета. Лорд Гриффит указывал, что решение, которое пытались вынести лорды, является не чем иным, как политическим выбором толкования норм права – приверженностью принципам рыночной экономики взамен жесткой обязанности социального субсидирования. Это происходит в тех случаях, когда закон дает основания выбрать любое толкование, а значит, критерием выбора должно стать что-то еще, а именно политические взгляды суда[413].

Проблемы статутного толкования в Англии были предметом множества дискуссий на протяжении десятилетий. Однако несмотря на принятие нескольких важных отчетов, мало что изменилось в глобальном понимании и решении этого вопроса. В частности, в 1967 г. Правовая комиссия сделала вывод, что статутное толкование «оставляет мало сомнений в том, что оно непригодно для систематизации», однако все же были сделаны предложения о том, как улучшить состояние существующей системы толкования:

- необходимо расширить сферу и глубину применения внутренних и внешних средств толкования;
- в случае двусмысленности толкования необходимо выбирать толкование, которое более способствует воплощению «общей законодательной цели», что можно трактовать как принцип поддержки подхода, выработанного лордом Деннингом.

[413] См.: *Elliott C., Quinn F.* English legal system. Harlow : Pearson, 2014. P. 72–74.

Рэнтонский комитет по подготовке законодательства в 1975 г. также принял свой отчет по вопросам толкования, в частности по процедуре принятия и составления текста закона:

● законы должны начинаться с общей формулировки цели закона, как раньше это делалось в преамбулах;

● следует воспринять более простой и понятный стиль составления текста закона с минимумом деталей, как это делается во Франции, к примеру;

● в законе следует указывать больше конкретных примеров того, как закон должен применяться на практике;

● следует избегать длинных, сложных для восприятия предложений;

● законы должны облекаться в форму, доступную и понятную именно конечному пользователю;

● необходима бóльшая консолидация законодательства в целом.

В 1978 г. сэр Дэвид Рэнтон в своей речи «Провал имплементации отчета Рэнтона» указал: несмотря на то, что было отмечено некоторое снижение числа авторов законов, а также произошла относительная консолидация законодательства в целом, Парламент все же продолжает принимать огромное число сложно написанных законов без указания на общие их цели. В 1992 г. комиссия, назначенная организацией «Общество Хансарда за парламентаризм» отметила, что произошло катастрофически мало изменений в этом вопросе. После обширных консультаций комиссия пришла к выводу, что юридическая техника составления закона должна быть ориентирована на конечных пользователей, но с эмфазой на четкость, ясность и определенность текста закона. Граждане, юристы и суды все же должны быть проинформированы об общей цели того или иного закона, а лишние детали в тексте должны быть устранены. Лейбористское правительство отреагировало на это введением обязательных объяснительных меморандумов к каждому закону с 1999 г., однако этот хотя и важный, но небольшой шаг пока не в состоянии разрешить весь спектр проблем статутного толкования в Англии.

США. Как уже было сказано выше, согласно Карлу Ллевелину, выдающемуся правоведу и ярому стороннику теории юридического реализма, «на каждый спорный вопрос обязательно есть два противоположных правила (канона) толкования». И для того, чтобы был сделан выбор какого-либо из канонов толкования, «необходимо просто «продать» это правило суду: путем грамотной оценки ситуации спорного вопроса и *банального* разъяснения текста, представленного в законе»[414]. Несмотря на категоричность данной характеристики всей системы толкования норм права, позицию Ллевелина можно рассмотреть с разных углов зрения. К примеру, большинство «противоположных правил или канонов» толкования лучше всего раскрывают свое содержание как общие подходы или теории толкования (как правило явного смысла) и исключения к ним (как институт абсурдности результата такого толкования). Они хотя и не дают однозначного ответа о результате толкования, но все же структурируют относительно предсказуемый и эффективный состязательный диалог между адвокатами разных сторон в конкретном деле. Также каноны толкования могут быть рассмотрены как своеобразный перечень возможных исходов дела для адвокатов. Случается, что адвокат при прочтении текста закона не только не уловил, что применению будет подлежать правило толкования *ejusdem generis*, но и не увидел, что к данному случаю суд, скорее всего, применит доктрину узкого толкования широких по своему значению фраз, на которых и основывается данный канон[415]. Знание всей палитры канонов и правил толкования неизменно поможет любому американскому адвокату увидеть все вероятные варианты статутного толкования и даст возможность подготовиться. С Ллевелином сложно не согласиться в вопросе зависимости применения тех или иных правил толкования от контекста. Сами каноны (правила) толкования своими корнями уходят в незыблемые постулаты о «естественном использовании языка» (*normal usage of language*), об институциональных особенностях взаимодействия

---

[414] См.: *Llewellyn K.* Remarks on the theory of appellate decision and the rules or canons about how statutes are to be construed // Vanderbilt Law Review. 1950. Vol. 3. P. 395, 401.

[415] См.: *Eskridge W.N. (jr.), Frickey P.P., Garrett E.* Legislation and statutory interpretation. 2nd ed. New York : Foundation Press, 2006. P. 383.

законодательной власти и судебной системы (*institutional relationships of legislatures and courts*) и о базовых системных ценностях (*basic systemic values*). «Вес» канона должен варьироваться в зависимости от того, как эти постулаты проявляются в конкретном деле. Каноны должны быть, как правило, концепцией потенциально полезных рекомендаций, а не формой нормы права. К сожалению, судебная практика относится к канонам иначе: как с позиции эмпирических, так и с позиции нормативных границ их действия суды неоднократно высказывали свою обеспокоенность прагматического характера. Аргумент о том, что все каноны толкования служат только нормативной цели правоприменения, создавая некий предсказуемый сценарий в толковании норм права, был подорван, в первую очередь, бессистемным применением канонов самими судами, а также отсутствием эмпирического свидетельства того, что в ответ на мотивационные призывы судебной системы при попытке создать некую предсказуемую последовательность использования канонов законодатель мог бы грамотно реагировать на них. Более того, форма выражения и формулировки канонов толкования склонны к «маскированию» ценностных выборов, лежащих в основе каждого из канонов, что побуждает судей и даже адвокатов строить свои позиции в соответствующем ключе (в форме правила-канона) для ограждения себя от критического анализа. Если рассматривать толкование как всецело нормативный процесс, то и канонам необходимо найти в нем нормативное положение, чего на сегодняшний момент в теории и практике толкования норм права США так и не было достигнуто. К примеру, профессор Брудни считает, что Верховный суд США под председательством судей Бергера и Ренквиста использовал каноны как инструменты для лоббирования позиций в трудовом праве, противоречащих намерениям законодателя. Так, он вместе с соавтором проанализировал 630 решений суда по вопросам трудового права, принятых в период с 1969 по 2003 г., и пришел к выводу, что одновременно и консервативно, и либерально настроенные судьи демонстрировали тенденцию к ссылке на каноны, которые бы поддерживали их позицию (либо в пользу работодателя, либо в пользу работника). Необходимо отметить, что авторы в своем исследовании

использовали математический анализ множественной регрессии с целью проверки, каким образом иные факторы оказывали влияние на принятие решений. Выяснилось, что именно идеология членов суда существенным образом влияла на результат толкования норм трудового права. Особенно это было характерно для периода председательствования Ренквиста, когда консервативно настроенные судьи опирались на каноны, позволявшие осуществить более строгое толкование трудовых законов, вопреки наличию аргумента против: весьма убедительной истории принятия этих законов как источника толкования[416].

Именно об этом и предупреждал судья-текстуалист Скалиа: судьи «смотрят поверх голов» канонов и «выбирают из них лишь своих друзей». Исследование профессоров Брудни и Дитслера также обращает внимание на то, что и правовые формалисты видят в канонах множество несовершенств: от проблемы отвлечения внимания в судебном процессе до незаконного судебного правотворчества. Скалиа также поддерживает такое противоречивое отношение к канонам толкования, подчеркивая, что для убежденного текстуалиста все эти преференциальные правила и презумпции всегда являются большой проблемой, поскольку в действительности они все же повышают риск непредсказуемости судебного решения путем форсирования судьи ответить на такие тонкие вопросы, как, к примеру, насколько неясным должен быть текст закона, чтобы можно было признать его «двусмысленным», или какие формулировки должны быть использованы в законе, чтобы точно решить, что закон «однозначен»?

С другой стороны, текстуалисты непримиримо верят в возможность закрепления на законодательном уровне четкой и последовательной формулы статутного толкования.

1. Сначала необходимо определить обычное значение (*ordinary meaning*) языка, использованного в определенном контексте.

---

[416] См.: *Brudney J., Ditslear C.* Canons of construction and the elusive quest for neutral reasoning // Vanderbilt Law Review. 2005. Vol. 58. P. 1.

2. Далее, используя выработанные практикой каноны толкования, необходимо задаться вопросом: присутствует ли в тексте закона четкое указание на то, что допускается иное толкование его текста, по сравнению с обычным?

3. Если ответ на этот вопрос отрицательный, и в особенности если применение обычного значения подкреплено серьезными аргументами, то необходимо толковать текст закона в соответствии с обычным значением.

Однако сам Скалиа утверждал, что данная формула не учитывает такие дилеммы статутного толкования, как истинное намерение законодателя и особенности теории строгого текстуализма. И действительно, если каноны являются имманентными для толкования правилами, которые одинаково восприняты и гражданским обществом, и законодателем, будет ли разумно отрицать, что идея истинного намерения законодателя и теория явного смысла текста закона *основываются* на канонах толкования? Будет ли правомерным отрицание канонов, которые отражают *разделяемые ценности статутного толкования*? Но поскольку каноны находятся под контролем судей, могут быть легко использованы для манипулирования нормой права и находятся в постоянном развитии, не подрывает ли это демократический и нормативный базис статутного толкования? Стоит вспомнить, что канон «снисходительности» (*rule of lenity*) в уголовном праве США уже неоднократно менялся, а это не может способствовать правовой стабильности.

Иными словами, главной проблемой статутного толкования в США остается вопрос о месте и роли канонов в рамках каждой теории толкования. Правоведы продолжают спор о том, стоит ли применять каноны в случаях, где нарушается единство теории и практики текстуализма. Способствуют ли каноны большей правовой определенности? Если нет, то служат ли они менее значимой цели, «квазиконституционным ценностям» правовой системы США, ради которых их необходимо сохранить? Как грамотно вписать все каноны в институт надлежащей правовой процедуры судебного процесса? И стоит ли полностью избавиться от спорных канонов, которые слишком бессистемно применяются судами?

Ответы на все эти вопросы пока однозначно не разрешены в праве США.

С точки зрения практики, любой адвокат, столкнувшийся с необходимостью толкования права США, должен быть готов к проведению полноценного анализа возможных вариантов толкования судом текста закона в конкретной ситуации. Но более всего юристам США советуют проводить такой анализ для укрепления своей стратегии по делу – ведь почти всегда можно найти канон, который поддержит необходимое юристу толкование, равно как и создать новый канон толкования, если в суде привести достаточно убедительные аргументы, которые смогут побудить суд «канонизировать» то или иное правило.

Остается лишь словами правоведов Харта и Сакса выразить надежду на то, что «при попытках формулирования разумной и рабочей теории статутного толкования самое большее, на что мы можем надеяться, это то, что такая теория будет иметь обоснование, воспринятое из практики самых мудрых судей США и что она будет сконструирована с самой главной целью – служение норме права».

Подводя итог работы можно сделать вывод о том, что ни в Англии, ни в США в системе права не выработан ***четкий и строгий перечень последовательного алгоритма действий по толкованию норм статутного права.*** Дело в том, что многообразие теорий и правил толкования в англосаксонских странах является несомненным плюсом с точки зрения поддержки и реализации *демократических* начал законодательной власти. Такое многообразие предоставляет, с одной стороны, широкие возможности по *выбору* надлежащего подхода к каждой конкретной ситуации неясного, неточного, двусмысленного или даже непрописанного текста закона. С другой стороны, отсутствие четких методологических установок и алгоритма действий по установлению содержания понятий закона в качестве базиса для опоры приводит к хаотичному принятию разнородных решений, которые одинаково аргументированно поддерживают совершенно противоположные подходы к толкованию иногда абсолютно идентичных ситуаций. Все это не может способствовать правовой определенности и уверенности гражданина, что суд выберет прецедент именно в его пользу, а не «обратный» прецедент. В США книжные магазины юридической литературы изобилуют пособиями, созданными

для оказания помощи адвокатам в процессе защиты дела на основании выбора одной из теорий толкования; также популярны пособия и для судей, когда те или иные вопросы конкретного дела имеют несколько решений, часто противоречащих друг другу. Все это свидетельствует о том, что сильно развитая, но неупорядоченная система толкования норм статутного права в Англии и США не позволяет гражданам, адвокатам и судьям недооценивать толкование.

Выводы

В заключение кратко обозначим основные выводы данного исследования, общие для обеих юрисдикций:

1. *Все теории толкования как в Англии, так и в США находятся в постоянном взаимовлиянии, взаимодействии и взаимной борьбе. Выбор конкретной теории для решения спора зависит от позиции конкретного судьи*. В ходе исследования мы пришли к выводу, что в обеих странах многообразие теорий и подходов к толкованию норм права позволяет судьям иметь дискреционные полномочия по выбору способа толкования в конкретном споре, опираясь на присущую данному судье научную школу и собственное видение вопроса теории и практики толкования.

2. *В обеих юрисдикциях первоначальный приоритет толкования отдается текстуальной теории (буквальное толкование, теория явного смысла и другие виды).* И в Англии, и в США любое толкование нормы закона начинается с текстуального прочтения смысла толкуемой нормы. Текст нормы, по мнению интерпретаторов-текстуалистов, есть наилучшее выражение воли законодательного органа, и попытка оспорить юридическую форму выражения данной воли рассматривается как подрыв теории разделения властей и исторического принципа верховенства закона.

3. *Однако результат толкования может «качнуться» в сторону применения теории выявления законодательного намерения, что стало особенно актуально в последние десятилетия.* В действительности юридическая техника составления текста закона весьма часто является несовершенной: допускаются очевидные

ошибки, которые иногда приводят к абсурдному результату применения нормы закона. В таких случаях выявление истинного законодательного намерения способно предотвратить принятие неразумного решения или даже непосредственно повлиять на права и обязанности конкретных граждан, поскольку прецедентная система распространяет свое действие и на других лиц, не участвующих в спорном судебном разбирательстве. Нетривиальность этой проблемы подтолкнула судей как Англии, так и США начать относиться более снисходительно к процедуре выявления воли законодательного органа, хотя и в строго очерченных рамках.

4. Наиболее перспективной теорией толкования как в Англии, так и в США является «динамичная» теория толкования, которая пытается соединить в себе все преимущества теорий на базе текста закона и на базе выявления законодательного намерения. Пытаясь осуществить правильный выбор теории толкования, в последние годы судьи продемонстрировали некую тенденцию в своих решениях склоняться к поиску наиболее сбалансированного подхода толкования норм права, который бы выражал некий компромисс всех достоинств и недостатков всех основных теорий толкования. Таким подходом является «динамичное» толкование, которое, несмотря на свои ненормативные рамки, на сегодняшний день занимает очень влиятельную позицию в практике толкования норм права в обеих странах. Говоря об Англии, необходимо подчеркнуть, что динамичная теория толкования должна быть дополнена «золотым правилом» для принятия более уравновешенного судебного решения. Это обусловливается в первую очередь тем, что «правило Хейдона» в Англии сильно устарело на сегодняшний момент, и любые судебные решения, принимаемые на основе исключительно этого правила, будут детерминированы логикой «исторического законодателя», а не необходимостью суда прислушаться к современным тенденциям законодательной техники и особенностям законодательного процесса в целом. В связи с этим автор видит необходимость гибридизации двух теорий толкования – на базе текста закона и на основе динамичного толкования – с целью достижения справедливого результата. «Золотое правило» толкования оценивает

текст закона в первую очередь, затем проводит анализ результата толкования на «абсурдность», но не учитывает социальные и исторические факторы принятия закона в конкретной версии, что осуществляется при применении «правила Хейдона». Таким образом, их комбинация могла бы стать оптимальным решением проблем толкования норм права Англии.

5. Внешние и внутренние средства толкования норм права в Англии и США дополняют выбор той или иной теории толкования, однако используются по усмотрению конкретного судьи в соответствии с его общими взглядами на институт толкования. Дополнительные средства толкования, получившие название по степени отношения к тексту законодательного акта, являются и обрамлением теорий толкования, и, по сути, средствами, помогающими реализации каждой из них. Эти средства отражают исключительно практическую направленность функционирования всей системы толкования норм права, являясь источником бесконечных споров и разногласий в отношении их места и роли в системе права в целом. Тем не менее нельзя не учитывать то влияние, которое различные каноны и способы толкования оказывают на современных судей, часто определяя исход всего дела. Проблемными элементами внутренних и внешних средств толкования норм права остаются отсутствие консолидации, бессистемное применение и противоречивость.

6. Весьма разветвленная и многоуровневая система толкования норм права в Англии и США не способна разрешить проблему неопределенности результата толкования в конкретной ситуации, что весьма актуально для большинства отраслей права. Для простых граждан обеих стран теория толкования является практически недоступной для понимания, поскольку прочтение закона и попытка его толкования в случае какой-либо двусмысленности может быть абсолютно тщетной. Данная сложная схема анализа текста правового акта приводит к потребности обращаться к профессиональным юристам, которые смогут оценить все возможные варианты исхода дела в соответствии с выбором теории толкования судом. Такой непредсказуемый результат толкования не способствует правовой стабильности и развитию правовой культуры общества в целом. А в

уголовном праве эта «отстраненность» личности от права проявляется особенно остро.

В завершение необходимо отметить, что опыт Англии и США по толкованию норм права может быть полезен для изучения, поскольку в целом отражает крайне внимательное и уважительное отношение как к «букве», так и к «духу» законодательного акта, в их взаимном единстве и философско-правовом антагонизме. Сложно не восхититься историей и не отдать должное современной борьбе за чистоту юридического аргумента в вопросе толкования норм права. Толкование как поле битвы самых выдающихся правоведов может быть названо одним из самых захватывающих институтов права Англии и США. И дело не только в том, что система англосаксонского права постепенно стала самой распространенной «выборной» системой, но в большей степени – в общеправовом уважении к нормативности и общеобязательности текста закона как квинтэссенции торжества социального и цивилизационного разума. В сущности, борьба за единообразное понимание принятого законодателем текста несет в себе именно цивилизационную ценность: принципы толкования норм права могут стать в перспективе предметом обсуждения на международном уровне, что будет способствовать уменьшению конфликтных ситуаций политико-правового характера, вызванных либо неоднозначным прочтением тех или иных норм права, либо потребностью отдельных государств пренебрегать очевидным толкованием в поддержку своих политических интересов. На наш взгляд, достижения системы толкования норм права в Англии и США достойны внимания юридического сообщества в целом.

Библиографический список

I. Нормативные правовые акты:

а) Великобритания:

1. Abortion Act 1967 // legislation.gov.uk : [website] / The National Archives. – URL: https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1967/87/contents (дата обращения: 25.05.2019).

2. Adoption Act 1976 // legislation.gov.uk : [website] / The National Archives. – URL: https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1976/36/contents (дата обращения: 25.05.2019).

3. Criminal Damage Act 1971 // legislation.gov.uk : [website] / The National Archives. – URL: https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1971/48/contents (дата обращения: 25.05.2019).

4. Fines and Recoveries Act 1833 // legislation.gov.uk : [website] / The National Archives. – URL: https://www.legislation.gov.uk/ukpga/Will4/3-4/74/contents (дата обращения: 25.05.2019).

5. Interpretation Act 1978 // legislation.gov.uk : [website] / The National Archives. – URL: https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1978/30/contents (дата обращения: 25.05.2019).

6. Offences Against the Person Act 1861 // legislation.gov.uk : [website] / The National Archives. – URL: https://www.legislation.gov.uk/ukpga/Vict/24-25/100/contents (дата обращения: 25.05.2019).

7. Official Secrets Act 1920 // legislation.gov.uk : [website] / The National Archives. – URL: https://www.legislation.gov.uk/ukpga/Geo5/10-11/75/contents (дата обращения: 25.05.2019).

8. Police Reform and Social Responsibility 2011 // legislation.gov.uk : [website] / The National Archives. – URL: http://www.legislation.gov.uk/ukpga/2011/13/contents/enacted (дата обращения:

25.05.2019).

9. Restriction of Offensive Weapons Act 1959 // legislation.gov.uk : [website] / The National Archives. – URL: http://www.legislation.gov.uk/ukpga/Eliz2/7-8/37/contents (дата обращения: 25.05.2019).

10. Road Traffic Act 1930 // legislation.gov.uk : [website] / The National Archives. – URL: https://www.legislation.gov.uk/ukpga/Geo5/20-21/43/contents (дата обращения: 25.05.2019).

11. Serious Organized Crime and Police Act 2005 // legislation.gov.uk : [website] / The National Archives. – URL: https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2005/15/contents (дата обращения: 25.05.2019).

12. Street Offences Act 1959 // legislation.gov.uk : [website] / The National Archives. – URL: https://www.legislation.gov.uk/ukpga/Eliz2/7-8/57/contents (дата обращения: 25.05.2019).

13. Supreme Court of Judicature Act 1891 // legislation.gov.uk : [website] / The National Archives. – URL: http://www.legislation.gov.uk/ukpga/Vict/54-55/53/contents/enacted (дата обращения: 25.05.2019).

14. Theft Act 1968 // legislation.gov.uk : [website] / The National Archives. – URL: https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1968/60/contents (дата обращения: 25.05.2019).

б) США:

15. Alien Contract Labor Law 1885 // CAMPUSLIBRARY: [website]. – URL: http://library.uwb.edu/Static/USimmigration/23%20stat%20332.pdf (дата обращения: 25.05.2019).

16. Civil Rights Act 1964 // DocsTeach : the online tool for teaching with documents, from the National Archives : [website] / National Archives. – URL: https://www.docsteach.org/documents/document/civil-rights-act-of-1964 (дата обращения: 25.05.2019).

17. Endangered Species Act 1973 // U.S. Fish and Wildlife Service : [website]. –

URL: https://www.fws.gov/endangered/esa-library/pdf/ESAall.pdf (дата обращения: 25.05.2019).

18. Federal Reserve Act 1913 // FRASER : discover economic history / Federal Reserve System : [website]. – URL: https://fraser.stlouisfed.org/title/966 (дата обращения: 25.05.2019).

19. Federal Trade Commission Act 1914 // The Office of the Legislative Counsel : [website]. – URL: https://legcounsel.house.gov/Comps/Federal%20Trade%20Commission%20Act.pdf (дата обращения: 25.05.2019).

20. U. S. Food and Drug Administration Act 1906 // Library of Congress : [website]. – URL: https://www.loc.gov/law/help/statutes-at-large/59th-congress/session-1/c59s1ch3915.pdf (дата обращения: 25.05.2019).

II. Прецеденты толкования и иные судебные решения:

а) Великобритания:

21. Abbott v. Middleton (1858) // Clarke's House of Lords Cases. – Vol. 7.

22. Adam v. The Inhabitants of the City of Bristol (1834) // Adolphus and Ellis' Reports. – Vol. 2.

23. Adler v. George (1964) // Queen's Bench Reports. – Vol. 2.

24. Ash v Abdy (1678) // The English Report. – Vol. 35.

25. Attorney-General v Prince Ernest Augustus of Hanover (1957) // All England Law Reports. – Vol. 1.

26. Attorney-General v. Lord Weymouth // Ambler's Chancery Reports. – Vol. 22.

27. Bank of Toronto v. Lambe (1887) // Appeal Cases. – Vol. 12.

28. Barrow v. Wadkin (1857) // Beavan's Reports. – Vol. 24.

29. Bassett v. Bassett (1744) // Annotated Tax Cases. – Vol. 3.

30. Becke v. Smith (1836) // Meeson and Welsby's Exchequer.

31. Beswick v. Beswick (1968) // Appeal Cases. – Vol. 58

32. Black-Clawson International Ltd v. Papierwerke Waldhof-Aschaffenburg AG (1975) // CASEMINE : [веб-сайт]. – URL: https://www.casemine.com/judgement/uk/5a8ff8ca60d03e7f57ecd7a2 (дата обращения: 23.05.2019).

33. Bromley London Borough Council v. Greater London Council (1983) // Appeal Cases. – Vol. 1.

34. Claydon v. Green (1867) // Law Reports. Common Pleas. – Vol. 3.

35. Colehan v. Cooke (1742) // The English Report. – Vol. 125.

36. Cooper v. Motor Insurers'Bureau (1985) // Weekly Law Reports. – Vol. 2.

37. Crespigny v. Wittenoom (1792)// Taxation Reports. – Vol. 4.

38. Cull v. Austin // Law Reports. Common Pleas. – Vol. 7.

39. Davis v. Johnson (1978) // All England Law Reports. – Vol. 1.

40. Davis v. Johnson (1979) // Appeal Cases. – Vol. 1.

41. Dawes v. Painter (1674) // Freeman's Chancery Reports. – Vol. 1.

42. Dimbleby & Sons Ltd v. National Union of Journalists (1984) // Weekly Law Reports.

43. Easton v. Studd (1574) // The English Report. – Vol. 75.

44. Elliott v. Grey (1960) // Queen's Bench Reports.

45. Everett v. Wells (1841) // Macnaghten and Gordon's Chancery Reports. – Vol. 2.

46. Factortame Ltd v. Secretary of State for Transport (1991) // The All England Law Reports. – Vol. 1, nr 2.

47. Farrell v. Tomlinson (1761) // J Brown's Parliamentary Cases. – Vol. 5.

48. Fennell v. Ridler (1826) // Barn. & Cres. – Vol. 5.

49. Fisher v. Bell (1960) // Queen's Bench Reports. – Vol. 1.

50. Fothergill v. Monarch Airlines Ltd. (1981) // Appeal Cases. – Vol. 1

51. Francis and Francis (a firm) v. Central Criminal Court (1988) // The All England Law Reports. – Vol. 3.

52. Ghaidan v. Godin-Mendoza (2004) // Appeal Cases. – Vol. 2.

53. Graves v. Ashford (1867) // Law Reports. Common Pleas. – Vol. 2.

54. Greenwich London Borough Council v. Powell (1989) // All England Law Reports. – Vol. 1.

55. Grey v. Pearson (1857) // Clarke's House of Lords Cases. – Vol. 6.

56. Hadmor Productions Ltd v. Hamilton (1983) // Appeal Cases. – Vol. 1.

57. Halton v. Cove (1830) // Barnewell and Adolphus' Reports. – Vol. 1.

58. Hardwick Game Farm v. Suffolk Agricultural and Poultry Producers Association Ltd (1966) // The All England Law Reports. – Vol. 1.

59. Heydon’s case (1584) // The English Reports. – Vol. 67.

60. Hull Dock Co. v. Browne // Barnewell and Adolphus' Reports. – Vol. 2.

61. Hunter v. Nockolds (1846) // McN & G. – Vol. 1.

62. Inco Europe Ltd v. First Choice Distribution (2000) // All England Law Reports. – Vol. 2.

63. Jones v. Wrotham Park Estates Ltd (1980) // All England Law Reports. – Vol. 1.

64. L’Office Cherifiendes Phosphates Unitramp SA v. Yamashita-Shinnihon Steamship Co Ltd (1994) // Appeal Cases. – Vol. 1.

65. Leach v. R (1912) // Appeal Cases. – Vol. 1.

66. Lee v. Showman’s Guide of Great Britain (1952) // Queen's Bench Reports. – Vol. 2. – P. 329–338.

67. London and North-Eastern Railway Co v. Berriman (1946) // All England Law Reports.

68. Lord Brougham in Gwynne v. Burnell (1840) // Clark and Finnelly's Reports. – Vol. 7.

69. Lord King and Yates J. in R v. Coke // East's King's Bench Reports. – Vol. 1.

70. Lord Wensleydale in Grey v. Pearson (1857) // Law Journal. – Vol. 26.

71. Maddox v. Storer (1963) // Queen's Bench Reports. – Vol. 1.

72. Magor and St Mellons Rural District Council v. Newport Corporation (1952) // Appeal Cases. – Vol. 1.

73. Mallan v. May (1843) // Meeson and Welsby's Exchequer Reports. – Vol. 13.

74. Mandla v. Dowell Lee // The All England Law Reports. – Vol. 1.

75. Mattison v. Hart (1854) // Common Bench Reports. – Vol. 14.

76. McCartan Turkington Breen (a firm) v Times Newspapers Ltd (2000) // All England Law Reports. – Vol. 4.

77. McDougal v. Paterson (1851) // Common Bench Reports. – Vol. 11.

78. Mills v. Cooper (1967) // Queen's Bench Reports. – Vol. 2.

79. Mills v. Wilkins (1704) // Modern Reports. – Vol. 6.

80. National Westminster Bank *Plc* v Inland Revenue Commissioners *(*1994) // All England Law Reports. – Vol. 3.

81. Nisbet v. Rayne and Burn (1910) // Law Reports, King's Bench. – Vol. 2.

82. Patridge v. Strange & Croker (1553) // The English Report. – Vol. 75.

83. Pellew v. Inhabitants of Wonford // Barnewell and Cresswell's Reports. – Vol. 9.

84. Pepper v. Hart (1992) // All England Law Reports. – Vol. 1. – P. 42–50.

85. Petch v. Gurney (H. M. Inspector of Taxes) (1994). – [London] : The Stationery Office, 1994. – 11 p.

86. Poulter’s case // Retirement and Estate Planning. – Vol. 11.

87. Quazi v. Quazi (1980) // Appeal Cases. – Vol. 1.

88. R. (on the application of Haw) v Secretary of State for the Home Department (2006). – URL: https://www.bailii.org/ew/cases/EWCA/Civ/2006/532.html (дата обращения: 21.05.2019).

89. R. (Quintavalle) v. Secretary of State for Health (2003) // Appeal Cases. – Vol. 2. – P. 687.

90. R. v. A (2001) // House of Lords, United Kingdom. – Vol. 25.

91. R. v. Allen (1872) // Law Reports, Crown Cases Reserved. – Vol. 1.

92. R. v. Allen (1985) // Appeal Cases. – Vol. 1.

93. R. v. Athos // Modern Reports. – Vol. 8.

94. R. v. Bellamy (1986) // Barnewell and Cresswell's Reports. – Vol. 1.

95. R. v. Castro (1873) // Queen's Bench Reports. – Vol. 9.

96. R. v. Charretie (1849) // Queen's Bench Reports. – Vol. 13.

97. R. v. City of London Court Judge (1892) // Queen's Bench Reports. – Vol. 1.

98. R. v. Horseferry Road Metropolitan Stipendiary Magistrate, ex p Siadatan (1991) // The All England Law Reports. – Vol. 1.

99. R. v. Ireland and Burstowe (1998) // Appeal Cases. – Vol. 1.

100. R. v. Leader // Common Bench Reports.

101. R. v. Lloyd // East PC. – Vol. 2.

102. R. v. Mainwaring (1982) // Criminal Appeal Reports. – Vol. 74.

103. R. v. Maude // Dowling’s Bail Court Reports. New Series. – Vol. 2.

104. R. v. Mills (1838) // Clark and Finnelly's Reports. – Vol. 10.

105. R. v. Oakes (1959) // Queen's Bench Reports. – Vol. 2.

106. R. v. Pease (1832) // Barnewell and Adolphus' Reports. – Vol. 4.

107. R. v. Registrar General, ex parte Smith (1990) // All England Law Reports. – Vol. 2.

108. R. v. Secretary of State for the Environment, Transport and the Regions, ex parte Spath Holme Ltd (2001) // All England Law Reports. – Vol. 1.

109. R. v. Tolley // East's King's Bench Reports. – Vol. 3.

110. R. v. Warwickshire County Council, ex parte Johnson (1993) // Appeal Cases. – Vol. 1.

111. R. v. Zulueta (1843) // Carrington and Kirwan's Reports. – Vol. 1.

112. Re K (deceased) (1985) // All England Law Reports. – Vol. 1.

113. Royal College of Nursing v. DHSS (1981) // Weekly Law Reports. – 1981. – Nr 2.

114. Salked v. Johnson (1848) // Exchequer Reports. – Vol. 2.

115. Salter’s Company v Jay // Queen's Bench Reports. – Vol. 3.

116. Smith v. Hughes (1960) // All England Law Reports. – Vol. 2.

117. Steele Ford & Newton (a firm) v Crown Prosecution Service (1993) // The All England Law Reports. – Vol. 2.

118. Stephen J. R v. Tolson (1889) // Queen's Bench Division. Law Reports. – Vol. 23.

119. Taylor v. Goodwin (1879) // Queen's Bench Division. Law Reports. – Vol. 4.

120. Thomas Bonham v. College of Physicians (1610) // The English Report. –

Vol. 77.

121. Thompson v. Good & Co (1910) // Appeal Cases. – Vol. 1.

122. Three Rivers District Council v. Bank of England (1996) (Nr 2) // All England Law Reports. – Vol. 2.

123. Trim Joint District School Board of Management v. Kelly (1914) // Appeal Cases. – Vol. 1.

124. Trueman v. Lambert // Maule and Selwyn's King's Bench Reports. – Vol. 4.

125. Tuck & Sons v Priester (1887) // Queen's Bench Division. Law Reports. – Vol. 19.

126. Underhill v. Lougridge // Law Journal Magistrates' Cases. – Vol. 29.

127. United Dominions Trust Ltd v. Kirkwood (1966) // Queen's Bench Reports. – Vol. 2.

128. Vickers, Sons and Maxim Ltd v. Evans (1910) // Appeal Cases. – Vol. 1.

129. Vine v. Leeds // Justice of the Peace Journal. – Vol. 39.

130. Warburton v. Loveland (1831) // Dow and Clark's House of Lords Cases. – Vol. 2.

131. West Bromwich Building Society Ltd v. Townsend (1983) // Industrial Cases Reports. – 1983.

132. Western Bank Ltd v. Schindler (1977) // Chancery Law Reports. – Vol. 1.

133. Westminster City Council v. Ray Alan (Manshops) Ltd (1982) // Weekly Law Reports. – Vol. 1.

134. Whitely v. Chapell (1868) // Law Reports. – Vol. 4.

135. Wills v. Bowley (1983) // Appeal Cases. – Vol. 1.

136. Wilson v. Secretary of State for Trade and Industry (2003). – URL: https://www.bailii.org/uk/cases/UKHL/2003/40.html (дата обращения: 23.05.2019).

137. Wilson v. Secretary of State for Trade and Industry (2004) // Appeal Cases. – Vol. 1.

138. Wright v. Nuttall // Barnewell and Cresswell's Reports. – Vol. 10.

б) США:

139. American Tobacco Co. v. Patterson (1982) // The United States Reports. – Vol. 456.

140. Atascadero State Hosp. v. Scanlon (1985) // The United States Reports. – Vol. 473.

141. Babbitt v. Sweet Home Chapter of Communities for a Great Oregon (1995) // The United States Reports. – Vol. 515.

142. Bankamerica Corp. v. United States (1983) // The United States Reports. – Vol. 462.

143. Bank One Chicago v. Midwest Bank & Trust Co. (1996) // The United States Reports. – Vol. 516.

144. Beard and other v. Rowan (1835) // Peters' Supreme Court Reports. – Vol. 9.

145. Billings v. Baker (1859) // Barb. – Vol. 28.

146. Blanchard v. Bergeron (1989) // The United States Reports. – Vol. 489.

147. Board of Trade of City of Seattle v. Hayden (1892) // Pacific Reporter. – Vol. 30.

148. Bob Jones University v. United States (1983) // The United States Reports. – Vol. 461.

149. Bryan v. United States (1997) // The United States Reports. – Vol. 524.

150. Cabell v. Markham (2nd Cir. 1945) // Federal Reporter. Second Series. – Vol. 148.

151. Callanan v. United States (1961) // The United States Reports. – Vol. 364.

152. Campbell v. Colorado Coal & Iron Co. (1886) // Pacific Reporter. – Vol. 10.

153. Chandler v. Roudebush (1976) // The United States Reports. – Vol. 425.

154. Charles River Bridge v. Warren Bridge (1837) // The United States Reports. – Vol. 36.

155. Chevron, U.S.A., Inc. v. Natural Resources Defense Council, Inc. (1984) // The United States Reports. – Vol. 467.

156. Chisom v. Roemer (1991) // The United States Reports. – Vol. 501.

157. Circuit City Stores, Inc. v. Adams (2001) // The United States Reports. –

Vol. 532.

158. Cleveland v. United States (1946) // The United States Reports. – Vol. 329.

159. Commissioner v. Acker (1959) // The United States Reports. – Vol. 361.

160. Commissioner v. Engle (1984) // The United States Reports. – Vol. 464.

161. Commonwealth v. Davis, 75 (1876) // RE. – Vol. 75.

162. Commonwealth v. Kelly (1900) // North Eastern Reporter. – Vol. 58.

163. Compare Food and Drug Admin. v. Brown & Williamson Tobacco Corp. (2000) // The United States Reports. – Vol. 529.

164. Crosby v. National Foreign Trade Council (2000) // The United States Reports. – Vol. 530.

165. E.I. Du Pont de Nemours and Co. v. Collins (1977) // The United States Reports. – Vol. 432.

166. Ernst & Ernst v. Hochfelder (1976) // The United States Reports. – Vol. 425.

167. Federal Energy Administration v. Algonquin SNG, Inc. // The United States Reports. – Vol. 426.

168. Fishgold v. Sullivan Drydock & Repair Corp. (1946) // Federal Reporter. Second Series. – Vol. 154.

169. Food and Drug Admin. v. Brown & Williamson Tobacco Corp. (2000) // The United States Reports. – Vol. 529.

170. Green v. Bock Laundry Mach. Co. (1989) // The United States Reports. – Vol. 490.

171. Gregory v. Ashcroft (1991) // The United States Reports. – Vol. 501.

172. Griffin v. Oceanic Contractors, Inc. (1982) // The United States Reports. – Vol. 458.

173. Gulf Offshore Co. v. Mobil Oil Co. (1981) // The United States Reports. – Vol. 453.

174. Hadden v. The Collector (1866) // Wallace's Supreme Court Reports. – Vol. 5.

175. Hans v. Louisiana (1890) // The United States Reports. – Vol. 134.

176. Holy Trinity Church v. United States (1892) // The United States Reports. – Vol. 143.

177. Huidekoper’s Lessee v. Douglass (1805) // The United States Reports. – Vol. 7.

178. INS v. Cardoza-Fonseca (1987) // The United States Reports. – Vol. 480.

179. INS v. Chadha (1983) // The United States Reports. – Vol. 462.

180. Irwin v. Gavit (1925) // The United States Reports. – Vol. 268.

181. Keene Corp. v. United States (1993) // The United States Reports. – Vol. 508.

182. Lehigh Valley Coal Co. v. Yensavage (1914) // Federal Reporter. – Vol. 218.

183. Lewis v. United States (1980) // The United States Reports. – Vol. 445.

184. Maine v. Thiboutot (1980) // The United States Reports. – Vol. 448.

185. McCreery v. Somerville (1824) // The United States Reports. – Vol. 22.

186. MCI v. AT&T (1994) // The United States Reports. – Vol. 512.

187. Morissette v. United States (1952) // The United States Reports. – Vol. 342.

188. Moscal v. United States (1990) // The United States Reports. – Vol. 498.

189. National Labor Relations Board v. Catholic Bishop of Chicago (1979) // The United States Reports. – Vol. 440.

190. National Labor Relations Board v. Hearst Publications, Inc. (1944) // The United States Reports. – Vol. 322.

191. Norfolk Redev. & Hous. Auth. v. Chesapeake & Potomac Tel. Co. (1983) // The United States Reports. – Vol. 464.

192. North Heaven Board of Education v. Bell (1982) // The United States Reports. – Vol. 456.

193. Oneale v. Thornton (1810) // The United States Reports. – Vol. 10.

194. People v. Lopez (2003) // California Appellate Reports. Third Series. – Vol. 6.

195. Piper v. Chris-Craft Industries, Inc. (1977) // The United States Reports. – Vol. 430.

196. Plaut v. Spendthrift Farm, Inc. (1995) // The United States Reports. – Vol. 514.

197. Public Citizen v. United States Dep’t of Justice (1989) // The United States Reports. – Vol. 491.

198. Ratzlaf v. United States (1994) // The United States Reports. – Vol. 510.

199. Rice v. Santa Fe Elevator Corp. (1947) // The United States Reports. – Vol. 331.

200. S&E Contractors v. United States (1972) // The United States Reports. – Vol. 406.

201. Seminole Tribe of Florida v. Florida (1996) // The United States Reports. – Vol. 517.

202. Short v. State (1954) // North Eastern Reporter (Second Series). – Vol. 122.

203. Simpson v. United States (1978) // The United States Reports. – Vol. 435.

204. State of Hawaii, Plaintiff-Appellee, v. Lee Rackle (1973) // CASEMINE : [website]. – URL: https://www.casemine.com/judgement/us/5914966cadd7b049345e11c0 (дата обращения: 24.04.2019).

205. Steelworkers v. Weber (1979) // The United States Reports. – Vol. 443.

206. Thompson v. Thompson (1988) // The United States Reports. – Vol. 484.

207. Thompson v. United States (1820) // Federal Cases. – Vol. 23.

208. Train v. Colo. Public Interest Research Group (1976) // The United States Reports. – Vol. 426.

209. United States v. Cabaccang (2003) // Federal Reporter. Third Series. – Vol. 332.

210. United States v. Dickson (1841) // The United States Reports. – Vol. 40.

211. United States v. Hutcheson (1941) // The United States Reports. –Vol. 312.

212. United States v. International Union (1957) // The United States Reports. – Vol. 352.

213. United States v. Media Corp. (2001) // The United States Reports. – Vol. 533.

214. United States v. Officers & Crew of United States Steamer Mangrove (1903) // The United States Reports. – Vol. 188.

215. United States v. R.L.C. (1992) // The United States Reports. – Vol. 503.

216. United States v. Wiltberger (1820) // The United States Reports. – Vol. 18.

217. Webster v. Doe (1988) // The United States Reports. –Vol. 486.

III. Научная и учебная литература

а) литература на русском языке

218. Алексеев С. С. Собрание сочинений : в 10 т. / С. С. Алексеев. – Москва : Статут, 2010. – 10 т.

219. Арзамасов Ю. Г. Нормография: теория и технология нормотворчества : учебник для бакалавриата и магистратуры. – Москва : Издательство Юрайт, 2017. – 460 с.

220. Арзамасов Ю. Г. Проблемы доктринального толкования права / Ю. Г. Арзамасов // Вестник РУДН, серия Юридические науки. – 2016. – № 4. – С. 9–25.

221. Арзамасов Ю.Г. Эффективность законодательства: постановка проблемы, основные пути решения / Ю. Г. Арзамасов // Вестник университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА). – 2018. – № 4. – С. 127–135.

222. Викторова Э. Ю. Вспомогательные внешние средства толкования норм уголовного права в США / Э. Ю. Викторова // Теоретические аспекты юриспруденции и вопросы правоприменения : сб. ст. по материалам 2-й Междунар. науч.-практ. конф. – 2017. – № 2. – С. 84–93.

223. Викторова Э. Ю. Вспомогательные внутренние средства толкования норм уголовного права в Великобритании / Э. Ю. Викторова // Теоретические аспекты юриспруденции и вопросы правоприменения : сб. ст. по материалам 1-й Междунар. науч.-практ. конф. – 2017. – № 1. – С. 134–143.

224. Викторова Э. Ю. Динамичная теория толкования норм уголовного права Великобритании / Э. Ю. Викторова // Международное уголовное право и международная юстиция. – 2017. – № 6. – С. 26–28.

225. Викторова Э. Ю. История раннего периода толкования норм права в США / Э. Ю. Викторова // Образование и право. – 2019. –№ 2. – С. 332–338.

226. Викторова Э. Ю. История раннего периода толкования норм уголовного права в Англии / Э. Ю. Викторова // Библиотека уголовного права и криминологии. – 2017. – № 1(19). – С. 184-189.

227. Викторова Э. Ю. Теория выявления намерения законодателя в толковании права в Англии и США / Э. Ю. Викторова // Труды Института государства и права РАН. – 2019. – Т. 14, № 2. – С. 186–206.

228. Викторова Э. Ю. Теории толкования норм уголовного права США на примере дела People v Lopez 2003 года / Э. Ю. Викторова // Евразийский юридический журнал. – 2017. – № 7. – С. 54–56.

229. Викторова Э. Ю. Теория толкования уголовного права в США / Э. Ю. Викторова // Актуальные проблемы сравнительного и международного уголовного права : сб. науч. тр. к 15-лет. юбилею каф. уголов. права, уголов. процесса и криминалистики. – 2016. – С. 29–43.

230. Викторова Э. Ю. Толкование норм уголовного права Англии на базе текста закона / Э. Ю. Викторова // Библиотека уголовного права и криминологии. – 2017. – № 4(22). – С. 75-80.

231. Викторова Э. Ю. Толкование норм уголовного права США на базе текста закона / Э. Ю. Викторова // Библиотека криминалиста. – 2017. – № 4(33). – С. 276-281.

232. Викторова Э. Ю. Эволюция толкования норм уголовного права США в XIX–XX веках / Э. Ю. Викторова // Юриспруденция : современный взгляд на изучение актуальных проблем. – Астрахань, 2017. – Вып. 2 : Сб. науч. тр. по итогам междунар. науч.-практ. конф. (25 июля 2017 г.). – С. 15–21.

233. Власенко Н. А. Конкретизация и толкование права как творческое содержание судебной практики / Н. А. Власенко, М. В. Залоило // Журнал российского права. – 2016. – № 8. – С. 43–57.

234. Власенко Н. А. Логико-языковые требования к юридическим конструкциям / Н. А. Власенко // Юридическая техника. – 2013. – № 7 (ч. 2). – С. 164–167.

235. Вопленко Н. Н. Официальное толкование норм права / Н. Н.

Вопленко. – Москва : Юридическая литература, 1976. – 118 с.

236. Давид Р. Основные правовые системы современности : (сравнит. право) / Р. Давид ; пер. с фр. М. А. Крутоголова и В. А. Туманова. – Москва : Прогресс, 1967. – 496 с.

237. Дидикин А. Б. Аналитическая философия права: истоки, генезис и структура = Analytical legal philosophy: the origins, genesis and structure / А. Б. Дидикин ; Нац. исслед. Томский гос. ун-т. – Томск : Изд-во Томского ун-та, 2016. – 242 с.

238. Карташов В. Н. Теория правовой системы общества : учеб. пособие : для студентов специальности Юриспруденция : в 2 т. / В. Н. Карташов ; Яросл. гос. ун-т им. П. Г. Демидова. – Ярославль : ЯГУ, 2005. – 2 т. – (Серия «Ярославская юридическая школа начала XXI века»).

239. Касаткин С. Н. Судебное решение в спорных случаях: методология объяснения неопределенности в аналитической юриспруденции Г. Харта / С. Н. Касаткин // Российский журнал правовых исследований. – 2017. – № 1. – С. 162–170.

240. Козочкин И. Д. Уголовное право США = Criminal law of the USA : успехи и проблемы реформирования / И. Д. Козочкин. – Санкт-Петербург : Изд-во Р. Асланова «Юрид. центр Пресс», 2007. – 476 с. – (Законодательство зарубежных стран = Foreign Legislation / Ассоц. Юрид. Центр).

241. Конкретизация законодательства как технико-юридический прием нормотворческой, интерпретационной, правоприменительной практики : материалы Междунар. симп. (Геленджик, 27–28 сент. 2007 г.) / Нижегород. исслед. науч.-приклад. центр «Юридическая техника» [и др.] ; под ред. В. М. Баранова. – Нижний Новгород : Нижегородская акад. МВД России, 2008. – 1132 с.

242. Лазарев В. В. Толкование права: классика, модерн, постмодерн / В. В. Лазарев // Журнал российского права. – 2016. – № 8. – С. 15–28.

243. Леже Р. Великие правовые системы современности: сравнительно-правовой подход : пер. с фр. / Р. Леже. – Москва : Волтерс Клувер, 2009. – 529 с.

244. Марченко М. Н. Курс сравнительного правоведения : учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / М. Н. Марченко ; Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. – Москва : Городец, 2002. – 1087 с.

245. Марченко М. Н. Правовые системы современного мира : учеб. пособие / М. Н. Марченко ; Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, Юрид. фак. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – Москва : Зерцало-М, 2008. – 521 с.

246. Михайлов А. М. Очерки теории и истории английского права : монография / А. М. Михайлов ; Ин-т гос-ва и права Рос. акад. наук. – Москва : Юрлитинформ, 2015. – 362 с.

247. Михайлов А. М. Судебная власть в правовой системе Англии / А. М. Михайлов. – Москва : Юрлитинформ, 2009. – 342 с. – (Библиотека международного права).

248. Надежин Г. Н. Доктринальное толкование норм права : дис. ... канд. юрид. наук / Г. Н. Надежин ; Нижегород. акад. М-ва внутр. дел Рос. Федерации. – Нижний Новгород, 2005. – 218 с.

249. Недбайло П. Е. Применение советских правовых норм : монография / П. Е. Недбайло. – Москва : Госюриздат, 1960. – 512 с.

250. Оглезнев В. В. Г. Л. А. Харт и формирование аналитической философии права : монография / В. В. Оглезнев ; Нац. исслед. Томский гос. ун-т. - Томск : Изд-во Томского ун-та, 2012. – 214 с.

251. Петрова Е. А. Механизм судебного правотворчества: понятие и особенности / Е. А. Петрова // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2016. – № 3. – С. 16–23.

252. Петрова Е. А. Особенности систематизации американского законодательства / Е. А. Петрова // Вестник ЮУрГУ. – 2012. – № 7. – С. 25–28.

253. Поленина С. В. Научные основы типологии нормативно-правовых актов в СССР / С. В. Поленина, Н. В. Сильченко ; отв. ред. Р. О. Халфина ; Акад. наук СССР, Ин-т гос-ва и права. – Москва : Наука, 1987. – 150 с. : ил.

254. Романов А. К. Правовая система Великобритании : учеб. пособие /

А. К. Романов. – Москва : Форум, 2010. – 288 с.

255. Савенков А. Н. Как победить коррупцию: юридические практики Великобритании / А. Н. Савенков, А. А. Савенков // Правовое поле современной экономики. – 2012. – №7. – С. 7–16.

256. Савенков А. Н. Социология правовых девиаций и социальных аддикций : монография / А. Н. Савенков, В. И. Жуков ; Рос. акад. наук, Ин-т гос-ва и права. – Москва : Ин-т гос-ва и права, 2019. – 406 с.

257. Соболева А. К. Законодательная дефиниция как способ преодоления многозначности слова в юридическом дискурсе / А. К. Соболева // Юридическая техника. – 2007. – №1. – С. 116–122.

258. Судебные системы западных государств / Урьяс Ю. П., Туманов В. А., Егоров С. А. [и др.] ; отв. ред. В. А. Туманов ; Акад. наук СССР, Ин-т государства и права. – Москва : Наука, 1991. – 235 с. – (Юридические науки).

259. Теория государства и права : учеб. для студентов вузов, обучающихся по специальности Юриспруденция / Бабаев В. К., Баранов В. М., Витрук Н. В. [и др.] ; под ред. В. К. Бабаева. – Москва : Юристъ, 2003. – 591 с. – (Institutions).

260. Теория государства и права : учебник / А. С. Пиголкин, А. Н. Головистикова, Ю. А. Дмитриев, А. Х. Саидов ; под ред. А. С. Пиголкина. – Москва : Юрайт-Издат, 2005. – 613 с.

261. Тихомиров Ю. А. Теория компетенции / Ю. А. Тихомиров. – Москва : Юстицинформ, 2001. – 354 с.

262. Тонков Е. Н. Английская техника толкования закона / Е. Н. Тонков // Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2013. – № 24. – С. 37–40.

263. Тонков Е. Н. Толкование закона в Англии = Statutory interpretation in England : монография / Е. Н. Тонков. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2013. – 346 с.

264. Туранин В. Ю. Феномен юридической терминологии : монография / В. Ю. Туранин ; под ред. Н. А. Власенко. – Москва : Юрлитинформ, 2018. –184 с. – (Теория и история государства и права).

265. Уголовное право зарубежных стран : общая и особенная части : учебник / Голованова Н. А., Еремин В. Н., Игнатова М. А. [и др.] ; под ред. И.

Д. Козочкина. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва : Волтерс Клувер, 2010. – XVII, [I], 1034, [2] с.

266. Хабриева Т. Я. Доктринальное и компетентное толкование Конституции / Т. Я. Хабриева // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 1998. – № 1. – С. 22–34.

267. Харт Г. Л. А. Понятие права / Г. Л. А. Харт ; пер. с англ. под общ. ред. Е. В. Афонасина, С. В. Моисеева. – Санкт-Петербург : Изд-во Санкт-Петерб. ун-та, 2007. – 300 с.

268. Черданцев А. Ф. Толкование права и договора : учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности 021100 «Юриспруденция» / А. Ф. Черданцев. – Москва : Юнити, 2003. – 381 с.

269. Шумилов В. М. Правовая система США : учеб. пособие для магистратуры, студентов и слушателей вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / В. М. Шумилов ; Всерос. акад. внеш. торговли. – 3-е изд. – Москва : Междунар. отношения, 2013. – 405 с.

Б) ЛИТЕРАТУРА НА ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКАХ

270. Abraham K. S. Statutory interpretation and literary theory : some common concerns of an unlikely pair / K. S. Abraham // Rutgers Law Review. – 1979. – Vol. 32. – P. 676–694.

271. Aleinikoff T. A. Updating statutory interpretation / T. A. Aleinikoff // Michigan Law Review. – 1988. – Vol. 87, nr 1. – P. 20–66.

272. Allan T. Law, liberty, and justice / T. Allan. – London : Clarendon Press, 1993. – 316 p.

273. Aprill E. The law of the word : dictionary shopping in the Supreme Court / E. Aprill // Arizona State Law Journal. – 1998. – Vol. 30. – P. 277–340.

274. Ashworth A. Interpreting criminal statutes : a crisis of legality? / A. Ashworth, R. Ward // Law Quarterly Review. – 1991. – Vol. 107. – P. 419–449.

275. Baade H. Original intent in historical perspective : some critical glosses / H. Baade // Texas Law Review. – 1991. – Vol. 69. – P. 1151–1169.

276. Baade H. The casus omissus : a pre-history of statutory analogy / H. Baade // Syracuse Journal of International Law & Commerce. 1994. – Vol. 20. – P. 45–90.

277. Baker J. Why the history of english law has not been finished / J. Baker // The Cambridge Law Journal. – 2000. – Vol. 59, nr 1. – P. 62–84.

278. Balkin J. M. Deconstructive practice and legal theory / J. M. Balkin // Yale Law Journal. – 1987. – Vol. 96. – P. 743–786.

279. Barry J. The Council of Revision and the Limits of Judicial Power / J. Barry // University of Chicago Law Review. 1989. – Vol. 56, nr 1. – P. 235–261.

280. Bennion F. A. R. Statutory interpretation / F. A. R. Bennion. – London : Buterworths, 1990. – 1579 p.

281. Black B. Massachusetts and the judges : judicial independence in perspective / B. Black // Law & History Review. – 1985. – Vol. 3. – P. 101–162.

282. Blackstone W. Commentaries on the laws of England : in 4 books / W. Blackstone. – Oxford : Clarendon Press, 1765–1770. – 4 books.

283. Blackstone W. Commentaries on the laws of England. Vol. I / W. Blackstone. – 3rd ed., rev. / by T. M. Cooley. – Chicago : Callaghan and Company, 1873. – 698 p.

284. Blackstone W. Commentaries on the laws of England. Vol. I / W. Blackstone. – Rev. ed. / by S. G. Tucker. – New York : Augustus Kelly, 1969. – 3276 p.

285. Bloomfield M. American lawyers in a changing society, 1776–1876 / M. Bloomfield. – Cambridge : Harvard University Press. – 397 p.

286. Breyer S. On the uses of legislative history in interpreting statutes / S. Breyer // South Carolina Law Review. – 1992. – Vol. 65. – P. 845–859.

287. Brudney J. Canons of construction and the elusive quest for neutral reasoning / J. Brudney, C. Ditslear // Vanderbilt Law Review. – 2005. – Vol. 58. – P. 1–133.

288. Brudney J. Congressional commentary on judicial interpretations of statutes : idle chatter or telling response? / J. Brudney // Michigan Law Review. – 1994. – Vol. 93. – P. 1–106.

289. Burnham W. Introduction to the law and legal system of the United State / W. Burnham. – St. Paul, Minnesota : West Academic Publishing, 2007. – 993 p.

290. Casper G. An essay in separation of powers : some early versions and practices / G. Casper // William & Mary Law Review. – 1989. – Vol. 30. – P. 211–261.

291. Chicago Legal News / ed. by M. Bradwell. – Illinois. –1869. – Vol. 55.

292. Chomsky C. Unlocking the mysteries of holy trinity : spirit, letter, and history in statutory interpretation / C. Chomsky // Columbia Law Review. – 2000. – Vol. 100. – P. 901–956.

293. Corwin E. The progress of constitutional theory between the Declaration of Independence and the Meeting of the Philadelphia Convention / E. Corwin // American History Review. – 1924–1925. – Vol. 30. – P. 511–536.

294. Costello G. Average voting members and other "benign fictions" : the relative reliability of committee reports, floor debates, and other sources of legislative history / // Duke Law Journal, Vol. 39, No. 1, 1990. – P. 39–73.

295. Criminal law : concepts and practice / E. S. Podgor, P. J. Henning, A. E. Taslitz, A. Garcia A. – 2nd ed. – Durham, N.C. : Carolina Academic Press, 2009. – 726 p.

296. Cross F. B. The theory and practice of statutory interpretation / F. B. Cross. – Stanford : Stanford University Press, 2009. – 248 p.

297. Cross R. Statutory interpretation / R. Cross, J. Bell, G. Engle. – 3rd ed. – Oxford: Oxford University Press, 2006. – 211 p.

298. Cruz P. A modern approach to comparative law / P. Cruz. – Boston : Kluwer, 1993.– 350 p.

299. Danner R. Justice Jackson's lament : historical and comparative perspectives on the availability of legislative history / R. Danner // Duke Journal of Comparative & International Law. – 2003. – Vol. 13. – P. 151–195.

300. Dawson J. The oracles of the law / J. Dawson. – Ann Arbor : University of Michigan Law School. 1968. – 520 p.

301. Dickerson R. The interpretation and application of statutes / R. Dickerson. – Boston : Little, Brown & Co, 1975. – 309 p.

302. Dougherty V. Absurdity and the limits of literalism : defining the absurd result principle in statutory interpretation / V. Dougherty // American University Law Review. – 1944. – Vol. 44. – P. 127–166.

303. Duman D. The judicial bench in England : 1727–1875 : the reshaping of a professional elite / D. Duman. – London : Royal Historical Society, 1982. – 220 p.

304. Dworkin R. Law's empire / R. Dworkin. – London : Belknap Press, 1986. – 484 p.

305. Dworkin R. M. Political judges and the rule of law / R. M. Dworkin // Proceedings of the British Academy. – 1978. – Vol. 64. – P. 259–287.

306. Elliott C. English legal system / C. Elliott, F. Quinn. – Harlow : Pearson, 2014. – 734 p.

307. Endlich G. A. A commentary on the interpretation of statutes founded on Maxwell's Treatise / G. A. Endlich. – Jersey City, N. J. : F. D. Linn, 1888. – 871 p.

308. Eskridge W. N. (jr.). Cases and materials on legislation : statutes and the creation of public policy / W. N. Eskridge (jr.), P. P. Frickey. – 2nd ed. – Minnesota : West Group, 1995. – 1062 p.

309. Eskridge W. N. (jr.). Dynamic statutory interpretation / W. N. Eskridge (jr.). – Cambridge : Harvard University Press, 1994. – 424 p.

310. Eskridge W. N. (jr.). Legislation and statutory interpretation / W. N. Eskridge (jr.), P. P. Frickey, E. Garret. – 2nd ed. – New York : Foundation Press, 2006. – 405 p.

311. Eskridge W. N. (jr.). Overriding supreme court statutory interpretation decisions / W. N. Eskridge (jr.) // Yale Law Journal. – 1991. – Vol. 101. – P. 331–455.

312. Eskridge W. N. (jr.). Public values in statutory interpretation / W. N. Eskridge (jr.) // University of Pennsylvania Law Review. – 1989. – Vol. 137. – P. 1007–1104.

313. Eskridge W. N. (jr.). Textualism, the unknown ideal / W. N. Eskridge (jr.), // Michigan Law Review. – 1998. – Vol. 96. – P. 1509–1560.

314. Eskridge W. N. (jr.). The new public law movement: moderation as a postmodern thought and its implications for statutory interpretation / W. N. Eskridge

(jr.), G. Peller // South California Law Review. – 1992. – Vol. 65. – P. 707–791.

315. Eskridge W. N. (jr.). The new textualism / W. N. Eskridge (jr.) // UCLA Law Review. – 1990. – Vol. 37. – P. 621–691.

316. Eskridge W. N. (jr.). The Supreme Court, 1993 term – foreword : law as equilibrium / W. N. Eskridge (jr.), P. Frickey // Harvard Law Review. – 1994. – Vol. 108, nr 26. – P. 26–108.

317. Farber D. A. Legislative intent and public choice / D. A. Farber, P. P. Frickey // Virginia Law Review. – 1988. – Vol. 74. – P. 423–469.

318. Farber D. A. Statutory interpretation and legislative supremacy / D. A. Farber // Georgia Law Journal . – 1989. – Vol. 78. – P. 281–318.

319. Farrand M. The records of the Federal Convention of 1787. Vol. I / M. Farrand. – New Haven : Yale University Press, 1911. – 638 p.

320. Fordham J. Interpretation of statutes in derogation of the common law / J. Fordham, J. R. Leach // Vanderbilt Law Review. – 1950. – Vol. 3. – P. 438–465.

321. Freund E. Prolegomena to a science of legislation / E. Freund // Illinois Law Review. – 1918. – Vol. 13. – P. 264–292.

322. Frickey P. P. From the big sleep to the big heat : the revival of theory in statutory interpretation / P. P. Frickey // Minnesota Law Review. – 1972. – Vol. 77. – P. 241–267.

323. Frickey P. P. The story of Steelworkers v. Weber : statutory text, spirit, and practical reasoning / P. P. Frickey, W. N. Eskridge (jr.). – New York : Foundation Press, 2011. – 402 p.

324. Fuller L. The law in quest of itself / L. Fuller. – Chicago : The Foundation Press, 1940. – 127 p.

325. Glendon M. Comparative legal traditions in a nutshell / M. Glendon, M. Gordon, C. Osakwe. – St. Paul, Minnesota : West Group, 1982. – 189 p.

326. Goldstein L. Popular sovereignty, the origins of judicial review, and the revival of unwritten law / L. Goldstein // The Journal of Politics. – 1986. – Vol. 48. – P. 51–71.

327. Grinnell F. The judicial system and the bar / F. Grinnell // Commonwealth

History of Massachusetts / A. Hart (ed.). – 1930. – P. 35–74.

328. Gustafson T. Representative words : politics, literature, and *the* american language, 1776–1865 / T. Gustafson. – Cambridge : Cambridge University Press, 1992. – 488 p.

329. Gwyn W. B. The meaning of the separation of powers : an analysis of the doctrine from its origin to the adoption of the United States Constitution / W. B. Gwyn. – New Orleans : Tulane University, 1965. – 166 p.

330. Haines C. The american doctrine of judicial supremacy / C. Haines. – California : Russell&Russell, 1959. – 705 p.

331. Haines C. The law of nature in state and federal decisions / C. Haines // Yale Law Journal. – 1916. – Vol. 25. – P. 617–657.

332. Hamburger P. The constitution's accommodation of social change / P. Hamburger // 88 Michigan Law Review. – 1989. – Vol. 88. – P. 239–327.

333. Hamilton A. Federalist papers / A. Hamilton ; Max Beloff (ed.). – Oxford : Oxford University Press, 1987. – 484 p.

334. Hamilton W. The works of Thomas Reid. Volume 2 / W. Hamilton. – 6th ed. – Edinburgh : Machlachlan & Stewart, 1863. – 914 p.

335. Hand L. The spirit of liberty / L. Hand. – 3rd ed., enl. – Chicago : University of Chicago Press, 1977. – 311 p.

336. Hand L. How far is a judge free in rendering a decision / L. Hand // Spirit of Liberty / L. Hand. – Chicago : University of Chicago Press, 1960. – P. 103–110.

337. Hart H. M. (jr.). The legal process : basic problems in the making and application of law / H. M. Hart (jr.), A. M. Sacks. – St. Paul : Foundation Press, 1994. – 1536 p.

338. Hatton C. A Treatise concerning statutes or acts of Parliament and the exposition thereof / C. Hatton. – London : Tonson, 1677. – 112 p.

339. Healy M. P. Communis opinio and the method of statutory interpretation : interpreting law or changing law / M. P. Healy // William & Mary Law Review. – 2001. – Vol. 43, iss. 2. – P. 539–625.

340. Hetzel O. J. Legislative law and process : cases and materials / O. J.

Hetzel, M. E. Libonati, R. F. Williams. – 2nd ed. – New York : LexisNexis, 1993. – 1338 p.

341. Hilliard F. The elements of law / F. Hatton C. – Reprint ed. – New York : Arno Press, 1972. – 458 p.

342. Hogg Q. Hamlyn revisited : the british legal system today / Q Hogg. – London : Sweet & Maxwell, 1983. – 101 p.

343. Holmes O. W. (jr.). The theory of legal interpretation / O. W. Holmes (jr.). // Harvard Law Review. – 1899. – Vol. 12, nr 6. – P. 417–420.

344. Horack F. (jr.). The common law of legislation / F. Horack (jr.) // Iowa Law Review. – 1937. – Vol. 23. – P. 41–56.

345. Horwitz M. The transformation of american law, 1780–1860 / M. Horwitz. – Cambridge : Harvard University Press, 1977. – 384 p.

346. Howe D. The political psychology of the federalist / D. Howe // William & Mary Quarterly. – 1987. – Vol. 44. – P. 485–509.

347. Hurd H. Sovereignty in silence / H. Hurd // Yale Law Journal. – 1990. – Vol. 99, nr 5. – P. 945–1028.

348. In the matter of the motion to admit Miss Lavinia Goodell to the Bar of this Court // Wisconsin Reports. – 1875. – Vol. 39. – P. 232.

349. Jefferson T. Notes on the State of Virginia / T. Jefferson. – Reprint ed. – New York : Library of America, 1984. – 244 p.

350. Jones W. J. Politics and the bench : the judges and the origins of the English Civil War / W. J. Jones. – London : Allen and Unwin, 1971. – 228 p.

351. Jordan C. “Old worlds” in “new circumstances” : language and leadership in post–revolutionary America / C. Jordan // American Quarterly. – 1988. – Vol. 40. – P. 491–513.

352. Kent J. Of statute law / J. Kent // Commentaries on American Law / J. Kent. – New York : O. Halsted, 1826. – Vol. 1. – P. 419–439.

353. Kloppenberg L. Avoiding constitutional questions / L. Kloppenberg // Boston College Law Review. – 1994. – Vol. 35. – P. 1003–1066.

354. Kramer M. Imagining language in America : from the revolution to the

civil war / M. Kramer. – Princeton : Princeton University Press, 2014. – 260 p.

355. Kurland P. The rise and fall of the “doctrine” of separation of powers / P. Kurland // Michigan Law Review. – 1896. – Vol. 85. – P. 592–613.

356. Lelia J. Robinson's Case / J. Lelia // Massachusetts Supreme Judicial Court Reports. – 1881. – Vol. 131. – P. 376–381.

357. Leonard M. G. Application of Leonard / M. G. Leonard // Oregon. – 1885. – Vol. 12. – P. 93.

358. Lieber F. Legal and political hermeneutics / F. Lieber. – New York : Charles Little & James Brown, 1839. – 240 p.

359. Lieberman D. The province of legislation determined / D. Lieberman. – Cambridge : Cambridge University Press, 1989. – 328 p.

360. Llewellyn K. Remarks on the theory of appellate decision and the rules or canons about how statutes are to be construed / K. Llewellyn // Vanderbilt Law Review. – 1950. – Vol. 3, iss. – P. 395–406.

361. Lockmiller D. Sir William Blackstone / D. Lockmiller. – Chapel Hill : University of North Carolina, 1938. – 336 p.

362. Lynch G. E. Revising the model penal code : keeping it real / G. E. Lynch // Ohio State Journal of Criminal Law. – 2003. – Vol. 1. – P. 219–239.

363. MacCallum G. S. Legislative intent / G. S. MacCallum // Yale Law Journal. – 1966. – Vol. 75. – P. 754–787.

364. Manning J. Textualism as a nondelegation doctrine / J. Manning // Columbia Law Review. – 1997. – Vol. 97. – P. 673–739.

365. Manning J. The absurdity doctrine / J. Manning // Harvard Law Review. – 2003. – Vol. 116. – P. 2387–2486.

366. Marshall G. Constitutional theory / G. Marshall. – Oxford : Clarendon Press, 1971. – 238 p.

367. Maxwell P. B. On the interpretation of statutes / P. B. Maxwell. – London : Sweet and Maxwell Ltd., 1875. – 391 p.

368. May H. The enlightenment in America / H. May. – Oxford : Oxford University Press, 1976. – 448 p.

369. McCloskey R. The works of James Wilson. Volume I / R. McCloskey. – Cambridge : Harvard University Press, 1967. – 440 p.

370. McIlwain C. H. The High Court of Parliament and its supremacy : an historical essay on the boundaries between legislation and adjudication in England / C. H. McIlwain. – Connecticut : Archon Books, 1962. – 408 p.

371. McPherson E. G. The history of reporting the debates and proceedings of Congress : ph. d. diss. / E. G. McPherson. – Chapell Hill : University of North Carolina, 1940.

372. Mermin S. Law and the legal system : an introduction / S. Mermin. – 2nd ed. – Boston : Little, Brown & Co, 1982. – 462 p.

373. Merrill T. Textualism and the future of the chevron doctrine / T. Merrill // Washington University Law Quarterly. – 1994. – Vol. 72. – P. 351–377.

374. Mikva A. J. Legislative process / A. J. Mikva, E. Lane. – Boston : Aspen Publishers, 1995. – 1067 p.

375. Nagle J. C. Textualism's exceptions // Legal Scholarship. – 2002. – Vol. 2, iss. 2. – URL: http://www.bepress.com/ils/iss3/art15 (дата обращения: 20.05.2019).

376. Nelson W. changing conceptions of judicial review : the evolution of constitutional theory in the States, 1790–1860 / W. Nelson // University of Pennsylvania Law Review. – 1972. – Vol. 120. – P. 1166–1185.

377. Newmyer R. K. Supreme Court Justice Joseph Story : statesman of the old republic. – Chapel Hill : The University of North Carolina Press, 1985. – 512 p.

378. Note by Harvard Law Review Association. Looking it up : dictionaries and statutory interpretation // Harvard Law Review. – 1994. – Vol. 107, nr 6. – P. 1437–1454.

379. Oliver P. R. Judicial view of modern legislation / // Statute Law Review. 1993. Vol. 14, iss. 1. – P. 1–11.

380. Peirce C. S. Collected papers : vol. 1 and vol. 2 in one / C. S. Peirce ; ed. by C. P. Hartshorne and P. Weiss. – Cambridge : Belknap Press of Harvard University Press, 1960. – 962 p.

381. Plowden's commentaries on Easton v. Studd, 1574, King's Bench // The

English Reports. – Vol. 75. – P. 688, 695–696, 698–99.

382. Popkin W. D. Materials on legislation : political language and the political process / W. D. Popkin. – 2nd ed. – New York : Foundation Press, 1997. – 947 p.

383. Popkin W. D. Statutes in court : the history and theory of statutory interpretation / W. D. Popkin. – Durham ; London : Duke University Press, 1999. – 353 p.

384. Posner R. The federal courts : crisis and reform / R. Posner. – Cambridge : Harvard University Press, 1985. – 430 p.

385. Postema G. Bentham and the common law tradition / G. Postema. – Oxford : Clarendon Press, 1986. – 518 p.

386. Pound R. The lawyer from antiquity to modern times / R. Pound. – St. Paul, Minnesota : West Publisher Co., 1953. – 404 p.

387. Pound R. Common law and legislation / R. Pound // Harvard Law Review. – 1908. – Vol. 21. – P. 383–407.

388. Pound R. Spurious interpretation / R. Pound // Columbia Law Review. – 1907. – Vol. 7, nr 6. – P. 379–386.

389. Pound R. The scope and purpose of sociological jurisprudence, III / R. Pound // Harvard Law Review. – 1912. – Vol. 25. – P. 489–516.

390. Raack D. To preserve the best fruits : the legal thought of chancellor James Kent / D. Raack // American Journal of Legal History. – 1989. – Vol. 33. – P. 320–366.

391. Reid J. Chief justice – the judicial world of Charles Doe / J. Reid. – Cambridge : Harvard University Press, 1967. – 489 p.

392. Ross S. Reaganist realism comes to Detroit / S. Ross // University of Illinois Law Review. – 1989. – P. 339–433.

393. Scalia A. A matter of interpretation : federal courts and the law / A. Scalia. – Princeton : Princeton University Press, 1997. – 176 p.

394. Scalia A. Reading law : the interpretation of legal texts / A. Scalia, B. A. Garner. – 1st ed. – St. Paul, Minnesota : Thompson/West, 2012. – 567 p.

395. Schacter J. The confounding common law originalism in recent supreme court statutory interpretation : implications for the legislative history debate and beyond

/ J. Schacter // Stanford Law Review. – 1998. – Vol. 51, nr 1. – P. 1–71.

396. Schank P. The only game in town : an introduction to interpretive theory, statutory construction, and legislative histories / P. Schank // University of Kansas Law Review. – 1990. – Vol. 38. – P. 815–843.

397. Schauer F. Ashwander revisited / F. Schauer // The Supreme Court Review. – 1995. – P. 71–98.

398. Sedgwick T. A treatise on the rules which govern the interpretation and construction of statutory and constitutional law / T. Sedgwick. – New York : Baker, Voorhis & Co. Publishers, 1857. – 692 p.

399. Shapiro B. Codification of the laws in seventeenth century England / B. Shapiro // Wisconsin Law Review. – 1974. – Nr 2. – P. 428–465.

400. Singer N. J. Statutes and statutory construction / N. J. Singer. – St. Paul, Minnesota : Thomson/West, 1992. – 845 p.

401. Slawson W. D. Legislative history and the need to bring statutory interpretation under the rule of law / W. D. Slawson // Stanford Law Review. – 1992. – Vol. 33. – P. 383–427.

402. Sledd J. Dictionaries and that dictionary / J. Sledd, W. Ebbitt. – Illinois, Glenviewm : Scott Foresman & Co, 1962. – 274 p.

403. Smith E. F. Commentaries on statute and constitutional law and statutory and constitutional construction / E. F. Smith. – Albany : Gould, Banks & Gould, 1848. – 1004 p.

404. Smith J. An independent judiciary : the colonial background / J. Smith // University of Pennsylvania Law Review. – 1976. – Vol. 124. – P. 1104–1156.

405. Smith P. F. Smith, Bailey and Gunn on the modern english legal system / P. F. Smith, S. H. Balley, M. Gunn. – 4th ed. – London : Sweet & Maxwell Ltd., 2002. – 1536 p.

406. Smith S. Law without mind / S. Smith // Michigan Law Review. – 1989. – Vol. 88, nr 1. – P. 104–119.

407. Soifer A. The Supreme Judicial Court of Massachusetts and the 1780 Constitution / A. Soifer // The History of the Law in Massachusetts : The Supreme

Judicial Court, 1692–1992 / ed. R. Osgood. – 1992. – P. 207–239.

408. Solan L. When judges use the dictionary / L. Solan // American Speech. – 1993. – Vol. 68. – P. 50–57.

409. State of Massachusetts, Colony to Commonwealth : documents on the formation of its constitution, 1775–1780 / ed. R. J. Taylor – Chapel Hill : University of North Carolina Press, 1961. – 178 p.

410. Steyn J. Pepper v Hart : a re-examination / J. Steyn // Oxford Journal of Legal Studies. – 2001. – Vol. 21, nr 1. – P. 59–72.

411. Stimson S. The american revolution in the law / S. Stimson. – Princeton : Princeton University Press, 1990. – 242 p.

412. Story J. Law, legislation and codes / J. Story // Encyclopedia Americana. – 1831. – Appendix 7.

413. Street A. The council of revision of the State of New York / A. Street. – Albany : William Gould, 1859. – 573 p.

414. Sunstein C. Interpreting statutes in the regulatory state / C. Sunstein // Harvard Law Review. – 1989. – Vol. 103. – P. 405–508.

415. Symposium “A Reevaluation of the canons of statutory interpretation” // Vanderbilt Law Review. – 1992. – Vol. 45. – P. 533–560.

416. The Federal and State Constitutions, Colonial Charters, and Other Organic Laws of the United States : [in 2 pts] / comp. under an order of the United States Senate by B. P. Poore. – 2nd ed. – Washington : Goverment Printing Office, 1878. – 2 pts.

417. Thorne S. Dr. Bonham’s case / S. Thorne // Law Quarterly Review. – 1938. – Vol. 54. – P. 543–552.

418. Thorne S. The equity of a statute and Heydon’s case / S. Thorne // Illinois Law Review. – 1936. – Vol. 31. – P. 202–217.

419. Tiefer C. The reconceptualization of legislative history in the Supreme Court / C. Tiefer // Wisconsin Law Review. – 2000. – P. 205–277.

420. Vermeule A. Saving constructions / A. Vermeule // Georgia Law Journal. – 1997. – Vol. 85. – P. 1945–1978.

421. Vermeule A. Legislative history and the limits of judicial competence : the

untold story of Holy Trinity Church / A. Vermeule // Stanford Law Review. – 1998. – Vol. 50, nr 6. – P. 1833–1896.

422. Wald P. The sizzling sleeper : the use of legislative history in construing statutes in the 1988–1989 term of the United States Supreme Court / P. Wald // American University Law Review. – 1990. – Vol. 39. – P. 277–310.

423. Waterman J. Thomas Jefferson and Blackstone's commentaries / J. Waterman // Essays in the History of Early American Law. – Chapel Hill : University of North Carolina Press, 1969. – P. 451–488.

424. White G. E. The american judicial tradition : profiles of leading american judges / G. E. White. – Expanded ed. – New York ; Oxford : Oxford University Press, 1988. – 545 p.

425. Wigram J. An examination of the rules of law respecting the admission of extrinsic evidence in aid of the interpretation of wills / J. Wigram. – London : Printed for Charles Hunter, Law Bookseller, 1835. – 178 p.

426. Williams G. Statutory interpretation, prostitution and the rule of law / G. Williams // Crime, Proof and Punishment : essays in memory of sir Rupert Cross / ed. C. F. H. Tapper. – 2nd ed. – London: Butterworths, 1983.

427. Williams G. The Meaning of literal interpretation / G. Williams // New Law Journal. – 1981. – Vol. 131. – P. 1128–1149.

428. Wilson W. A. Questions of interpretation / W. A. Wilson // Statute Law Review. – 1987. – Vol. 8, iss. 3. – P. 142–162.

429. Wood G. The creation of the american republic, 1776–1787 / G. Wood. – Chapel Hill : The University of North Carolina Press, 1969. – 675 p.

430. Yoo J. Marshall's plan : the early supreme court and statutory interpretation / J. Yoo // Yale Law Journal. – 1992. – Vol. 101. – P. 1607–1630.

431. Zainaldin J. Law in antebellum society : legal change and economic expansion / J. Zainaldin. – New York : Alfred a Knopf Inc., 1983. – 251 p.

432. Zander M. The law-making process / M. Zander. – London : Butterworths, 2004. – 517 p.

433. Zeppos N. Justice Scalia's textualism : the "new" new legal process / N.

Zeppos // Cardozo Law Review. – 1991. – Vol. 12. – P. 1597–1615.

434. Zeppos N. Legislative history and the interpretation of statutes : toward fact–finding model of statutory interpretation / N. Zeppos // Virginia Law Review. – 1990. – Vol. 76. – P. 1295–1374.

IV. САЙТЫ СЕТИ «ИНТЕРНЕТ»

435. Legislation.gov.uk : [website] / The National Archives. – URL: http://www.legislation.gov.uk.

436. U.S. Government : the Official Guide to Government Information and Services : [website]. – URL: https://www.usa.gov.

437. 427. Lexisnexis : [website]. – URL: http://www.lexisnexis.co.uk.

438. 428. ICLR : Incorporated Council of Law Reporting for England and Wales : [website]. – URL: http://www.iclr.co.uk.

439. 429. JUSTIA US Law : [website]. – URL: http://law.justia.com.

440. Thomson Reuters : legal Europe : [website]. – URL: https://legalsolutions.thomsonreuters.co.uk/en.html.

Приложение А

Авторский перевод закона Великобритании «О толковании» 1978 г.[417]

Закон «О толковании» 1978 г.

Оглавление

Общие положения об узаконении и порядке применения..... 227
1.Формулировки об узаконении..... 227
2.Внесение изменений или отмена положения в ходе той же сессии..... 227
3.Признание судом общеизвестности..... 227
4.Момент вступления в силу..... 227
Толкование и разъяснение..... 228
5.Определения..... 228
6.Род и число..... 228
7.Упоминание вручения по почте..... 228
8.Упоминание расстояния..... 228
9.Упоминание времени суток..... 229
10.Упоминание Суверена..... 229
11.Толкование подзаконных актов..... 229
Законодательно установленные полномочия и обязанности..... 229
12.Длящийся характер полномочий и обязанностей..... 229
13.Досрочное осуществление полномочий..... 230
14.Подразумеваемое полномочие по внесению изменений..... 230
14А.Полномочие на включение положения об истечении срока действия и

[417] Структура закона вместе с Приложениями полностью сохранена как в оригинале.

пересмотр положений подзаконных нормативных актов 230
ОТМЕНЯЮЩИЕ АКТЫ 232
15.Отмена отменяющих положений 232
16.Оговорки общего характера 232
17.Отмена и повторное вступление в силу 233
18.Конкуренция норм о правонарушении 233
19.Ссылка на другие законы 234
20.Упоминание других нормативных актов 234
20A.Упоминания актов ЕС 235
ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ 235
21.Толкование и проч. 235
22.Применение к законам и постановлениям о мерах 235
23.Применение к другим актам 236
23A.Законы Шотландского Парламента и проч. 237
23B.Постановления о мерах и законы Национального собрания Уэльса и проч. 237
24.Применение к территории Северной Ирландии 238
25.Отменяемые нормативные акты и оговорки 239
26.Вступление в силу 240
27.Краткое наименование 240
ПРИЛОЖЕНИЯ К ЗАКОНУ «О ТОЛКОВАНИИ» 241
ПРИЛОЖЕНИЕ 1 241
Толкование некоторых выражений, относящихся к правонарушениям 254
Толкование некоторых упоминаний об отношениях 255
ПРИЛОЖЕНИЕ 2 256

Настоящий закон принимается с целью консолидации закона «О толковании» 1889 г. и ряда других нормативных актов, относящихся к толкованию и порядку применения законов Парламента и иных актов, с изменениями, согласно рекомендациям Правовой комиссии и Шотландской правовой комиссии.

[20 июля 1978 г.]

Общие положения об узаконении и порядке применения

Формулировки об узаконении

Каждая статья закона вступает в силу в качестве принятого по существу узаконения без вводных формулировок.

Внесение изменений или отмена положения в ходе той же сессии

Любой закон может быть изменен или отменен в ходе той же сессии Парламента, на которой он был принят.

Признание судом общеизвестности

Каждый закон является законом всеобщего применения, который в качестве такового признается судом общеизвестным, если данным законом прямо не предусмотрено иное.

Момент вступления в силу

Закон или положение закона вступает в силу:

(a) при наличии положения о его вступлении в силу в конкретный день – с начала этого дня;

(b) в отсутствие положения о его вступлении в силу – с начала дня, в который закон получает Королевское одобрение.

Толкование и разъяснение

Определения

В любом законе, если не усматривается иного намерения, слова и выражения, приведенные в Приложении 1 к настоящему закону, должны толковаться в соответствии с указанным Приложением.

Род и число

Если не усматривается иного намерения, в любом законе:

(a) слова, означающие лиц мужского пола, включают также лиц женского пола;

(b) слова, означающие лиц женского пола, включают также лиц мужского пола;

(c) слова в единственном числе включают множественное число, а слова во множественном числе включают единственное.

Упоминание вручения по почте

Если какой-либо закон предусматривает или предписывает вручение документа почтой (в независимости от того, использованы ли в законе термины «вручить» (*serve*), «передать» (*give*) или «отправить» (*send*), либо любые иные термины), то если не усматривается иного намерения, вручение считается осуществленным посредством надлежащих адресации, предоплаты и отправки почтой письма, содержащего документ, и если не доказано иное, такое письмо считается доставленным в то время, в которое оно могло бы быть доставлено в рамках обычной работы почтовой связи.

Упоминание расстояния

При измерении любого расстояния для целей того или иного закона такое расстояние должно быть измерено, если не усматривается иного намерения, по прямой линии на горизонтальной плоскости.

Упоминание времени суток

С учетом положений ст. 3 закона «О летнем времени» 1972 г., период летнего времени, во всех случаях употребления в законе выражений, обозначающих время, если специально не указано иное, признается временем, исчисляемым по Гринвичу.

Упоминание Суверена

В любом законе упоминание Суверена, правящего на момент принятия закона, толкуется (если не усматривается иного намерения), как упоминание действующего Суверена.

Толкование подзаконных актов

Если закон предоставляет полномочия по принятию подзаконных актов, термины, используемые в таких подзаконных актах, если не усматривается иного намерения, имеют значение, в котором они употреблены в таком законе.

Законодательно установленные полномочия и обязанности

Длящийся характер полномочий и обязанностей

(1) При предоставлении законом полномочия или возложении обязанности подразумевается, если не усматривается иного намерения, что полномочие может осуществляться или обязанность должна исполняться периодически, как того требуют обстоятельства.

(2) При предоставлении законом полномочия или возложении обязанности на должностное лицо как таковое подразумевается, если не усматривается иного намерения, что полномочие может осуществляться или обязанность должна исполняться в течение срока службы лицом, занимающим должность по состоянию на соответствующий момент времени.

Досрочное осуществление полномочий

Если закон, который (или отдельное положение которого) не вступает в силу сразу после его принятия, наделяет полномочиями принимать подзаконные акты или назначать на должности, посылать уведомления, устанавливать формы документов, либо совершать другие действия для целей такого закона, то если не усматривается иного намерения, такие полномочия могут осуществляться (а в любом акте, принятом в соответствии с ними, может быть предусмотрено его вступление в силу) в любое время после принятия закона, поскольку это может быть необходимо или целесообразно в случае:

(a) придания силы закону или какому-либо положению закона; либо

(b) полного введения в действие закона или любого такого положения в момент его вступления в силу или после его вступления в силу.

Подразумеваемое полномочие по внесению изменений

Если закон наделяет полномочиями принимать:

(a) правила, постановления или муниципальные правовые акты; либо

(b) приказы в Совете, распоряжения или иные подзаконные акты в форме вспомогательного законодательства,

подразумевается, если иное намерение не следует из закона, что такой закон наделяет полномочием, осуществляемым в том же порядке и с соблюдением тех же условий или ограничений, по отмене, изменению или повторному принятию любого акта, созданного в соответствии с такими полномочиями.

14A. Полномочие на включение положения об истечении срока действия и пересмотр положений подзаконных нормативных актов

(1) Настоящая статья применяется в том случае, если закон предоставляет полномочие или налагает обязанность на лицо принимать подзаконные акты, за исключением случаев, когда:

(a) такое полномочие или обязанность осуществляются шотландскими министрами, или

(b) такое полномочие или обязанность осуществляются любым лицом в рамках предоставленной ему автономной компетенции (в соответствии с законом «О Шотландии» 1998 г.).

(2) Подзаконные акты могут включать в себя:

(a) положения, налагающие обязанность на какое-либо лицо осуществить контроль эффективности действия такого подзаконного акта в рамках или по истечении какого-либо указанного срока;

(b) положения, отменяющие действие такого подзаконного акта по истечении какого-либо указанного дня или срока;

(c) при осуществлении полномочия или исполнении обязанности в порядке внесения изменений в другие подзаконные акты – положения такого типа, как упоминаемые в пункте (a) или (b), применительно к таким другим подзаконным актам.

(3) Положение, которое может быть принято в соответствии с подпунктом (a) пункта (2), также включает в себя положение, налагающее обязанность на соответствующее лицо осуществить контроль за тем, настолько точно выполняются цели, поставленные таким актом, а также проанализировать, могут ли эти цели быть достигнуты иным способом.

(4) Подзаконные акты, включая положения, указанные в пункте (2), могут предусматривать положения как для решения вопросов общего характера, так и только в отношении конкретных положений законодательства или указанных обстоятельств и судебных дел.

(5) Подзаконные акты, включая положения, указанные в пункте (2), могут реализовываться посредством следующих из них переходных, сопутствующих или дополнительных положений, или оговорок в связи с такими положениями.

(6) В данной статье понятие «указанный» означает указанный в подзаконном акте.

Отменяющие акты

Отмена отменяющих положений

Если какой-либо закон отменяет отменяющий нормативный акт, то такая отмена не возобновляет действия ранее отмененного нормативного акта, за исключением случаев, когда об этом прямо говорится в таком законе.

Оговорки общего характера

(1) С учетом положений статьи 15, если закон отменяет какой-либо нормативный акт, такая отмена, если не усматривается иного намерения:

(a) не возобновляет действие актов, утративших силу или действовавших в момент, когда был принят отменяющий их закон;

(b) не влияет на предыдущее действие такого отмененного нормативного акта или на какое-либо действие или бездействие, исполненное надлежащим образом по такому нормативному акту;

(c) не влияет на какое-либо право, привилегию, обязательство или ответственность, приобретенные, возникшие или принятые на себя по такому нормативному акту;

(d) не влияет на какое-либо имущественное взыскание, конфискационную санкцию или наказание, понесенное в связи с каким-либо правонарушением и совершенное вопреки предписаниям такого нормативного акта;

(e) не влияет на какое-либо расследование, судопроизводство или средство правовой защиты в связи с таким правом, привилегией, обязательством, ответственностью, имущественным взысканием, конфискационной санкцией или наказанием;

и любое такое расследование, судопроизводство или средство правовой защиты могут быть инициированы, продлены или принудительно исполнены, а любое такое имущественное взыскание, конфискационная санкция или наказание могут быть реализованы, как если бы отменяющий закон не был принят.

(2) Данная статья применяется в случае истечения срока действия временного нормативного акта, как если бы он был отменен таким законом.

Отмена и повторное вступление в силу

(1) Если закон отменяет какой-либо предыдущий нормативный акт и заменяет собой положения отмененного нормативного акта, такой акт остается в силе до тех пор, пока заменяющие его положения не вступят в силу.

(2) Если законом отменяется и повторно принимается – с изменениями или без изменений – ранее принятый нормативный акт, то если не усматривается иного намерения:

(a) любое упоминание в любом другом нормативном акте отмененного в таком порядке акта толкуется как упоминание повторно принятого акта;

(b) в той мере, в которой какие-либо подзаконные акты, принятые в соответствии с отмененным в указанном порядке нормативным актом, или другие действия, совершенные в соответствии с ним, могли бы быть приняты или совершены в соответствии с повторно принятым актом, они будут действительны, как если бы были приняты или совершены в соответствии с таким актом.

Прочее

Конкуренция норм о правонарушении

Если действие или бездействие является правонарушением в соответствии с двумя и более законами, либо как в соответствии с законом, так и в соответствии с нормами общего права, то если не усматривается иного намерения, правонарушитель подлежит преследованию и наказанию в соответствии с любым из этих законов или в соответствии с нормами общего права, но не должен быть привлечен к ответственности более одного раза за одно и то же правонарушение.

Ссылка на другие законы

(1) При наличии в законе ссылки на другой закон с указанием года, законодательного акта, сессии или номера главы, или же на статью или иную часть другого закона с указанием числа или буквы, такое упоминание, если не усматривается иного намерения, следует толковать:

(a) в случае законов, включенных в то или иное издание законодательных актов в новой редакции, изданное уполномоченным органом типографским способом, – как упоминание такого издания;

(b) в случае законов, не включенных в такое издание в указанном порядке, но включенных в издание, подготовленное под руководством Архивной комиссии, – как упоминание этого издания;

(c) в любом другом случае – как упоминание законов, изданных типографским способом Королевской типографией, либо под надзором или по поручению Государственной канцелярии Ее Величества.

(2) При ссылке на закон может использоваться его краткое наименование, разрешенное тем или иным нормативным актом, невзирая на отмену такого нормативного акта.

Упоминание других нормативных актов

(1) Если в законе описывается часть нормативного акта или содержится ссылка на нее с упоминанием формулировок, статей или других фрагментов, с которых начинается и (или) которыми заканчивается часть, то описываемая часть или часть, на которую делается ссылка, включает указанные формулировки, статьи или другие фрагменты, если не усматривается иного намерения.

(2) При упоминании в законе какого-либо нормативного акта, такое упоминание, если не усматривается иного намерения, является упоминанием такого нормативного акта с учетом изменений, а также с учетом его продления или применения любым другим нормативным актом или в соответствии с любым другим нормативным актом, включая любое другое положение такого закона.

20A. Упоминания актов ЕС

При упоминании в законе, принятом после начала действия настоящей статьи, акта ЕС, который был изменен, продлен или применен другим таким актом, такое упоминание, если не усматривается иного намерения, является упоминанием такого акта с учетом его изменения, продления или применения в указанном порядке.

Дополнительные положения

Толкование и проч.

(1) В настоящем законе понятие «закон» включает в себя закон местного и индивидуального применения или частный закон; а понятие «подзаконные акты» означает Приказы, принятые в Совете, распоряжения, правила, постановления, программы, разрешения, муниципальные нормативные акты и иные акты, принятые или подлежащие принятию в соответствии с тем или иным законом.

(2) Настоящий закон является обязательным для Короны.

Применение к законам и постановлениям о мерах

(1) Настоящий закон применяется к самому себе, к любому закону, принятому после начала действия настоящего закона (в случае ст. 20A – с учетом предусмотренного этой статьей), а также, в случаях, указанных в Части 1 Приложения 2, к законам, принятым до начала действия настоящего закона.

(2) Упоминание закона в любом из предшествующих положений настоящего закона является упоминанием закона, на который распространяется такое положение; однако это не затрагивает общего характера упоминаний о нормативных актах или упоминаний в п. 1 ст. 19 о других законах.

(3) Настоящий закон применяется к постановлениям о мерах Генерального Синода Церкви Англии (а также, в части, в которой он относится к законам, принятым до начала действия настоящего закона, – к принятым после 28 мая

1925 г. постановлениям о мерах Церковного собрания) так же, как он применяется к законам.

Применение к другим актам

(1) Положения настоящего закона, исключая ст. 1-3 и п. (b) ст. 4, распространяются в той мере, в которой это является применимым, и, если не усматривается иного намерения, на подзаконные акты, принятые после вступления в силу настоящего закона, а также в случаях, указанных в Части II Приложения 2, на подзаконные акты, принятые до вступления в силу настоящего закона, так же, как они применяются к законам.

(2) При применении настоящего закона к законам или подзаконным актам, принятым после вступления в силу настоящего закона, все упоминания о нормативных актах включают в себя подзаконные акты, вне зависимости от даты принятия, и такие упоминания о принятии или отмене нормативного акта должны толковаться соответственно.

(3) Статья 9 и п. 1 ст. 19 также применяются к сделкам в особой письменной форме (*deed*) и другим актам и документам так же, как они применяются к законам и подзаконным актам; и в случае применения подпункта (a) п. 2 ст. 17 к законам или подзаконным актам, принятым после вступления в силу настоящего закона, упоминание любого иного нормативного акта включает в себя любую сделку в особой письменной форме (*deed*) или другой акт или документ.

(4) Пункты (1) и (2) настоящей статьи не применяются к Приказам в Совете, принятым в соответствии со ст. 5 закона «Об актах вспомогательного законодательства» 1946 г., п. (3) ст. 1 закона «О временных положениях применительно к Северной Ирландии» 1972 г. или Приложением 1 к закону «О Северной Ирландии» 1974 г.

23A. Законы Шотландского Парламента и проч.

(1) Настоящий закон применяется к законам Шотландского Парламента и иным актам, принимаемым в соответствии с такими законами, только в пределах, предусмотренных в настоящей статье.

(2) За исключением случаев, предусмотренных в п. (3) ниже, ст. 15-18 применяются:

(a) к закону Шотландского Парламента – в том же объеме, в котором они применяются к закону;

(b) к акту, принятому в соответствии с законом Шотландского Парламента – в том же объеме, в котором они применяются к подзаконным актам.

(3) При применении указанных статей к закону и к подзаконным актам:

(a) упоминание какого-либо нормативного акта включает в себя упоминание норм, входящих в состав или принятых согласно соответствующему закону Шотландского Парламента, и

(b) упоминание в подпункте (b) п. (2) ст. 17 подзаконных актов включает упоминание актов, принятых в соответствии с законами Шотландского Парламента.

(4) При применении ст. 20 к закону и подзаконным актам упоминание какого-либо акта включает упоминание норм, входящих в состав или принятых согласно соответствующему закону Шотландского Парламента.

23B. Постановления о мерах и законы Национального собрания Уэльса и проч.

С учетом нижеизложенного, положения настоящего закона:

(a) применяются к постановлениям о мерах или закону Национального собрания Уэльса так же, как они применяются к закону, и

(b) применяются к акту, принятому в соответствии с постановлением о мерах или законом Национального собрания Уэльса, так же, как они применяются к иным подзаконным актам.

(2) Статьи 1-3 не применяются к постановлению о мерах или закону Национального собрания Уэльса.

(3) В настоящем законе упоминания какого-либо нормативного акта включают упоминания норм, входящих в состав или принятых согласно постановлению о мерах или закону Национального собрания Уэльса.

(4) При применении настоящего закона к постановлениям о мерах или закону Национального собрания Уэльса упоминания о принятии закона или нормативного акта должны толковаться как упоминания именно постановления о мерах или закона Национального собрания.

(5) Пункт (b) ст. 4 не применяется к постановлениям о мерах Национального собрания Уэльса; однако если в таком постановлении не оговаривается вступление в силу содержащегося в нем положения, то такое положение вступает в силу в начале дня, в который постановление о мерах одобрено Ее Величеством при участии Совета.

Применение к территории Северной Ирландии

(1) Действие настоящего закона распространяется на территорию Северной Ирландии в той мере, в которой он применяется к законам или подзаконным актам, которые на нее распространяются.

(2) При применении настоящего закона к законам и подзаконным актам, принятым после вступления в силу настоящего закона, все упоминания какого-либо нормативного акта распространяются и на законодательство Северной Ирландии, вне зависимости от даты принятия; и в отношении такого законодательства упоминания о принятии или отмене нормативного акта включают принятие или отмену Приказов в Совете.

(3) При применении ст. 14 к законам, принятым после вступления в силу настоящего закона, действие которых распространяется на территорию Северной Ирландии, понятие «акт вспомогательного законодательства» включает в себя норму о подзаконных актах делегированного законодательства для целей

положения «О подзаконных актах делегированного законодательства в Северной Ирландии» 1979 г.

(3A) Статья 20A применяется к законодательству Северной Ирландии так же, как она применяется к законам.

(4) Следующие определения, приведенные в Приложении 1, а именно:

– «Сообщества» и связанные с ними формулировки;

– законы «О налоге на прибыль компаний»;

– законы «О подоходном налогообложении»;

– законы «О налогах» –

применяются к законодательству Северной Ирландии, если не усматривается иного намерения, так же, как они применяются к законам.

(5) В настоящей статье «законодательство Северной Ирландии» означает:

(a) законы Парламента Ирландии;

(b) законы Парламента Северной Ирландии;

(c) Приказы в Совете согласно п. (3) ст. 1 закона «О временных положениях применительно к Северной Ирландии» 1972 г.;

(d) Постановления о мерах Собрания Северной Ирландии, принятые согласно ст. 1 закона «О Собрании Северной Ирландии» 1973 г.;

(e) Приказы в Совете, согласно Приложению 1 к закону «О Северной Ирландии» 1974 г.;

(f) законы Собрания Северной Ирландии; а также

(g) Приказы в Совете (согласно ст. 85 закона «О Северной Ирландии» 1998 г.).

Отменяемые нормативные акты и оговорки

(1) Нормативные акты, предусмотренные Приложением 3, отменяются в той мере, в которой об этом упоминается в третьем столбце такого Приложения.

(2) Без ущерба для положений подпункта (a) п. (2) ст. 17 упоминание закона «О толковании» 1889 г., любого из положений данного закона или любого нормативного акта, отменяемого настоящим законом, вне зависимости от того,

было ли такое упоминание совершено посредством указания на него в другом законе, подзаконном акте, в законодательстве Северной Ирландии или в какой-либо сделке в особой письменной форме (*deed*) или иных видах актов или документов, должно толковаться как упоминание настоящего закона либо соответствующего положения настоящего закона таким же образом, как оно применяется к законам, принятым на момент упоминания.

(3) Положения настоящего закона, относящиеся к законам, принятым после того или иного конкретного времени, не применяются к толкованию законов, принятых до такого времени, несмотря на продление их действия или внесение в них изменений законами, принятыми после этого.

Вступление в силу

Данный Закон вступает в силу 1 января 1979 г.

Краткое наименование

Настоящий закон может упоминаться как закон «О толковании» 1978 г.

ПРИЛОЖЕНИЯ К ЗАКОНУ «О ТОЛКОВАНИИ»

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Определения слов и выражений

Примечание: указания на год или дату, используемые в некоторых статьях настоящего Приложения, имеют значение для целей п. 4 Приложения 2 (применение к действующим нормативным актам).

Определения

Понятие **«Закон»** означает закон, принятый Парламентом.

Понятие **«Ассоциированное государство»** означает территорию, находящуюся в статусе ассоциации с Соединенным Королевством в соответствии с законом «О вест-индских территориях» 1967 г. [16 февраля 1967 г.]

Понятие **«Банк Англии»** означает, в зависимости от контекста, Управляющего и Компанию Банка Англии или банк Управляющего и Компании Банка Англии.

Понятие **«Банк Ирландии»** означает, в зависимости от контекста, Управляющего и Компанию Банка Ирландии или банк Управляющего и Компании Банка Ирландии.

Понятие **«Британские острова»** означает Соединенное Королевство, Нормандские острова и остров Мэн. [1889 г.]

Понятие **«Британские заморские территории»** имеет то же значение, что и в законе «О Британской национальной принадлежности» 1981 г.

Понятие **«Британские владения»** означает любую часть доминионов Ее Величества за пределами границ Соединенного Королевства; при этом в случаях, когда в части таких доминионов действует как центральный, так и местный законодательный орган, все части, в которых действует центральный законодательный орган, для целей настоящего определения считаются одним британским владением. [1889 г.]

Понятие **«Строительные нормы и правила»** в отношении территории Англии и Уэльса имеет значение, указанное в ст. 122 закона «О строительстве» 1984 г.

Понятие **«Центральные средства»** в нормативном акте, предусматривающем применительно к Англии и Уэльсу оплату затрат из центральных средств, означает денежные средства, предоставляемые Парламентом.

Понятие **«Комиссия по благотворительной деятельности»** означает Комиссию Англии и Уэльса по благотворительной деятельности, как это предусмотрено в разделе 13 закона «О благотворительной деятельности» 2011 г.

Понятие **«Церковные комиссары»** означает комиссаров, предусмотренных Постановлением о мерах «О церковных комиссарах» 1947 г.

Понятие **«Гражданское партнерство»** означает гражданское партнерство, созданное в силу или в соответствии с законом «О гражданском партнерстве» 2004 г. (и любое упоминание гражданского партнера следует толковать соответствующим образом).

Понятие **«Колониальный орган законодательной власти»** или **«орган законодательной власти»** в отношении территории британских владений означает орган власти, кроме Парламента Соединенного Королевства или Ее Величества при участии Совета, уполномоченный на принятие законов в отношении данного владения. [1889 г.]

Понятие **«Колония»** означает любую часть доминионов Ее Величества за пределами Британских островов, кроме:

(a) стран, обладающих статусом полного суверенитета в рамках Содружества;

(b) территорий, за внешнюю политику которых несет ответственность страна иная, нежели Соединенное Королевство;

(c) ассоциированных государств;

и в том случае, когда в части таких доминионов действует как центральный, так и местный законодательный орган; все части, в которых действует центральный законодательный орган, для целей настоящего определения считаются одной колонией. [1889 г.]

Понятие **«Начало действия»** в отношении закона или иного нормативного акта означает момент времени, когда такой закон или акт вступает в силу.

Понятие **«Привлеченный к суду»** означает:

(a) применительно к Англии и Уэльсу – заключенный под стражу или отпущенный под залог мировым судом в соответствии со ст. 6 закона «О мировых судах» 1980 г. или любым судьей, либо другим органом, имеющим соответствующие полномочия, ввиду дальнейшего рассмотрения дела судьей и коллегией присяжных заседателей; [1889 г.]

(b) применительно к Северной Ирландии – заключенный под стражу или отпущенный под залог мировым судом в соответствии со ст. 37 положения

«О мировых судах в Северной Ирландии» 1981 г. или судом, судьей, мировым судьей – резидентом либо другим органом, имеющим соответствующие полномочия, ввиду дальнейшего рассмотрения дела по обвинению; [1 января 1979 г.]

Понятия **«Сообщества»**, **«Договоры»** или **«Договоры Сообщества»** и другие определения, указанные в ст. 1 и Приложении 1 к закону «О Европейских сообществах» 1972 г., имеют значения, предписанные указанным законом.

Понятие **«Главный казначей-ревизор»** означает главного казначея по пополнению и расходованию казны Ее Величества и главного ревизора государственного бюджета, назначенного во исполнение закона «О казне и счетных палатах» 1866 г.

Понятие **«Консульское должностное лицо»** имеет значение, предусмотренное ст. 1 Венской Конвенции, приведенной в тексте Приложения 1 к закону «О консульских сношениях» 1968 г.

Понятие **«Законы о налоге на прибыль корпораций»** означает нормативные акты, относящиеся к налогообложению прибыли и иных доходов корпораций, а также выплате прибыли участникам корпораций (включая положения о подоходном налоге).

Понятие **«Окружной суд»** означает

(а) в отношении территории Англии и Уэльса – суд округа, согласно закону «Об окружных судах» 1984 г. [1846 г.]

(б) в отношении территории Северной Ирландии – суд округа, согласно Приказу «Об окружных судах Северной Ирландии» 1980 г. [1889 г.]

Понятие **«Апелляционный суд»** означает:

(а) в отношении территории Англии и Уэльса – Апелляционный суд Ее Величества в Англии;

(б) в отношении территории Северной Ирландии – Апелляционный суд Ее Величества в Северной Ирландии.

Понятие **«Высший суд»** означает Высший суд Северной Ирландии.

Понятия **«Суд упрощенного производства»**, **«Осуждение в порядке упрощенного судопроизводства»** и **«Законы «О компетенции по рассмотрению дел в порядке упрощенного судопроизводства»** в отношении территории Северной Ирландии имеют те же значения, что и в постановлениях о мерах Национального собрания Северной Ирландии и законах Парламента Северной Ирландии.

Понятие **«Суд Короны»** означает:

(а) в отношении территории Англии и Уэльса – суд Короны, формируемый в соответствии со ст. 4 закона «О судах Короны» 1971 г.;

(б) в отношении территории Северной Ирландии – суд Короны, формируемый в соответствии со ст. 4 закона «О правосудии в Северной Ирландии» 1978 г.

Понятие **«Комиссары по управлению собственностью Короны»** означает комиссаров, указанных в ст. 1 закона «О собственности Короны» 1961 г.

Понятие **«Соглашение о создании ЕЭЗ»** означает соглашение о создании Европейской экономической зоны (подписанное в г. Порто 2 мая 1992 г.), совместно с дополнительным Протоколом, вносящим изменения в Соглашение и подписанным в г. Брюссель 17 марта 1993 г., с последующими изменениями и дополнениями. [Дата вступления в силу абзаца]

Понятие **«Государство ЕЭЗ»**, применительно к тому или иному времени, означает:

(а) государство, которое в такое время является государством-членом; или

(б) любое другое государство, которое по состоянию на указанное время является стороной Соглашения о создании ЕЭЗ. [Дата вступления в силу абзаца]

Понятие **«Нормативный акт»** не распространяется на любые нормативные акты, включенные в состав или принятые в соответствии с актами Шотландского Парламента.

Понятие **«Англия»** означает, с учетом всех возможных изменений территориальных границ согласно Ч. IV закона «О местном управлении» 1972 г., территорию, состоящую из графств, перечисленных в ст. 1 указанного закона, Большой Лондон и острова Силли. [1 апреля 1974 г.]

Понятие **«Финансовый год»** означает в отношении вопросов, относящихся к деятельности Консолидированного фонда, Национального фонда заимствований, денежным средствам, предоставляемым Парламентом, либо к Казне, или централизованно взимаемым налогам или финансам, двенадцать месяцев, истекающих 31 марта. [1889 г.]

Понятие **«Генерал-губернатор»** означает любое лицо, которое по состоянию на определенный момент времени обладает полномочиями генерал-губернатора, а **«Губернатор»**, в отношении любого британского владения, означает должностное лицо, которое по состоянию на определенный момент времени осуществляет управление таким владением. [1889 г.]

Понятие **«Королевская налогово-таможенная служба»** имеет значение, указанное в ст. 4 закона «О комиссарах по налогам и таможне» 2005 г.

Понятие **«Высокий суд»** означает:

(a) в отношении территории Англии и Уэльса – Высокий суд Ее Величества в Англии;

(б) в отношении территории Северной Ирландии – Высокий суд Ее Величества в Северной Ирландии.

Понятие **«Иммиграционные законы»** имеет значение, указанное в ст. 61 закона «О государственных границах Соединенного Королевства» 2007 г.

Понятие **«Законы «О подоходном налогообложении»** означает все нормативные акты, касающиеся подоходного налогообложения, включая все положения законов «О налоге на прибыль корпораций», содержащие нормы о подоходных налогах.

Понятие **«Земля»** включает в себя здания и иные строения, земли, покрытые водой, а также любые права собственности, права недвижимости, предиальные либо личные сервитуты и любые права на землю или в отношении земли.

Понятие **«Земельные законы»** означает:

(a) в отношении территории Англии и Уэльса – консолидированный земельный закон 1845 г. и закон 1860 г. о внесении изменений в консолидированный земельный закон, а также любые действующие законы, вносящие изменения в вышеперечисленные законы. [1889 г.]

(b) в отношении территории Шотландии – консолидированный земельный закон Шотландии 1845 г. и закон 1860 г. о внесении изменений в консолидированный земельный закон, а также любые действующие законы, вносящие изменения в вышеперечисленные законы. [1889 г.]

(c) в отношении территории Северной Ирландии – нормативные акты, определенные п. 1 ст. 46 закона «О толковании в Северной Ирландии» 1954 г. [1889 г.]

Понятие **«Реестр местных земельных обременений»**, в отношении территории Англии и Уэльса, означает реестр, предусмотренный ст. 3 закона «О местных земельных обременениях» 1975 г.; понятие **«Соответствующий реестр местных земельных обременений»** имеет значение, предусмотренное ст. 4 указанного закона.

Понятие **«Местный орган, исполняющий полицейские функции»** имеет значение, предусмотренное п. 1 ст. 101 закона «О полиции» 1996 г.

Понятие **«Лондонский район (боро)»** означает городской район, описанный в Приложении 1 закона «Об управлении Лондоном» 1963 г.; понятие **«Срединный Лондонский район (боро)»** означает один из городских районов, описанных и пронумерованных от 1 до 12, а понятие **«Окраинный Лондонский район (боро)»** означает один из городских районов, описанных и пронумерованных от 13 до 32, (в каждом случае) с учетом всех изменений, в соответствии с Ч. IV закона «О местном управлении» 1972 г., Ч. 2 закона «О местном управлении» 1992 г. или Ч. 1 закона «Об участии органов местного самоуправления и граждан в сфере здравоохранения» 2007 г.

Понятие **«Лорд-канцлер»** означает Высокого Лорда-канцлера Великобритании.

Понятие **«Мировой суд»** имеет значение, указанное:

(a) в отношении территории Англии и Уэльса – в ст. 148 закона «О мировых судах Короны» 1980 г.;

(b) в отношении территории Северной Ирландии – в п. 2 ст. 2 положения «О мировых судах в Северной Ирландии» 1981 г.

Понятие **«Месяц»** означает календарный месяц. [1850 г.]

Понятие **«Комиссары по вопросам национального долга»** означает комиссаров по сокращению национального долга.

Понятие **«Законодательство Северной Ирландии»** имеет значение, предусмотренное п. 5 ст. 24 настоящего закона. [1 января 1979 г.]

Понятия **«Присяга»** и **«Аффидевит»** включают в себя подтверждения и заявления, а выражение «подтвердить под присягой» означает подтвердить и заявить.

Понятие **«Должностное лицо учреждения службы пробации»** в отношении территории Англии и Уэльса, имеет значение, указанное в п. 1 ст. 9 закона «Об обеспечении надзора за правонарушителями» 2007 г.

Понятие **«Должностное лицо Налогово-таможенной службы»** имеет значение, указанное в п. 1 ст. 2 закона «О комиссарах по налогам и таможне» 2005 г.

Понятие **«Карта Совета по артиллерийско-техническому обеспечению»** означает карту, изготовленную в соответствии с полномочиями, предоставленными законом «О топографической съемке Совета по артиллерийско-техническому обеспечению» 1841 г. или законом «О топографической съемке границ в Ирландии» 1854 г.

Понятие **«Парламентские выборы»** означает выборы члена, который будет представлять в парламенте избирательный округ. [1889 г.]

Понятие **«Доход, облагаемый налогом у источника»** имеет значение, указанное в ст. 683 закона «О подоходном налоге в отношении заработка и пенсий» 2003 г.

Понятие **«Положения о взимании подоходного налога у источника»** означает нормативные акты, указанные в ст. 684 указанного закона.

Понятие **«Лицо»** включает объединение лиц, являющееся или не являющееся юридическим лицом. [1889 г.]

Понятие **«Полицейский округ»** и иные понятия, относящиеся к службе полиции, имеют значения и действуют так, как указано:

(a) в отношении территории Англии и Уэльса – в п. 1 ст. 101 закона «О полиции» 1996 г.;

(b) в отношении территории Шотландии – в ст. 50 и п. 4 ст. 51 закона «О полиции в Шотландии» 1967 г.

Понятие **«Орган полиции»** в отношении территории Шотландии имеет значение или действует так, как указано в ст. 50 и п. 4 ст. 51 закона «О полиции в Шотландии» 1967 г.

Понятия **«Служба полиции Северной Ирландии»** и **«Резерв службы полиции Северной Ирландии»** имеют те же значения, что и в законе «О полиции в Северной Ирландии» 2000 г.

Понятие **«Тайный Совет»** означает лордов и иных членов Достопочтенного Тайного Совета Ее Величества.

Понятие **«Учреждение службы пробации»**, в отношении территории Англии и Уэльса, имеет значение, указанное в п. 6 ст. 3 закона «Об обеспечении надзора за правонарушителями» 2007 г.

Понятие **«Зарегистрированная(-ый)»**, применительно к медицинским сестрам (медбратьям) и акушеркам (акушерам) означает их регистрацию в реестре, который ведется в соответствии со ст. 5 Положения «О сестринском деле и акушерстве» 2001 г. в силу наличия квалификации по специальности «сестринское дело» или «акушерство».

Понятие **«Зарегистрированный медицинский работник»** означает полностью зарегистрированное лицо согласно положениям закона «О медицине» 1983 г., обладающее лицензией на осуществление деятельности в соответствии с указанным законом.

Понятия **«Зарегистрированное учреждение, предоставляющее социальное жилье»** и **«Зарегистрированное частное лицо, предоставляющее социальное жилье»** имеют значения, установленные ст. 80 закона «О жилищном фонде и реконструкции» 2008 г., (где в ст. 115 также указаны значения понятий «некоммерческий» и «коммерческий» в отношении зарегистрированного учреждения, предоставляющего социальное жилье).

Понятие **«Регламент суда»** означает в отношении любого судебного учреждения правила, составленные и принятые органом, обладающим компетенцией на принятие правил или распоряжений, регулирующих деятельность и процессуальные вопросы деятельности суда; а в отношении территории Шотландии также включает в себя правила уголовного судопроизводства (*Acts of Adjournal*) и правила гражданского судопроизводства (*Acts of Sederunt*); при этом полномочия органа по созданию правил суда (как определено выше) включают полномочия по созданию таких правил

применительно к целям любого закона, в котором содержатся предписания или дозволения о совершении любых действий посредством правил суда. [1889 г.]

Понятие **«Государственный секретарь»** означает одного из Главных государственных секретарей Ее Величества.

Понятие **«Высшие суды»** означает Высшие суды Англии и Уэльса.

Понятие **«Направленный на рассмотрение суда»** означает в отношении территории Англии и Уэльса передачу дела мировым судом в суд Короны для рассмотрения согласно ст. 51 или 51A закона «О предотвращении преступлений и нарушений общественного порядка» 1998 г.

Понятие **«Организация канализационного хозяйства»** в отношении территории Англии и Уэльса имеет значение, указанное в ст. 6 закона «О водопроводно-канализационном хозяйстве» 1991 г.

Понятие **«Шериф»** в отношении территории Шотландии включает также и главного шерифа [1889 г.]

Понятие **«Стандартная шкала»** в отношении штрафов или имущественных наказаний, налагаемых за правонарушение в ходе упрощенного судопроизводства:

(a) в отношении территории Англии и Уэльса – имеет значение, указанное в ст. 37 закона «Об уголовном судопроизводстве» 1982 г.;

(b) в отношении территории Шотландии – имеет значение, указанное в п. 1 ст. 225 закона «Об уголовном судопроизводстве в Шотландии» 1995 г.;

(c) в отношении территории Северной Ирландии – имеет значение, указанное в ст. 5 положения «О штрафах и имущественных наказаниях в Северной Ирландии» 1984 г.

Понятие **«Заявление, предусмотренное законодательным актом»** имеет значение, указанное в законе «О заявлениях, предусмотренных законодательными актами» 1835 г.

Понятие **«Законодательно установленный максимальный размер»** означает в отношении штрафа или имущественного наказания, налагаемых за правонарушения в ходе упрощенного судопроизводства:

(a) в отношении территории Англии и Уэльса – предписанную сумму в рамках значения, установленного ст. 32 закона «О мировых судах» 1980 г.;

(b) в отношении территории Шотландии – предписанную сумму в рамках значения, установленного п. 8 ст. 225 закона «Об уголовном судопроизводстве в Шотландии» 1995 г.; и

(c) в отношении территории Северной Ирландии – предписанную сумму в рамках значения, установленного ст. 4 положения «О штрафах и имущественных наказаниях в Северной Ирландии» 1984 г.

Понятие **«Верховный суд»** означает Верховный суд Соединенного Королевства.

Понятие **«Налоговые законы»** означает законы «О подоходном налогообложении» и законы «О налоге на прибыль корпораций».

Понятие **«Казначейство»** означает комиссаров казначейства Ее Величества.

Понятия **«Доверительная собственность на землю (траст)»** и **«Доверительные собственники земли»** в отношении территории Англии и Уэльса имеют те же значения, что и в законе «О доверительной собственности на землю и назначении доверительных собственников земли» 1996 г.

Понятие **«Соединенное Королевство»** означает совокупность территорий Великобритании и Северной Ирландии [12 апреля 1927 г.]

Понятие **«Уэльс»** означает совокупную территорию графств, созданную в соответствии со ст. 20 закона «О местном управлении» 1972 г. в первоначальной редакции, но с учетом всех изменений, следующих из ст. 73 указанного закона (последующее изменение границ, вызванное изменением водотока).

Понятие **«Организация водопроводного хозяйства»** в отношении территории Англии и Уэльса должно толковаться в соответствии со ст. 6 закона «О водопроводно-канализационном хозяйстве» 1991 г.

Понятие **«Письменная форма»** включает в себя машинопись, печать, литографию, фотографию и другие визуальные способы представления или воспроизведения слов; выражения, относящиеся к письменной форме, должны толковаться соответственно.

Толкование некоторых выражений, относящихся к правонарушениям

В отношении территории Англии и Уэльса понятие:

(a) **«Правонарушение, преследуемое по обвинительному заключению»** означает правонарушение, дело о котором в случае его совершения совершеннолетним лицом рассматривается в соответствии с обвинительным заключением, независимо от того, подлежит ли дело о нем рассмотрению исключительно в указанном порядке или оно подлежит рассмотрению любым способом;

(b) **«Правонарушение, преследуемое в порядке упрощенного судопроизводства»** означает правонарушение, дело о котором в случае его совершения совершеннолетним лицом подлежит рассмотрению только в порядке упрощенного судопроизводства;

(c) **«Правонарушение, дело о совершении которого подлежит рассмотрению любым способом»** означает правонарушение, которое в случае его совершения совершеннолетним лицом подлежит рассмотрению либо на основании обвинительного заключения, либо в порядке упрощенного судопроизводства, за исключением правонарушения, когда предусмотрено рассмотрение дела только на основании обвинительного заключения в силу Ч. V закона «Об уголовном судопроизводстве» 1988 г.;

и термины **«подлежащий преследованию по обвинительному заключению», «в порядке упрощенного судопроизводства»** и **«подлежащий рассмотрению любым способом»** при применении их к правонарушениям должны толковаться соответственно.

В приведенных выше определениях упоминания способа или способов рассмотрения дела о правонарушении должны толковаться без учета действия ст. 22 закона «О мировых судах» 1980 г. применительно к порядку рассмотрения конкретного дела (в случае если такое действие имеет место).

Толкование некоторых упоминаний об отношениях

В отношении Англии и Уэльса:

(a) упоминания (независимо от формы их выражения) о любом отношении между двумя лицами;

(b) упоминания о лице, чьи отец и мать состояли или не состояли в браке друг с другом по состоянию на момент его рождения; и

(c) упоминания, однокоренные с упоминаниями, подпадающими под действие подпункта (b) выше,

должны толковаться в соответствии со ст. 1 закона «О реформе семейного права» 1987 г. [Дата вступления в силу указанной статьи]

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Применение закона к действующим нормативным актам

ЧАСТЬ I

ЗАКОНЫ

1. Следующие положения настоящего закона применяются к иным законам вне зависимости от времени их принятия:

Пункты (a) и (c) ст. 6 в той части, в которой они применимы к нормативным актам, относящимся к правонарушениям, преследуемым на основании обвинения или в порядке упрощенного судопроизводства.

Статья 9, ст. 10, ст. 11 в части, которая относится к подзаконным актам, принятым после 1889 г., ст. 14A, ст. 18, п. 2 ст. 19.

2. Следующие положения применяются к законам, принятым после 1850 г.:

Статья 1, ст. 2, ст. 3, п. (a) и (c) ст. 6 в части, не применимой к таким законам в силу п. 1, ст. 15, п. 1 ст. 17.

3. Следующие положения применяются к законам, принятым после 1889 г.:

Статья 4, ст. 7, ст. 8, ст. 12, ст. 13, ст. 14 в части, относящейся к правилам, постановлениям или муниципальным нормативным правовым актам, п. 1 ст. 16, подпункт (a) п. 2 ст. 17, п. 1 ст. 19, п. 1 ст. 20.

4. (1) С учетом изложенных в данном параграфе положений:

(a) параграфы Приложения 1, в конце которых указаны или описаны года или даты вступления в силу, соответственно применяются и к иным законам, принятым в указанные или описанные даты или года или после них; и

(b) параграфы данного Приложения, в конце которых не указаны и не описаны годы или даты вступления в силу, соответственно применяются к законам, принятым в любое время.

(2) Понятие **«Британские острова»** при его применении к законам, принятым после установления Ирландского Свободного Государства, но до начала действия настоящего закона, включает в себя Ирландскую Республику.

(3) Определение **«Колонии»** при его применении к любому закону, принятому в любое время до вступления в силу настоящего закона, включает в себя:

(a) любую колонию по смыслу п. (3) ст. 18 закона «О толковании» 1889 г., которая была исключена – но лишь в отношении законов, принятых позднее, – каким-либо узаконением, которое отменено настоящим законом;

(b) любую страну или территорию, которая после такого времени прекратила являться частью доминионов Ее Величества, но с оговоркой о сохранении в силе действующих норм права, как если бы она продолжала являться частью доминионов Ее Величества;

и при этом пункт (b) понятия не применяется.

(4) Определение **«Лорд-канцлер»** не применяется к законам, принятым до 1 октября 1921 г., когда оно использовалось только в отношении территории Ирландии.

(5) Определение «**Лица**» в той части, в которой оно включает юридических лиц, применяется к любому положению закона, независимо от времени его принятия, относящемуся к правонарушению, преследуемому на основании обвинительного заключения или приговора, выносимого в порядке упрощенного судопроизводства.

(6) Настоящий пункт применяется к закону «О водопроводном хозяйстве» 1973 г., как если бы он был принят после 1 апреля 1974 г.

5. Следующие определения должны рассматриваться как включенные в Приложение 1 для целей, указанных в настоящем пункте:

(a) в любом законе, принятом до 1 апреля 1974 г., упоминание Англии включает в себя Берик-апон-Туид и Монмутшир, а в отношении закона, принятого до вступления в силу закона «О валлийском языке» 1967 г., включает в себя Уэльс;

(b) в любом законе, принятом до вступления в силу данного закона и после 1850 г., понятие «Земля» включает в себя жилые дома с хозяйственными постройками и земельными участками, недвижимость во временном владении или собственности, а также недвижимое имущество, которое может быть предметом наследования, жилые дома и строения любого типа владения;

(c) в любом законе, принятом до вступления в силу закона «Об уголовном судопроизводстве в Шотландии» 1975 г., понятие «Законы «О компетенции по рассмотрению дел в порядке упрощенного судопроизводства» означает Ч. II указанного закона.

Часть II

Подзаконные акты

6. Пункт (a) ст. 4, ст. 9 и п. (1) ст. 19, а также Приложение 1 в той части, в которой определяет следующие выражения, а именно:

Англия;

Реестр местных земельных обременений и соответствующий реестр местных земельных обременений;

Полицейский округ и связанные с этим выражения применительно к Шотландии;

Соединенное Королевство;

Уэльс –

применяются к подзаконным актам, принятым в любой момент после начала действия настоящего закона так же, как они применяются к законам, принятым в указанное время.

7. Определение **«Суд графства»** в Приложении 1, в отношении территории Англии и Уэльса, применяется к Приказам в Совете, принятым после 1846 г.

В Приложении 3 перечислены отмененные акты[418].

[418] В Приложении 3 приведен список актов, которые прекращают действие после вступления в силу закона Великобритании «О толковании» 1978 г.

Приложение В

Основные каноны толкования Верховного суда США

ТЕКСТУАЛЬНЫЕ КАНОНЫ

Правило явного смысла: надлежит следовать явному смыслу текста законодательного акта, за исключением случаев, когда следование тексту ведут к абсурдному результату или свидетельствует о технической ошибке.

Выводы на основе языкового анализа

Expressio unius: прямое упоминание одного подразумевает исключение прочего.

Noscitur a sociis: общий термин надлежит толковать сходным образом с более специальными терминами из одного ряда.

Ejusdem generis: общий термин надлежит толковать таким образом, чтобы он отражал ту категорию объектов, которая указана в более специальных терминах, употреблённых вместе с ним.

Надлежит следовать обычному употреблению терминов, если Конгрессом для них не установлен некий конкретный или узкоспециальный смысл.

Надлежит следовать словарным определениям терминов, если Конгрессом не дано специального определения. Надлежит принимать во внимание словари того временного периода, когда был принят законодательный акт. Не следует принимать во внимание «идиосинкратические»[419] словарные определения.

«*May*» (англ. «может», «вправе») обычно носит рекомендательный характер, а «*shall*» (англ. «должен», «обязан») обычно носит характер предписания.

«*Or*» (англ. «или», «либо») означает «в качестве альтернативы».

[419] «Идиосинкратический» – сугубо личный, индивидуальный, своеобразный. (*Прим. авт.*)

Законодательство

Грамматика и синтаксис

Правило пунктуации: предполагается, что Конгресс следует общепринятым стандартам пунктуации, в связи с чем считается, что расположение запятых и иных знаков препинания имеет значение.

Необязательно прибегать к применению «правила последнего словарного употребления»[420], если это нецелесообразно.

Целостность текста

Каждое положение законодательного акта следует читать во взаимосвязи с актом в целом. Толкование законодательства – действие, направленное на целостное восприятие текста.

Надлежит избегать такого толкования положения законодательного акта, которое делает прочие положения избыточными или ненужными.

Надлежит избегать такого толкования положения законодательного акта, которое противоречит целям другого положения.

Надлежит избегать такого толкования положения законодательного акта, которое противоречит необходимой предпосылке, из которой исходит другое положение.

Надлежит избегать такого толкования положения законодательного акта, которое противоречит структуре законодательного акта.

Надлежит избегать расширительного прочтения положений законодательных актов, если Конгресс специально предусмотрел нормы более общего характера, более конкретно сформулированные в ином акте или положении.

---

[420] Правило «последнего словарного употребления» предполагает, что суд относит определяющие слова или фразы к тексту, сразу предшествовавшему такому слову или фразе-определителю, за исключением случаев, когда здравый смысл указывает на необходимость применения слова или фразы-определителя к более отдаленным в предложении словам или фразам. К примеру: «Лицензия на управление транспортным средством не должна распространяться на лодки, тракторы и грузовики массой до 3 тонн» – фраза-определитель «до 3 тонн» применяется только к грузовикам, но не к лодкам или к тракторам. (*Прим. авт.)*

Надлежит толковать тот же или сходные термины, предусмотренные одним законодательным актом, одинаково.

В отношении конкретного вопроса применяются специальные положения, касающиеся такого вопроса, а не распространяющиеся на него положения более общего характера.

Оговорки и законодательно установленные исключения следует толковать ограничительно.

Не допускается создавать ограничения помимо указанных Конгрессом.

КАНОНЫ, КАСАЮЩИЕСЯ ВНЕШНИХ ИСТОЧНИКОВ ТОЛКОВАНИЯ

Толкование органами исполнительной власти

Применяется правило уважительного отношения к толкованию, осуществляемому органами исполнительной власти, если такое толкование не противоречит простому смыслу законодательного акта и не является неразумным.

Применяется правило в высшей степени уважительного отношения к данному органом толкованию в случаях, когда такому органу исполнительной власти прямо делегированы правотворческие обязанности.

Действует презумпция правильного толкования органом исполнительной власти своих собственных подзаконных нормативных актов.

Непрерывность в праве

Правило непрерывности: следует исходить из того, что Конгресс не прерывает действия законных прав и обязательств без четкого заявления об этом в той или иной форме.

Действует презумпция последовательного использования Конгрессом одного и того же термина в различных законодательных актах.

Действует сверхстрогая презумпция правильности законодательных прецедентов.

Действует презумпция того, что международные договоры и соглашения не отменяют федеральное законодательство.

Действует правило «заимствованного» законодательного акта: когда Конгресс «заимствует» законодательный акт, он косвенно принимает примененное к нему толкование, если не было сделано прямо выраженного заявления об ином.

Применяется правило принятия в новой редакции: когда Конгресс принимает законодательный акт в новой редакции, в него включается устоявшееся толкование законодательного акта, новая редакция которого принимается. Правило не применяется при отсутствии устоявшегося стандарта, который бы был известен Конгрессу.

Применяется правило молчаливого признания: надлежит принимать во внимание непрерывную цепочку решений нижестоящих судов, в которых толкуется законодательный акт, но не придавать им решающего значения.

ВНЕШНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ ИСТОЧНИКИ

Надлежит толковать положение в соответствии с его последующими законодательными изменениями, но не принимать во внимание последующие обсуждения в законодательном органе.

Надлежит принимать во внимание историю принятия законодательного акта в случае его неясности.

Отчеты комитетов являются признанным источником сведений об истории принятия законодательного акта, но не могут иметь преимущество над простым смыслом текста, и на них не следует полагаться в случае, если они «неточны».

Формулировки отчетов комитетов, которые не могу быть соотнесены с конкретным положением законодательного акта, учитывать нельзя. Отчеты Палаты представителей и Сената, противоречащие друг другу, следует исключить из источников толкования.

Действует презумпция отказа от толкования, которое было рассмотрено и отклонено голосованием на пленарном заседании палаты Конгресса или комитета.

Для подтверждения выявленного смысла могут использоваться выступления членов Конгресса, имевшие место в ходе обсуждения.

Иногда могут приниматься во внимание трактовки той или иной подсистемы законодательных норм, современные ей или даваемые в последующем (включая трактовки, даваемые Президентом и Министерством юстиции).

Применяется канон «собака не лаяла»: т.е. действует презумпция сохранения действия более ранней правовой нормы, если в ходе обсуждения в законодательном органе никто даже не упомянул норму и не обсуждал какие бы то ни было поправки в такую норму.

КАНОНЫ В ОТНОШЕНИИ МАТЕРИАЛЬНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Конституционные каноны

Надлежит избегать толкования, ведущего к противоречию законодательного акта Конституции. Это правило не применяется, если законодательный акт выдерживает проверку на предмет соответствия Конституции или если текст законодательного акта является ясным.

1. Разделение властей

Применяется сверхстрогое правило недопущения вмешательства Конгресса в компетенцию Президента по вопросам иностранных дел и национальной безопасности.

Применяется правило недопущения вмешательства Конгресса в ключевые полномочия Президента в сфере исполнительной власти.

Применяется правило о недопущении пересмотра ключевых действий Президента в сфере исполнительной власти в связи со «злоупотреблением усмотрением».

Применяется правило о недопущении урезания Конгрессом «присущих полномочий» судебной власти или ее полномочий в сфере «права справедливости».

Применяется правило, не допускающее такого расширительного толкования Конгрессом предусмотренного ст. III «фактического ущерба», которое бы включало нематериальный ущерб и ущерб, причинённый ввиду нарушения процессуальных прав и гарантий.

Действует презумпция недопущения делегирования Конгрессом полномочий в отсутствие достаточных руководящих принципов.

Действует презумпция отсутствия «косвенного включения» оснований иска в федеральные законодательные акты.

Действует презумпция соответствия норм права США международным обязательствам США.

Применяется правило, не допускающее отмены Конгрессом прав, предусмотренных договорами с индейцами.

Действует презумпция в пользу делимости положения при неконституционности отдельных частей такого положения.

2. Федерализм

Применяется сверхстрогое правило невмешательства федеральных властей в «ключевые функции штатов».

Применяется сверхстрогое правило недопустимости отмены федеральными властями предусмотренного Одиннадцатой поправкой иммунитета штатов от исков в федеральных судах.

Применяется правило, не допускающее подразумевание наличия подлежащих принудительному исполнению условий по федеральным субсидиям, предоставляемым штатам.

Применяется правило, не допускающее расширения Конгрессом юрисдикции федеральных судов, которое вывело бы дела из-под юрисдикции судов штатов.

Применяется правило, не допускающее такое прочтение федерального законодательного акта, которое бы позволяло штатам осуществлять деятельность в нарушение «скрытого» положения о торговле.

Применяется правило в пользу одновременной юрисдикции федеральных судов и судов штатов по искам из федерального законодательства.

Применяется правило, не допускающее преимущества федеральных норм права в отношении традиционных функций штатов или вмешательства федеральных норм в области, традиционно регулируемые на уровне штатов.

Действует презумпция отсутствия преимущества федеральных норм права в вопросе обязательств по поддержке семей, исполнение которых обеспечивается штатами.

Действует презумпция о том, что вопросы налогообложения штатами доходов от федеральных источников не регулируются федеральными нормами.

Действует презумпция неприменения федеральных законодательных актов к политическим процедурам на уровне штатов и на местном уровне.

Действует презумпция о возможности налогообложения штатами деятельности в пределах их границ, включая деятельность, осуществляемую индейскими племенами, сосуществующая с презумпцией о невозможности налогообложения штатами принадлежащих индейцам земель.

Действует презумпция о том, что правопритязания штата на земли не могут быть отменены Конгрессом на основании вступления штата в Союз «на равных» со всеми остальными штатами.

Действует презумпция о недопущении проверки федеральным судом таких приговоров судов штатов по уголовным делам, которые основаны исключительно на нормах права штатов.

Действует презумпция окончательности приговоров судов штатов для целей проверки законности федеральным судом.

Действует принцип необходимости учитывать интересы органов власти штата и местных органов власти при применении федеральным судом средств защиты прав, основанных на нормах права справедливости.

Действует презумпция заимствования Конгрессом сроков исковой давности, действующих в штатах, для федеральных подсистем законодательных норм – если не предусмотрено иное.

3. Надлежащая правовая процедура

Применяется правило снисходительности: правило неприменения карательных санкций в случае неоднозначности соответствующей меры уголовной ответственности или уголовного наказания.

Правило снисходительности применяется к гражданско-правовой санкции карательного характера, а также когда соответствующая мера ответственности носит уголовно-правовой характер.

Применяется правило о недопущении наложения уголовных санкций, если не доказан прямой умысел.

Применяется правило о недопущении толкования законодательных актов как имеющих обратную силу, даже если законодательный акт направлен на исправление ранее действовавших норм или восстановление действия ранее действовавших норм.

Применяется правило о недопущении толкования законодательных актов как отказывающих в праве на рассмотрение дела судом присяжных.

Действует презумпция в пользу проверки судом, в особенности по вопросам конституционности, но не в отношении решений органов исполнительной власти об отказе от преследования.

Действует презумпция о недопущении оспаривания применения норм до их применения в принудительном порядке.

Действует презумпция несоблюдения требования об исчерпании способов защиты прав в отношении иска об обеспечении реализации конституционных прав.

Действует презумпция о том, что судебные решения не являются обязательными для лиц, не являющихся стороной в деле.

Действует презумпция невозможности вызова в суд лиц, находящихся за пределами штата, если это не разрешено Конгрессом.

Действует презумпция о недопущении лишения прав на принудительное осуществление в частноправовом порядке ключевых прав, предусмотренных федеральными нормами.

Действует презумпция применения стандарта «наличия более веских доказательств» в гражданских делах.

Каноны, основанные на законодательных актах

In pari materia (в аналогичном случае): сходные законодательные акты должны толковаться сходным образом, если из истории их принятия или их цели не усматриваются существенные различия.

Действует презумпция недопущения отмены акта на основании предположений.

Применяется правило цели: неоднозначные законодательные акты надлежит толковать таким образом, который позволит наилучшим образом достигнуть их законодательно установленных целей.

Законодательно установленные изъятия должны толковаться ограничительно.

Действует презумпция недопущения создания изъятий в законодательном акте, в котором изъятия отсутствуют.

Разрешается допускать малозначительные исключения из законодательно установленных норм, если такие исключения не противоречат целям законодательного акта.

Действует презумпция о том, что прямо предусмотренному или подразумеваемому праву частного лица на иск, вытекающему из федеральных норм права, сопутствуют все традиционные способы защиты прав.

Действует презумпция о том, что суд не будет устанавливать санкцию за несоблюдение положения о сроках, если в законодательном акте санкции не содержится.

Применяется правило, не допускающее налогообложения штатами индейских племён и деятельности на территории резерваций.

Действует презумпция о том, что федеральные законодательные акты не «уменьшают» земли индейцев.

Случаи освобождения от федеральных налогов должны толковаться ограничительно.

Действует презумпция о том, что налогоплательщик не требует вычета из подоходного налога.

Действует презумпция сохранения ранее применявшихся доктрин в сфере банкротства при принятии закона «О банкротстве» 1978 г.

Применяется уважительное отношение федерального суда к арбитражным решениям, даже если Федеральный закон «Об арбитраже» согласно его положениям применению не подлежит.

Действует строгая презумпция в пользу принудительного исполнения соглашений о трудовом арбитраже.

Применяется правило благоприятствования рассмотрению требований, основанных на федеральном законодательстве, в арбитраже.

Законодательные акты, разрешающие обжалование, подлежат строгому толкованию.

Применяется правило о том, что надлежащим судом для рассмотрения требований к федеральному правительству на основании закона Такера является Претензионный суд (*Claims Court*).

Применяется правило о том, что положения о выступлении «в качестве истца и ответчика в суде» содержат отказ от государственного иммунитета и подлежат расширительному толкованию.

Действует презумпция о том, что законодательный акт о создании органа исполнительной власти, уполномочивающий его «быть истцом и ответчиком в суде» также наделяет федеральные суды юрисдикцией по рассмотрению дел, истцом и ответчиком по которым является орган исполнительной власти.

Неоднозначные положения законодательных актов о выдворении надлежит толковать в пользу иностранных лиц.

Действует принцип свободного толкования законодательных актов о льготах для ветеранов применительно к получателям льгот по таким законодательным актам.

Антимонопольные нормы подлежат расширительному толкованию.

Действует презумпция неприменения закона Шермана к деятельности, разрешённой штатами.

Действует презумпция о том, что толкование законодательных актов не должно вести к негативным последствиям для конкуренции.

Действует строгая презумпция того, что федеральные большие жюри присяжных действуют в пределах законной сферы их полномочий.

Каноны, основанные на общем праве

Действует презумпция следования использованию слов и понятий, принятому в общем праве, в случае употребления Конгрессом слов или понятий, в отношении которых в общем праве сложилась устоявшаяся традиция. Надлежит учитывать развитие норм общего права, если это не противоречит целям законодательного акта.

Применяется правило о недопущении экстерриториального применения права США, за исключением антимонопольных законов.

Применяется сверхстрогое правило недопущения отказа от суверенного иммунитета Соединённых Штатов.

Применяется правило о начислении процентов на задолженность перед Соединёнными Штатами.

Применяется сверхстрогое правило о недопущении передачи государственных земель США частным лицам.

Применяется правило, презюмирующее недопущение переложения судебных расходов на проигравшую сторону в федеральных судах и федеральных законодательных актах, а также ограничительное толкование законодательных актов о переложении судебных расходов, исключающих неназванные затраты.

Действует презумпция о том, что жюри присяжных устанавливает факты, тогда как суд решает вопросы права.

Применяется правило, презюмирующее вступление в силу закона в дату его принятия.

Действует презумпция о том, что общественный интерес (интерес правительства) не ущемляется халатностью федеральных служащих.

Действует презумпция о том, что федеральные органы исполнительной власти, вступающие в коммерческие отношения с правом «быть истцом и ответчиком в суде», не пользуются государственным иммунитетом.

Действует презумпция благоприятствования принудительному исполнению оговорок о выборе суда, рассматривающего споры.

Действует презумпция отсутствия у суда индейского племени компетенции для рассмотрения уголовного дела в отношении лица, не принадлежащего к племени.

Действует презумпция о том, что сторона не вправе ссылаться на юрисдикцию федерального суда до исчерпания способов защиты прав, доступных в судах индейских племён.

Действует презумпция преюдициального действия решения федерального суда в производстве по административному делу в органах штата.

Действует презумпция о том, что иммунитеты, вытекающие из норм общего права, включаются в федеральные законодательные акты о правах граждан.